

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2022 Том 17 № 2 (34)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал «Жанры речи» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76706 от 02.09.2019 г.
- Подписной индекс издания 70771. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталогах «Пресса России» (www.pressa-rf.ru), «Пресса по подписке» (www.akc.ru) и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (zhanry-rechi.sgu.ru)
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 10.01.01, 10.02.01, 10.02.19, 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8)
- Журнал входит в ядро РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science
- Журнал входит в Международные базы данных Scopus, ERIH PLUS, DOAJ

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2022

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алтатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Е. Ю. Викторова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Ст. Гайда, Ph.D., проф. (Ополе, Польша)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, Ph.D., проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
И. Э. Клюканов, Ph.D, проф. (Вашингтон, США)
Р. Лакофф, Ph.D., проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, Ph.D., проф. (Каунас, Литва)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Беларусь)
А. Мустайоки, Ph.D., проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, Ph.D., проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
П. Серио, Ph.D, проф. (Лозанна, Швейцария)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
М. Сифиану, Ph.D, проф. (Афины, Греция)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Р. Г. Тирадо, Ph.D, проф. (Гранада, Испания)
Хуан Мэй, Ph.D., проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

- Vladimir M. Alpatov (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>
Elena G. Elina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>
Stanisław Gajda (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0002-2288-9723>
Olena I. Goroshko (Kharkov, Ukraine), <https://orcid.org/0000-0002-8592-1022>
Vladimir I. Karasik (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>
Robin Lakoff (Berkeley, USA)
Igor E. Klyukanov (Washington, USA), <https://orcid.org/0000-0003-2240-0980>
Tat'yana V. Larina (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>
Eleonora Lassan (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>
Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8717-9231>
Mei Huang (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>
Arto Mustajoki (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>
Boris Y. Norman (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>
Natalia V. Orlova (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>
Valeri V. Prozorov (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>
Renate Rathmayr (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>
Vladimir A. Salimovsky (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>
Patrick Sériot (Lausanne, Switzerland), <https://orcid.org/0000-0002-4805-883X>
Tat'yana V. Shmelyova (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>
Maria Sifianou (Athens, Greece), <https://orcid.org/0000-0002-3231-937X>
Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>
Tat'yana I. Steksova (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>
Zifa K. Temirgazina (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>
Rafael Guzman Tirado (Granada, Spain), <https://orcid.org/0000-0002-4615-6436>
Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>
Maria Yelenevskaya (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

- В. В. Прозоров**
Саратов, Россия Об универсальных антропоцентрических
характеристиках речежанровой коммуникации 88

Переводы

- Патрик Серио**
Лозанна, Швейцария Волошинов и Фосслер: союзники поневоле 99

Исследования отдельных жанров

- Е. С. Пивовар**
Витебск,
Республика Беларусь Словарь культуры как особый лексикографический жанр..... 108
- Л. В. Балашова**
Саратов, Россия Жанр обращения Президента России к ее гражданам
в период первой волны пандемии КОВИД-19 в зеркале
концептуальной метафоры..... 115
- С. Г. Воркачев**
Краснодар, Россия Вербализация символа: блазонирование
в государственной геральдике постсоветских республик..... 133

Жанры в художественном творчестве

- Г. В. Токарев**
Тула, Россия Диалоговая основа дневника Л. Н. Толстого 140

Жанры СМИ

- Н. А. Пром**
Волгоград, Россия Диалогизация дискурса и жанра в медиа..... 146

Рецензии. Обзоры. Хроника

- Ю. В. Назаренко**
Минск, Республика Беларусь Согласие/несогласие по-белорусски: Рецензия
на учебно-методическое пособие А. П. Латушко
«Беларускія выразы згоды і нязгоды»
(Мінск, БДУ, 2020. 135 с.) 156

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

- Prozorov V. V.** On universal anthropological characteristics of speech
Saratov, Russia genre communication 88

Translations

- Patrick Sériot** Voloshinov and Vossler: Allies without knowing it 99
Lausanne, Switzerland

Studies of Individual Genres

- Pivovarov E. S.** Cultural dictionary as a special lexicographic genre 108
Vitebsk, Republic of Belarus
- Balashova L. V.** The genre of the Russian Federation's President's address
Saratov, Russia to its citizens during the first wave of the COVID-19
pandemic in the mirror of a conceptual metaphor 115
- Vorkachev S. G.** Verbalizing the symbol: Blazoning in the national heraldry
Krasnodar, Russia of the post-soviet republics 133

Genres in Art

- Tokarev G. V.** Dialogue basis of Leo Tolstoy's diary 140
Tula, Russia

Genres of Mass Media

- Prom N. A.** Dialogization of discourse and genre in media 146
Volgograd, Russia

Reviews. Chronicle

- Nazarenko Yu. V.** Agreement/Disagreement in Belarusian: Review of the
Minsk, Republic of Belarus teaching aid by A. P. Latushko "Belarusian phrases of
agreement and disagreement" (Minsk, BSU. 2020. 135 p.) 156

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 88–98
Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 88–98
<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-88-98>

Научная статья
УДК 81'27'42

Об универсальных антропоцентрических характеристиках
речежанровой коммуникации

В. В. Прозоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, научный
руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего
литературоведения и журналистики, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Аннотация. Настоящая статья продолжает работу, опубликованную в № 3 «Жанров речи» за 2020 г. Надёжность и состоятельность коммуникации в широком диапазоне РЖ различается с точки зрения основных качественных характеристик самого процесса общения и его итоговой результативности. Основная задача – уточнить и усилить доказательную базу предположений, связанных с типовыми структурными особенностями, присущими разным речежанровым образованиям в свете их надёжности и состоятельности. Раскрывается содержательный смысловой объём универсальных антропоцентрических факторов внимания, соучастия и открытия в текстовых и когнитивных механизмах РЖ. Трёхуровневое восприятие речежанрового сценария, в силу относительно размытой границы между отмеченными параметрами, трудно поддается отчетливому сегментированию. По необходимости мы сосредоточиваемся на доминантном воплощении обозначенных стадий коммуникативной динамики. Многочисленные опыты наблюдений над структурой РЖ в их живой конкретной реализации позволяют заключить, что доля по-настоящему безупречных примеров надёжности и состоятельности повседневного речевого общения не слишком велика в сравнении с отточенным воссозданием РЖ в словесно-художественных текстах. Малая или заметно ослабленная эффективность общения особенно явно обнаруживается при заниженном, снисходительном, искаженном представлении инициатора общения о своем адресате, о предполагаемой аудитории.

Ключевые слова: речевые жанры, надёжность и состоятельность коммуникации, коммуникативное событие, антропоцентрические параметры речежанрового общения, внимание, соучастие, открытие, адресат в речевом жанре

Для цитирования: Прозоров В. В. Об универсальных антропоцентрических характеристиках речежанровой коммуникации // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 88–98. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-88-98>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On universal anthropological characteristics of speech genre communication

V. V. Prozorov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Valery V. Prozorov, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Abstract. The article continues the research published in “Speech Genres”, 2020, no. 3. The reliability and consistency of communication in a wide range of speech genres differ in terms of basic quality characteristics of the communication process itself and its final outcome. The main objective of the article is to specify and to

reinforce the evidence base of our assumptions connected with the typical structural aspects of different speech genre formations in view of their reliability and consistency. The author attempts to reveal the conceptual and notional capacity of universal anthropological factors of attention, involvement and discovery in textual and cognitive mechanisms of speech genres. The three-level reception of the speech genre script due to the blurred lines between the mentioned parameters is not easy to segment. If and when necessary, we focus on the dominant manifestation of the marked above stages of the communication evolution.

Our extensive investigation of speech genres' structure in their natural specific realization allows us to conclude that the proportion of really impeccable examples of reliability and consistency in everyday communication is not large in comparison with the neat reproduction of speech genres in fiction. Low or notably weakened efficiency of communication is especially clearly revealed when the initiator of communication's conception of their addressee or the supposed audience is understated, condescending or warped.

Keywords: speech genres, reliability and consistency of communication, communicative event, anthropological parameters of speech genre communication, attention, involvement, discovery, addressee in speech genres

For citation: Prozorov V. V. On universal anthropological characteristics of speech genre communication. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 88–98 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-88-98>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Настоящая статья является продолжением моей работы, опубликованной в № 3 журнала «Жанры речи» за 2020 г. [1: 195–204]. Надёжность и состоятельность коммуникации в широком диапазоне РЖ различаются с точки зрения основных качественных характеристик самого процесса общения и его итоговой результативности. Надёжность и состоятельность коммуникации – убеждающая участников общения целенаправленная полнота и эффективность конкретной речевой осуществлённости.

Степень надёжности имеет в виду относительно последовательное, шаг за шагом, поворот за поворотом осуществление желанных для субъектов речи коммуникативных микроцелей в пределах данного жанра в его интерактивной готовности и устремленности. **Показатель состоятельности** обращает внимание на эффективность (а подчас и эффективность), действенность, результативность, точность заключительных, финальных аккордов данного речевого события в его конкретно ситуативном проявлении и в последующем переживании-осмыслении случившегося уже акта общения как целого (удалось/частично удалось/не удалось).

Мне доводилось писать о том, как в неоднократных беседах со мной по поводу интерактивных возможностей поэтических текстов и РЖ в целом профессор Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва) Н. И. Формановская часто прибегала к таким понятиям, как «коммуникативная результативность», «всегда желанная, но далеко не часто достигаемая коммуникативная надёжность и состоятельность». «Степень надёжности, – говорила Наталья Ивановна, – определяется доверительная устойчивость процесса коммуникации; состо-

ятельность означает безусловный коммуникативный успех; в совокупности надёжность и состоятельность характеризуют коммуникативный акт как целое». В подобном терминологически корректном ключе мы и используем эти понятия. Н. И. Формановской обязан я и самой идеей распространения на бесконечную сферу РЖ моих давних наблюдений, касающихся внутренней направленности словесно-художественных текстов на вероятного читателя-адресата [см.: 2: 27–36].

Ненадёжность (слабая надёжность) и несостоятельность (неполная состоятельность) общения – одна из вечно актуальных, крайне негативно ощущаемых индивидуально- и социально-психологических проблем обширного и разномасштабного коммуникативного проявления. Проблема эта относится к обширным сферам культуры общения, искусства выстраивания диалога, речевого этикета, наконец. Культура речевого поведения – дело во многом наживное. Важно разобраться в её природе. Ролан Барт писал: «Мы хорошо знаем, что язык не сводится к одной лишь коммуникации, что в речи занят и через нее осуществляется человеческий субъект во всей его полноте» [3: 533–534]. В монографическом исследовании, посвященном коммуникативным ценностям русской культуры, В. В. Дементьев пронизательно отмечает: «Привнесение в коммуникацию идеи социального института меняет важнейшие формальные и содержательные измерения коммуникации: в данном случае адресант говорит не только от своего имени, но и от имени института, ему доверяет отстаивать свои интересы и решать свои проблемы; кроме того, и адресату навязываются правила и в каком-то смысле интересы этого института в качестве вполне актуального собеседника» [4: 270–271]. Неустрашимое жи-

вое дыхание многих социо- и этно-культурных факторов на коммуникативные практики – реальность исследуемой материи, но в данном случае наши акценты преимущественно переносятся на типологические характеристики речевых жанров природы в их весьма условной обособленности.

Наша задача – заметное уточнение и усиление доказательной базы предположений, связанных с типовыми содержательно-структурными особенностями, присущими самым разным речевым образованиям с точки зрения их надежности и состоятельности.

Известно, что инициатор всякого высказывания «ищет и превосходит» то, что называется «ответным пониманием» адресата [5: 209]. В живом проявлении, во внутренней организации РЖ с разной степенью отчетливости дает о себе знать (до поры – до времени не осознанная или с самого же начала внятно осознаваемая) определенная мотивация и некое целеполагание. Под мотивацией мы понимаем изначальную, обусловленную известными интересами, внутреннюю расположенность и устремленность участников общения к осуществлению некоторого действия (речевого акта). Мотивация (чаще всего интуитивно) освещает собой все пространство речевого коммуникативного динамики. Целеполагание в процессе реализации РЖ – постепенное (неспешное, размеренное, скорое, мгновенное) сближение адресанта и адресата в постановке и корректировке микроцелей и макроцели общения, в решении разномасштабных коммуникативных задач.

Под типовыми структурными особенностями мы уговариваемся различать обнаруживаемые при достаточно пристальном наблюдении универсальные антропоцентрические уровни (стадии, факторы) **внимания, соучастия и открытия** в текстовых и когнитивных механизмах РЖ. Эти уровни как раз и переносятся нами с обширного поля вторичных (словесно-художественных) жанров на бесконечное пространство жанров речевых с их «трудно контролируемым разнообразием» [6: 206].

РЖ при всем многообразии их проявлений и при всей очевидной нечеткости и зыбкости внутренних границ относительно корректно и внятно структурированы и имеют «единую плоскость анализа высказываний», отчетливо разнящихся по степени сложности [7: 109]. Они отмечены, как правило, известной протяженностью и имеют в своем составе, в первых, момент вступления, мотивирующий адресата к ответной, более или менее адекватной фокусировке **внимания**, во-вторых, пространство заметного, ощутимого развития предложенной темы с точки зрения её це-

леполагания, проявления разной интенсивности **соучастия**, инициированного адресантом и по возможности по-разному поддерживаемого и развиваемого адресатом, и наконец, фазу необходимого завершения, а если завершение бесспорно удаётся, то и некоего откровения – **открытия**, в нем затаённого.

Разумеется, трехуровневое восприятие речевого сценария, в силу относительно размытой границы между отмеченными уровнями, трудно поддается отчетливому сегментированию. Тем не менее, речь может идти о реальном доминантном воплощении обозначенных стадий коммуникативной динамики.

Внимание в речевом контексте – это избирательная направленность и сосредоточенность восприятия адресата на инициируемый адресантом предмет (тему) речи. Управление вниманием участников коммуникации изначально осуществляется благодаря более или менее устойчивой активности соответствующих раздражителей – прежде всего невербальных и вербальных сигналов, исходящих от инициатора общения и побуждающих к уместной, ожидаемой ответной реакции [8: 6–50]. Активную роль здесь в официальных и повседневно-бытовых ситуациях «для установления контакта в избранной тональности» [1: 46] играют, в частности, *обращения* в широчайшем спектре их оформлений [см.: 9: 78–98; 10: 115–155].

Сфера внимания возбуждает, как говорят психологи, временный или ситуационный интерес, возникающий в процессе общения и угасающий с его окончанием. Факторы, способствующие в композиции и текстуре РЖ сосредоточению и устойчивости направленного внимания (при всех его естественных колебаниях), разнообразны. Характеризуются они прежде всего:

интенсивностью проявления невербальных и вербальных раздражителей, настойчивостью побуждений-приглашений к какому-либо действию или переживанию (выражением лица, жестикуляцией, прикосновениями, голосовыми модуляциями, необходимым словесно-звуковым сопровождением и др.) [см.: 11: 36–38];

степенью внезапности и необычности невербальных и вербальных раздражителей: неожиданностью для адресата некоей непредвидимой и хмуро, холодно, враждебно воспринимаемой инициации («Этого только мне не хватало!», «Да что за безобразие!», «Ну куда это годится!», «Мне не до вас!») или, напротив, привычным, но особо желанным и тайне прогнозируемым побуждением («Конечно, конечно!», «Отлично!», «Я так этого ждал!», «Я того же мнения»);

определенной функционально-структурной организацией самих раздражителей, отмеченной совпадением (соприкосновением, сближением, слиянием) потребностей и интересов инициатора РЖ и конкретно избранного (встреченного) им или вероятного, воображаемого адресата, выбором цепляющих внимание собеседника выразительных, подходящих к ситуации слов и словосочетаний. В повествовательном (письменном и разговорном) тексте можно выделить целый ряд такого рода слов и словосочетаний – сигналов к сосредоточению внимания: «*ты не поверишь*»; «*однажды*»; «*вдруг*»; «*внезапно*», «*совершенно неожиданно*»; «*но тут как раз*»; «*и вот*»; «*но не тут-то было*»; «*только я (подумал, взглянул, рассмотрел, отошёл), как*»; «*и тут как снег на голову*»; «*и тут меня осенило*» и т. п.

Параметры внимания, характеризующие функционирование разных РЖ, основательно прописаны в нашей обыденной речи. Вспомним только словосочетания со словом «внимание» (варианты с глаголами): переключить внимание, собрать внимание, сосредоточить внимание, сконцентрировать внимание, притягивать внимание, задержать внимание, занять внимание, контролировать внимание, обострить внимание и т. д.

Отчётливо обнаруживаемые симптомы внимания подвигают к начальной фазе успешной реализации процесса общения. Однако внимание сопутствует всему ходу данного речежанрового события, контролируя его и обеспечивая тем самым надёжность функционирования всей коммуникативной проводки. Но без своевременного и совершенно необходимого перехода к следующей стадии сам процесс может вскоре застопориться, оборваться, оказаться безуспешным. Собеседнику (адресату) предложенное участие в общении может показаться ненужным, нежелательным, неуместным, неинтересным, не задевающим его за живое, скучным и даже вредным, наконец.

Коммуникативная удача способна осуществиться лишь при наличии следующего (не по счёту, а по самому факту его проявления), чрезвычайно важного уровня общения. Условное имя этого уровня – **соучастие**. Как полагал М. М. Бахтин, инициатор общения «ждет не пассивного понимания, так сказать, только дублирующего его мысль в чужой голове, но ответа, согласия, сочувствия, возращения, исполнения и т. д.» [5: 104].

Очевидно, что при употреблении понятия «соучастие» в нашем психолого-филологическом контексте мы уходим от навязчивых уголовно-правовых смысловых обертонов. Соучастие в нашем понимании ближе, наверное,

по своему объёму к ставшему в последнее время модным понятию «эмпатия», т. е. осознанному сопереживанию эмоционального состояния другого, вчувствованию, сочувствию, готовности к пониманию, известному совпадению мнений и оценок. В повседневной речевой практике соучастие может поддерживаться, в частности, щедрым употреблением *сравнений*, способных расположить к себе собеседника или (в зависимости от цели общения) раздражить его: *ты выглядишь сегодня, как солнышко лесное; как лебедушка; как лучик света; как птица вспокоенная; как ворона каркающая, как вепрь; не раскисай, как тряпка, как печенье в молоке; не дрожи, как кролик; ты сейчас словно белены объелся; не лезь на стенку; не беснуйся, как тигр в клетке...* В реальной практике речевого взаимодействия огромную роль играют компоненты фатического сопровождения.

Речежанровая коммуникативная надёжность напрямую связана с такими составляющими соучастия, как *отношение, сопричастность и содействие*. Без содержательного подключения указанной понятийно-этикетной цепочки коммуникация может быть обречена на провал. Что имеется в виду под данной связкой?

Отношение предполагает более или менее прочный контакт, устанавливаемый в речевом акте, в диалоге инициатора и адресата речи. М. М. Бахтин выделял «отношения, которые существуют между репликами диалога, – отношения вопроса-ответа, утверждения-возражения, утверждения-согласия, предложения-принятия, приказания-исполнения и т. п.» [5: 106]. В процессе реализации РЖ складываются чувствительно выраженные регулятивные отношения значения и значимости. Отношение – некоторый род экспрессивно демонстрируемой, вербально и невербально подчеркиваемой изначальной связанности, зависимости друг от друга участников общения. Амплитуда характеристик отношений и намерений невероятно велика и разнообразна: «*одной крови*», «*не разлей вода*», «*вместе одолеем*», «*друг без друга никуда*», «*одним миром мазаны*», «*в лепешку расшибусь*», «*попробую, постараюсь*», «*и не друг, и не враг*», «*будет с тебя*», «*как кошка с собакой*», «*в контрах*», «*разбежался я выполнять твоё желание*», «*все сделаю с точностью наоборот*» и т. д.

Сопричастность – амбивалентное эмоционально-интеллектуальное ощущение ситуативно объединяющего/разделяющего, но всегда, пусть и по-разному, но заинтересованного схождения, часто разнонаправленной совместимости/несовместимости, известной родственности/чуждости мнений, взглядов, пози-

ций («свои» – «чужие»): «я с тобой согласен», «мы думаем одинаково», «ты у меня с языка это предположение снял», «да, ты, пожалуй, прав», «я думаю иначе», «ты заблуждаешься», «ты не прав», «не собираюсь с тобой спорить», «эк, куда тебя занесло!», «много чести спорить с тобой»...

Содействие – высший градус соучастия. Речь идет о нарастающей активности ответных реакций адресата. Имеются в виду сочувственное понимание и поддержка или, напротив, отчетливое глухое противостояние. Иными словами, содействие здесь – эмоционально-деятельностная обратная связь, перлокутивный эффект в пределах осуществляемого РЖ, в том числе выражаемый глагольными формами: «помочь», «спасти», «одобрить», «поддержать», «выручить», «поощрить», «угостить», «угovorить», «содействовать», «подыграть», «принять участие», «сориентировать»; «возразить», «оспорить», «озадачить», «осмеять», «остудить», «осудить», «возмутиться», «опровергнуть», «противиться», «сопротивляться», «противодействовать», «дать отпор» и т. д.

В целостной совокупности при всей отнесенности их разграничений симптомы отношения, сопричастности и содействия способны обеспечить успешную реализацию того, что мы называем соучастием в живой жизни РЖ. На пути к состоятельности речежанрового общения много когнитивных испытаний и искажений. Отмеченные и многие другие маркеры соучастия (отношения солидарности/отдаления, невольной приязни/неприязни, повышенной заинтересованности/демонстративной незаинтересованности в решении определенной проблемы, сопричастности к ней/отрешенности, готовности/неготовности к содействию и взаимной поддержке) особенно интенсивно и осознанно обнаруживают себя в современной вольной сетевой коммуникации с её скорыми на суд непосредственными мнениями и оценками.

Если параметры внимания, поддерживающие общение на всем его протяжении, предполагают включение субъектов речи в «правила игры» в рамках инициируемого РЖ, то параметры соучастия определяют весь дальнейший ход, все продвижение и надежное развитие коммуникации в пределах данного РЖ. Состоятельность речевого события во многом фиксируется его участниками в свете заключительных аккордов общения, с точки зрения содержащихся (или отсутствующих – частично или полностью) подытоживающих элементов удивления, внезапного озарения, расслабления, освобождения, заметного снижения градуса царившего напряжения, ины-

ми словами, **открытия**, объединяющего всех участников общения.

Финальное открытие РЖ может считаться состоявшимся, если случается искомый коммуникационный контакт, напрямую связанный, прежде всего, с надежным уровнем жанровой компетенции участников общения. Указанная триада обнаруживает себя в РЖ, преследующих разные коммуникативные цели: информативные, императивные, этикетные, оценочные [12: 91–92].

Сразу же сделаем необходимую оговорку. Речь идет прежде всего о таких типовых речежанровых сценариях, которые по самой своей природе имеют склонность к внутреннему развитию-движению, к разноскоростному нарастанию действия (от стремительного до очевидно замедленного и наоборот), к переходу от затаенного, приглушенного, относительно ровного, по видимости нейтрального речевого звучания-настроения к более громкой, резкой, внезапно полнозвучной реакции, к парадоксальной и многозначительной стадии самоосуществления.

Вот наугад взятые примеры из мира коротких анекдотических текстов: «Массовое ношение масок показало, что самое ценное у россиян – это подбородок»; «Дарвину верить нельзя! Никакого естественного отбора в эволюции нет, её метод – естественные отбросы»; «Быть порядочной в глазах подруг несложно. Куда сложнее убедить их не добавлять слово “сука”»; «Со Сталиным трудно спорить по вопросам теории: ты ему – сноску, он тебе – ссылку». В каждом из примеров есть рассчитанный на чуткое внимание слушателя зачин, есть вызывающее к соучастию лаконичное продолжение и развитие темы и есть комическая (горько-комическая) внезапность открытия, заключенного в концовке мини-сюжета.

Внезапность финала почти всегда – показатель удавшегося высказывания: «Хотел съесть лося, // Да не удалось» (про одного незадачливого политика, недавно пойманного на браконьерстве, что называется, с полици-ным). Или вспомним постмодернистский рекламный текст, отмеченный печатью грустно-язвительного абсурда: «Я в весеннем лесу // Пил березовый Спрайт» (из романа Виктора Пелевина «Generation “P”»).

Отмеченная триада хорошо себя чувствует даже в давней предупредительной поговорке «Поспешишь – людей насмешишь». Первым словом фокусируется внимание: ну, поспешишь, помчишься куда-то сломя голову, и что из этого? Появляется собирательный образ «людей», всяких, разных, от нечего делать, по случаю, по делу все примечающих, наблюдающих за твоей спешкой и как бы

соучастующих в твоих торопливых действиях. Но не тут-то было! И третьим словом набегают неловкое, не вполне приятное для тебя откровение, которое сулит поговорка: над твоими впопыхах действиями люди будут смеяться, ты для них явным посмешищем можешь стать.

Приведем образец совсем другой по тональности, более сложной цепи высказываний. Перед нами относительно самостоятельный фрагмент красноречивого примера, предложенного В. В. Дементьевым в разделе «Разговор по душам» коллективного издания «Антология речевых жанров» [13: 231–245]. В ставшем культовым криминальном фильме Алексея Балабанова «Брат-2» искренне, простодушно и откровенно общаются, расположившись в центре Чикаго, три героя: Даша (актриса Дарья Юргенс), Данила (актер Сергей Бодров) и Виктор (актер Виктор Сухоруков).

Данила. Поехали с нами домой. Там хорошо.

Даша. А что я там делать буду?

Данила. А здесь ты что делаешь?

Виктор. А мне здесь нравится. В Америке вся сила мира!

Данила. А в чем сила, брат?

Виктор. А вот в чем! В деньгах вся сила, брат! Деньги правят миром, и тот сильнее, у кого их больше.

Данила. Ну, хорошо, вот много у тебя денег, и что ты сделаешь?

Виктор. Куплю всех.

Данила. И меня?

(СМЕЮТСЯ)

Этот способный быть автономно воспринятым отрывок несуетного, памятного всем зрителям «разговора у костра» даёт отчетливое представление о факторе внимания, который концентрируется на начальной, как бы поворотной реплике Данилы: «Поехали с нами домой». Следует продолжение неторопливой беседы по душам (стадия соучастия). Продолжение реплики Данилы: «Там хорошо»; грустно-усталый, сокрушенный отклик Даши; сообщающая разговору новую энергию вроде бы пафосная, подзадоривающая реплика Виктора... Фрагмент заключается открытием и одновременно прояснением-подтверждением очевидного и несомненного – объединяющей собеседников, Данилу и Виктора, и подытоживающей этот эпизод их общения всепонимающей усмешкой...

Совсем другой пример – живая недоуменная реакция соцсетей на случившийся 4 октября 2021 г. крупный сбой в работе американской социальной сети Facebook и ряда дочерних программ (Facebook Messenger, Instagram, WhatsApp, Oculus). Работа сервисов была прекращена более чем на 7 часов.

В сети мгновенно стали появляться десятки тысяч комментариев, которые можно отнести к жанровой группе «репортативов» [14: 50]. При всей их хаотичности, при всей нечеткой множественности, они могут быть прочитаны как целый текст – пространная цепь высказываний по одному и тому же ошеломившему пользователей сети поводу. Тексты эти тоже имеют очевидную склонность распределяться на три разряда.

Сперва в Telegram-каналах обнаруживает себя реакция растерянно извещающая и недоумевающая. Её цель – обратить всеобщее **внимание** на случившееся (здесь и далее сохранены правописание и стиль самых частотных по содержанию, подлинных текстов):

– Вдруг масштабный сбой по всему миру!

– Ау социальные сети не работают!

– Вотсап вообще не работает!

– А я то думала че не грузится

– А я то думала что за фигня. А оно вон что...

– Instagram и whats App подтверждаю подвисли

– Оказывается во всем мире

– И на Кавказе не работает ни-че-го

– В Казани тоже не работа... У всех все встало

– По всему миру это точно

– На Урале тоже не работает!

– И в Швеции не работает

– Я то думала у меня глючит телефон и интернет

– А я думал только айфоны с ума сошли

– Интересно надолго сбой

– Телеграмм вроде норм

Чуть позже начинает обнаруживать себя склонность к некоторой, по возможности взвешенной рассудительности (чтобы это могло быть и значить!?) и сочувственной солидарности – массовому **соучастию** в общей катастрофической неприятности:

– Наверно спутник навернулся

– подвисли

– А кто знает из-за чего (((

– Проверку проводят 100 %

– Да уж, забавные истории происходят

– Это не просто

– Все...пора изучать азбуку Морзе

– Кто знает в чем прикол? Что-то новое готовят

– Всемирный заговор

– Апокалипсис

– Катастрофа

– Ждали но не так скоро

– успокоимся и будем наблюдать

– Да уж, забавные истории происходят.

– Вопрос, надолго ли?

– запасаемся терпением и спичками

И наконец, начинают появляться комментарии-открытия, язвительные, победительно-насмешливые, простодушно-ликующие, в основном по-разному позитивные, содержащие рецепты выхода из сложившейся ситуации, указывающие на преимущества новых состояний и ощущений:

– Всем отличного вечера
 – Пусть рухнет этот вотсап навсегда и инста тоже!!!
 – Блогеры помрут без хлеба
 – Работать пойдут
 – Инстасамки внегодования
 – Вся работа стала без вотсап))) прям задышал полной грудью
 – Дуров красавчик... Ваще гений!!!
 – Главное Телеграмм работает
 – Один ВКонтакте рулит
 – Хорошо, что есть Иван
 – у меня нет инсты такой кайф
 – а я пойду в спортклуб
 – блин, в Вотсап прислали домашку для школы, а он не работает) Отличная отмазка))))))

Я привел, разумеется, лишь крохотную часть комментариев по поводу внезапно случившегося грандиозного сбоя в сети. При всём разнообразии откликов они в последовательности своего появления и в мощном многоголосом проявлении легко различаются по предлагаемой тернарной шкале внимания-соучастия-открытия. Первая часть – призванные обратить на себя повышенное **внимание** вопросы, недоумения, стенания, тревоги, подтверждения тревог. Вторая часть – усиленное **соучастие** в происходящем, сочувствие самим себе и своим товарищам по общей беде, самостоятельные попытки объяснения того, что приключилось. Третья часть – **открытие** неожиданных для себя позитивных ракурсов и ресурсов, положительных результатов от сетевого облома, проявления эгоистического злорадства (А нам все равно! Пусть им будет хуже!) по поводу общей паники, внезапно обнаруживаемые преимущества и первые нечаянные радости.

Мы обращаемся к фрагментам краткого или длительного речевого процесса. По сценариям крещендо с явно выраженными стадиями внимания, соучастия и открытия могут успешно строиться и такие целостные, плотные речевые структуры как любой вид школьного урока, вузовская (или научно-популярная) лекция, экзаменационный диалог, вступительное слово на защите выпускной квалификационной работы, оппонентское выступление, экскурсионный рассказ, неисчислимо разнообразные сценарии споров и, напротив, совместных поиски согласия, выступления в рамках предвыборной агитации,

рекламные тексты, сторителлинги в маркетинге и т. д. В принципе всякое общение так или иначе может оказаться во власти рискованных факторов объективных (не зависящих от участников коммуникации) обстоятельств и субъективных факторов (слабое чувство адресата речи, малая осведомленность в неписаных законах данного РЖ и т. д.). Важно заметить, что подлинный успех, связанный с речевыми состоятельностью, очень часто достигается не только и не столько рассудительным усердием и знанием правил общения, сколько интуитивно и импровизационно данным способом их исполнения в предлагаемой ситуации. Главное, чтоб интуиция не подвела.

Вот, в огромном почтовом потоке некий «центр информирования» 26 октября 2021 г. рассылает пользователям сети такое в целом психологически грамотно (хотя и не безупречно) составленное приглашение, на котором очень прозрачно можно проследить рассматриваемые нами три текстовые составляющие:

«Уважаемый пользователь!

Мы проводим уникальное закрытое мероприятие – только для «своих». Это интерактивная он-лайн-лекция для тех, кто хочет кардинально изменить жизнь к лучшему. Мы вас добавили в список участников с бесплатным доступом! Онлайн-лекция ответит на такие вопросы, которые мучают всех годами (далее следует перечень из шести «животрепещущих» вопросов-проблем).

Не будет никакой воды: только рабочие нейропсихологические техники и упражнения на их основе. Эти бесценные знания позволят вам добиться невероятного прогресса, прокачать внутренние ресурсы и уже не возвращаться в состояние застоя.

Присоединяйтесь и знайте: ключ к успеху – ваш собственный мозг».

Начинается с цепляющих внимание просто-душного потенциального пользователя указаний на исключительность лекции, её закрытость и особую элитарность, особую отмеченность предполагаемого состава. Далее весь текст подчинен одной цели – вызвать в вероятном адресате сочувственный и деятельный интерес к предлагаемому «мероприятию», которое способно «кардинально изменить жизнь к лучшему», ответить на непрерывно мучающие нас жизненно важные вопросы. И всё это при «*бесплатном доступе*» к собственному счастью! При более строгом редактировании (с учетом скептически настроенного потребителя этого обращения), конечно же, стоило бы умерить пафосно-стилистический строй документа, подсократить или вовсе убрать «*прилагательную*» чрезмерность: «*бесценные знания*», «*невероятный прогресс*».

Здесь или вкус изменяет авторам, или заниженные представления о вкусах искомого адресата берут верх. Заключительная фаза открытия (исподволь подготавливаемая упоминанием о модных ныне «нейропсихологических техниках»), увенчивающая призывное рекламное объявление, напрямую обращается к «вашему собственному мозгу». Расчет понятен: ради успеха мозг свой во что бы то ни стало стоит холить, лелеять и «прокачивать»!

Выше рассмотренное рекламное обращение имеет в виду «взрослого» (30+), но не «возрастного» (65+) потребителя. Для юных – свои акценты в рекламах. Тексты эти, как правило, короче, конкретнее и динамичнее, но прослеживаются в них те же внутренние закономерности. Перед нами – рекламный текст (от 28 марта 2021 г.) для желающих пройти краткий курс «Как стать звездой тиктока» («Создание взрывного видео. Вовлечение, монетизация и др. Привлечение подписчиков»). Своего рода инструкция для применения предупреждает: «Если вы начинающий пользователь Тик Тока или уже имеете опыт работы с ним, но кончились идеи/не знаете, что снимать, то вы по адресу. Сегодня поговорим о трендах и идеях для тик тока, которые помогут Вам с легкостью попадать в ТОП и набирать кучу лайков. Тренды в статье разбиты по категориям, чтобы владельцы разных тематических аккаунтов в Тик Ток могли найти идеи для вдохновения и создать самый крупный контент в своей нише. Поехали!»

Обращает на себя внимание заявленный в заголовке текста образ адресата: новичок в жанре, но уже с некоторым опытом и с ощущением исчерпанности собственных идей. Далее, как водится, энергичное взывание к активному соучастию в предлагаемом «предприятии»: вы здесь по адресу, мы охотно вам подскажем, как – без серьезных усилий – прославиться и быстро получить массу вожделенных «лайков». Заключительное (распространенно-призывное и привычное) «Поехали!» воспринимается как приглашение к скорому открытию-обретению для себя самого желанного.

Текст заголовка в Рунете может быть и предельно кратким, но несущим в себе (в финальной своей фазе) разного рода внезапные приманки и неожиданные откровения: «Разговор с сыном. Не подставляй плечо!» (о ненадежности новых вакцин); «В Британии “новый виток толерантности”, необычная любовь становится всё необычней»; «Почему в правилах русского языка нет логики?» (интересующиеся узнают, что «логика в русском языке вполне себе есть»). Или

прислушайтесь к такому утверждению: «Грибоедов (сама фамилия писателя способна привлечь внимание любителей словесности!) не считал Чацкого положительным героем (соучастие пробудилось – все равно, в какой форме: внутреннего согласия или внутреннего протеста!). Я это докажу». Как после этого вероятному адресату не обратиться к обещанной системе доказательств?

Параметры открытия проявляют себя в языковой игре, в построениях с использованием стилистических фигур алогизма, в парадоксальных и остроумных суждениях, в изобретательном рассказывании сюжетов из самых разных сфер бытия, в том, что может быть определено как «поэтика человеческого общения» (В. В. Дементьев)

Малая или заметно ослабленная эффективность общения обнаруживается при слабом знании-представлении инициатора общения о своем адресате, о предполагаемой аудитории. Ненадежность коммуникации часто связана с тем, например, что авторы и исполнители разного рода рекламно-просветительских текстов для привлечения внимания к своему высказыванию используют приемы заведомо неэффективные, давно уже потерявшие кредит доверия, особенно у продвинутой части аудитории. К примеру, все большее раздражение вызывают у пользователей такие типовые, абсолютно глухие отсылки к авторитетам (без указания на достоверные источники): «Британские исследователи недавно обнаружили...»; «Американские ученые ещё в начале нашего века установили...»; «По мнению известных российских экспертов...»; «Специалисты из Фонда Карнеги доказали...»; «Ряд современных исследований показывает...» и т. п. Внимание воспринимающей стороны к подобной невнятной и безликой аргументации резко идет на убыль.

Тысячи пользователей обратили внимание на парадоксально составленный заголовок рекламного текста: «Мошенник-фальшивомонетчик рассказывает сомнительную историю и заставляет задуматься о подготовке к ЕГЭ по русскому языку» (реклама в Дзене от 2 октября 2021 г.). Цель автора-словесника, готовящего к ЕГЭ по русскому языку, – замысловатым образом привлечь внимание абитуриентов к себе и к своей работе. Сам текст – пространственный: около 400 слов. Сюжетная линия прихотливая: соучастие у потенциального читателя призваны вызвать сведения криминального свойства, касающиеся судьбы прославленного американского мошенника, а ныне респектабельного консультанта ряда американских же банков по вопросам безопасности Фрэнка Абигейла. По ходу

повествования автор текста старательно подводит вероятного читателя к рассудительному вопросу, мог ли мошенник (имеется в виду один из непроверенных фактов его жизнеописания) за 2 месяца выучить юриспруденцию и успешно сдать экзамен на адвоката. Далее следует переход к ученым размышлениям о феномене понимания, о самом процессе освоения знаний, о сложной и продолжительной процедуре подготовки к ЕГЭ. И всё заканчивается, как бы между прочим, просто-душно-завлекательной фразой, исполняющей роль открытия: «А на мой курс, кстати, сейчас как раз скидки».

Обращение к этому примеру вызвано тем, что налицо все присущие рекламному тексту параметры. Есть способный обратиться на себя внимание заголовок. Есть (правда, длинная и многосоставная) большая часть повествования, претендующая на то, чтобы постепенно и исподволь вызвать абитуриентское соучастие. И есть ожидаемое рекламное открытие – напоминание о главной цели всего текста. Я поинтересовался, как воспринимают этот текст 14 хорошо подготовленных и гуманитарно-ориентированных одиннадцатиклассников, и выяснилось, что поначалу все без исключения брались за чтение (срабатывал фактор внимания), а затем интерес постепенно угасал: 9 молодых людей, теряя терпение, заглядывали в конец и разочарованно откладывали текст; 5 из них все-таки дочитали его до конца. Итоговое резюме единодушно: стоило ли такой обширный огород городить ради заключительной и ключевой рекламной фразы! Желанная конвенция между автором и адресатами не произошла.

Куда более состоятелен рекламный текст, с первого взгляда несопоставимо будничным, лишенный каких-либо интеллектуальных красот-ассоциаций, предельно скупой по форме и содержанию, но способный четко соответствовать интересам вероятного адресата. Перед нами издали видное объявление на вполне себе импозантном сетевом ларьке европейского образца. Крупным шрифтом «**ЕСТЬ РАБОТА**». Внимание ищущего подходящее рабочее место фразой этой схвачено. Шрифтом помельче читаем: «**прямо здесь**». Градус соучастия способен возрасти мгновенно при совпадении интересов потенциального соискателя со столь близкой (вот она перед глазами, прямо здесь, рукой подать) локацией. И заключительное сообщение – прямой путь к открытию: «**Телефон:** (обозначен конкретный номер)». Всё! При счастливой встрече этого текста с адресатом цель обеих сторон диалога достигнута. Взаимные ожидания участников общения могут оправдаться.

Сдается, что частичная состоятельность или даже полная несостоятельность речевых жанровых осуществлений особенно отчетливо обнаруживается при самоуверенно-снисходительном, невзыскательном или намеренно (тем более, надменно-) покровительственном отношении инициатора коммуникации к своему адресату, при заниженном представлении о возможностях и притязаниях предполагаемой аудитории. Успеху надежной речевой коммуникации прежде всего способствует внушающий доверие искренний диалог в сочувственно-благожелательной тональности с использованием тех средств общения, «которыми человек владеет лучше всего, увереннее всего, а также – немаловажно – которые уже зарекомендовали себя как эффективные в определенных типичных ситуациях» [15: 179].

Предварительные итоги

Исследуемая нами троичная психолого-филологическая структура РЖ в полной мере проявляет себя лишь в успешно обнаруживающем результативную надёжность и состоятельность жанровом воплощении. Успех обусловлен такими факторами, как душевная близость субъектов речевого общения, сопоставимый уровень их коммуникативных компетенций, социально-образовательный статус, разноплановые ситуативные заботы и интересы и многое другое.

Многочисленные и давние опыты наблюдений над структурой РЖ в их живой конкретной реализации позволяют заключить, что доля по-настоящему безупречных и неуязвимых примеров надежности и состоятельности общения не слишком велика. Не слишком велика в сравнении с отточенным и взвешенным воссозданием РЖ в словесно-художественных текстах (см., например, «образцовую» поначалу, а затем и уклоняющуюся от всех разумных правил общежития речевую и поведенческую коммуникацию Ивана Ивановича Довгочхуна и Ивана Никифоровича Перерепенки из знаменитой повести Н. В. Гоголя). Не слишком велика, имея в виду всегдашний зазор между неким идеальным умозримым образцом и повседневно проявляющимся, непосредственным речевым опытом. Не слишком велика и с точки зрения онтологической природы великого и грустного «противоречия между данным и желанным» [16: 388] в межличностных, в межэтнических, в межконфессиональных и других диалогах.

Сами по себе заявленные здесь представления о надежности и состоятельности речевых жанровых коммуникации, разумеется, ни в коей мере не служат панацеей от мало результативных или безуспешных попыток

и проб общения, но приближают нас к доказательно верным суждениям и заключениям о корректности (правильности) коммуникативных связей и отношений. Втайне, про себя сохраняется надежда, что излагаемый взгляд на параметры внимания, соучастия

и открытия в РЖ при его дальнейшем последовательном развитии даст возможность приблизиться к пониманию некоторой объективно данной нам оценочно-аналитической шкалы коммуникативной безошибочности и безукоризненности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прозоров В. В. О надёжности и состоятельности речежанровой коммуникации // *Жанры речи*. 2020. № 3 (27). С. 195–204. <https://www.doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-195-204>
2. Формановская Н. И. Коммуникативный контакт. М. : ИКАР, 2012. 200 с.
3. Барт Ролан. Разделение языков // Избр. работы. Семиотика. Поэтика : пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступит. статья Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. С. 519–534.
4. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры : категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком ; Языки славянских культур, 2013. 338 с. (Studia philologica).
5. Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – 1950-х годов. М. : Русские словари, 1996. 751 с.
6. Войтак М. Генология как когнитивное пространство (пер. с польск.) // *Жанры речи*. 2020. № 3 (27). С. 206–213. <https://www.doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-206-213>
7. Вежбицка А. Речевые жанры (пер. с польск.) // *Жанры речи* : сб. науч. тр. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 99–111.
8. Эффективность коммуникации : понятие, роль адресанта и адресата, основные приёмы её достижения : монография / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов : ИЦ «Наука», 2019. 215 с.
9. Гольдин В. Е. Этикет и речь. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 112 с.
10. Формановская Н. И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. М. : ВК, 2009. 334 с.
11. Наумова Д. Д., Будник Е. А. Вербальные и невербальные средства привлечения внимания в рекламной коммуникации // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия : Лингвистика и Межкультурная коммуникация*. 2014. № 4. С. 36–38.
12. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // *Жанры речи* : сб. науч. тр. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
13. Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация / под общ. ред. К. Ф. Седова. М. : Лабиринт, 2007. 118 с.
14. Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса // *Жанры речи*. 2019. № 1(21). С. 49–55. <https://www.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>
15. Дементьев В. В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // *Жанры речи*. 2020. № 3 (27). С. 172–194. <https://www.doi.org/10.18500/23110740-2020-3-27-172-194>
16. Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения. М. : Высшая школа, 2007. 534 с.

REFERENCES

1. Prozorov V. V. On the Reliability and Consistency of Speech Genre Communication. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 195–204 (in Russian). <https://www.doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-195-204>
2. Formanovskaya N. I. *Kommunikativnyy kontakt* [Communicative contact]. Moscow, IKAR Publ., 2012. 200 p. (in Russian).
3. Barthés Roland. *Razdeleniye yazykov* [Separation of languages]. *Barthés Roland. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Kosikov G. K., ed. Favorite works. Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 519–534 (in Russian).
4. Dementyev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoy kul'tury. Kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of the Russian Culture. Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics]. Moscow, Global Com, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2013. 338 p. (in Russian).
5. Bahtin M. M. *Sobranie sochinenij : v 7 t. T. 5. Raboty 1940–1960 godov* [Collected works : in 7 vols., vol. 5. Works of 1940–1960]. Moscow, Russkiye slovari Publ., 1996. 751 p. (in Russian).
6. Wojtak M. Genology as a Cognitive Space. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 205–213 (in Russian). <https://www.doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-205-213>
7. Wierzbicka A. *Speech genres. Zhanry rechi : sb. nauch. tr.* [Speech genres : coll. of sci. works], iss. 1. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, pp. 99–111 (in Russian).
8. *Effektivnost' kommunikatsii : ponyatiye, rol' adresanta i adresata, osnovnyye priyomy yeyo dostizheniya. Monografiya. Pod red. O. B. Sirotninoy i M. A. Kormilitsynoy* [Sirotnina O. B., Kormilitsyna M. A., eds. The effectiveness of communication : the concept, the role of the addressant and addressee, the main methods of its achievement. Monograph.]. Saratov, ITs "Nauka" Publ., 2019. 215 p. (in Russian).
9. Goldin V. Ye. *Etiket i rech'* [Etiquette and speech]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1978. 112 p. (in Russian).
10. Formanovskaya N. I. *Rechevoy etiket v russkom obshchenii. Teoriya i praktika* [Speech etiquette in Russian communication. Theory and practice]. Moscow, VK Publ., 2009. 334 p. (in Russian).
11. Naumova D. D., Budnik E. A. Verbal and non-verbal means of attracting attention in advertising communication. *Bulletin of the Voronezh State University. Series : Linguistics and Intercultural Communication*, 2014, no. 4, pp. 36–38 (in Russian).
12. Shmeleva T. V. Model of speech genre. *Zhanry rechi : sb. nauch. tr.* [Speech genres : coll. of sci. works], iss. 1. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, pp. 88–98 (in Russian).
13. *Antologiya rechevykh zhanrov : povsednevnyaya kommunikatsiya* [Sedov K. Ph., ed. Anthology of speech genres : daily communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007. 118 p. (in Russian).

-
14. Karasik V. I. Genres of Network Discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 49–55 (in Russian). <https://www.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>
15. Dementyev V. V. What Have Genre Studies Given to Modern Linguistics? *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 172–194 (in Russian). <https://www.doi.org/10.18500/23110740-2020-3-27-172-194>
16. Skaftymov A. P. *Poetika khudozhestvennogo proizvedeniya* [Poetics of a work of art]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2007. 534 p. (in Russian).
-

Поступила в редакцию 09.11.2021; одобрена после рецензирования 28.11.2021; принята к публикации 08.12.2021

The article was submitted 09.11.2021; approved after reviewing 28.11.2021; accepted for publication 08.12.2021

ПЕРЕВОДЫ

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 99–107

Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 99–107

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-99-107>

Научная статья

УДК 81'1+929[Волошинов+Фосслер]

Волошинов и Фосслер: союзники поневоле**Патрик Серио**

Лозаннский университет, CH-1015 Лозанна, Швейцария

Патрик Серио, Ph.D., почетный профессор, Лозаннский университет, patrick.seriot@unil.ch,

<https://orcid.org/0000-0002-4805-883X>

Аннотация. Между двумя путями выхода из кризиса позитивизма в начале XX века В. Н. Волошинов выбрал идеалистическую неофилологию К. Фосслера, полностью отвергая соссюрианство. Стилистический индивидуальный идеализм Фосслера Волошинов переложил в социологические понятия: «дух» становится «идеологией», «культура» становится «надстройкой», а «идеалистическая неофилология» становится «социологической поэтикой». Эта терминологическая перестановка стала причиной постоянных недоразумений в интерпретации книги «Марксизм и философия языка». В самом деле, здесь наблюдается источник интересных колебаний в оценке структурализма: холистический подход, требующий начинать от Целого, чтобы прийти к частному, а не наоборот, встречающийся в ту эпоху у многих синтаксистов в России, например у Пешковского, часто путался критиками со структуралистским принципом. Статья сравнивает французскую, вообще «левую», преимущественно марксистскую рецепцию книги В. Н. Волошинова с преобладающей ролью межиндивидуального (персоналистского) момента, ситуационного детерминизма и отказа от лингвистики во имя конкретной прагматики. Вот почему главным объектом исследования у Волошинова является не предложение, как у лингвистов-синтаксистов, а неповторяемое высказывание, понятное исключительно в рамках определенной коммуникационной ситуации.

Ключевые слова: В. Н. Волошинов, высказывание, детерминизм, история советского языкознания, марксизм, социология, стилистика, философия языка, К. Фосслер

Оригинал: *Sériot Patrick. Vološinov, la philosophie de l'enthymème et la double nature du signe: le chapitre 3 sur Vossler de sa préface à la traduction de: Vološinov V. Marxisme et philosophe du langage. Les problèmes fondamentaux de la méthode sociologique dans la science du langage, éd. bilingue, trad. par I. Tylkowski-Ageeva et P. Sériot. Limoges: Lambert-Lucas, 2010. P. 72–83.*

Для цитирования: *Серио П. Волошинов и Фосслер : союзники поневоле // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 99–107. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-99-107>*

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Voloshinov and Vossler: Allies without knowing it**Patrick Sériot**

University of Lausanne, CH-1015 Lausanne, Switzerland

Patrick Sériot, patrick.seriot@unil.ch, <https://orcid.org/0000-0002-4805-883X>

Abstract. Between both solutions to the crisis of positivism at the beginning of the 20th century, V. N. Voloshinov chose K. Vossler's idealistic neophilology, entirely rejecting Saussurianism. Voloshinov transposed Vossler's stylistic individual idealism into sociological concepts: "spirit" becomes "ideology", "culture" becomes "super-structure", and "idealistic neophilology" becomes "sociological poetics". This terminological rearrangement has caused constant misunderstandings in the interpretation of the book "Marxism and the Philosophy of

Language”. Indeed, here is a source of interesting fluctuations in the assessment of structuralism: the holistic approach, which requires starting from the Whole in order to arrive at the particular, and not the other way around, which is encountered at that time among many linguists in Russia, for example Peshkovsky, was often confused by critics with the structuralist principle. The article compares the French, generally “leftist”, mostly Marxist reception of V. N. Voloshinov’s book with the predominant role of the interindividual (personalist) moment, situational determinism and rejection of linguistics in the name of concrete pragmatics. That is why the main object of Voloshinov’s research is not the sentence, as it is for linguists, but the unrepeatable utterance, understandable only within the framework of a particular communication situation.

Keywords: V. N. Voloshinov, utterance, determinism, history of Soviet linguistics, Marxism, sociology, stylistics, philosophy of language, K. Vossler

For citation: Patrick Sériot. Voloshinov and Vossler : Allies without knowing it. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 99–107 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-99-107>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В науках о языке начало XX века ознаменовалось в той или иной степени во всех странах Европы крупным потрясением: *кризисом позитивизма*, самым известным эпизодом которого является «война фонетических законов»¹. Книга Валентина Волошинова «Марксизм и философия языка» (Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л. : Прибой, 1929 ; 2-е изд. 1930. Фр. перевод: *Vološinov V. Marxisme et philosophe du langage. Les problèmes fondamentaux de la méthode sociologique dans la science du langage*, éd. bilingue, trad. par I. Tylkowski-Ageeva et P. Sériot. Limoges: Lambert-Lucas, 2010.) [1] – одна из многих попыток найти выход из этого глубокого кризиса, который в Германии и России больше, чем во Франции², был проявлением гораздо более важного события, которое мы можем назвать *кризисом современности*³. Волошинов – участник важного изменения парадигмы, но не его инициатор.

Историю лингвистики часто описывают по линейной схеме, наполненной разрывами: Франц Бопп, затем младограмматики, затем Соссюр, затем Хомский. Это не относится

к Волошинову, который считает, что историю языковедения (или, точнее, языковедческих идей) можно свести к противостоянию двух параллельных и антагонистических течений, противостояние которых восходит к XVIII веку: «абстрактного объективизма» и «индивидуалистического субъективизма». Другими словами, Франция против Германии, картезианство против романтизма, женевская школа (Ф. де Соссюр и Ш. Балли) против мюнхенской школы (К. Фосслер и его ученики). Но это не столько история языковедческих идей, сколько типология философии языка. Волошинов представляет свою работу как радикальный разрыв со всем сказанным до него, на самом же деле он в значительной мере опирается на Фосслера.

Карл Фосслер (1872–1949) посвятил большую часть своего творчества борьбе с тем направлением мысли, которое он называл позитивизмом. Речь идет не о философии Огюста Конта, которого он никогда не цитирует, а только о *младограмматиках*, против которых он систематически выступает. Это группа преимущественно немецких лингвистов⁴, различные манифесты которых утверждают, что языки развиваются согласно физиологиче-

¹В Австрии Гуго Шухардт с концепцией гибридизации языков, в Италии «неолингвисты» (см. [2]) с концепцией излучения от центра к периферии пытаются, как Н. Марр в России, выйти за ограничительные рамки этой проблематики. В эмиграции Н. Трубецкой и Р. Якобсон пытались найти ответ на вопрос, который доминировал в интеллектуальной жизни на рубеже веков: как выйти из позитивизма и «реализма»? Этот же вопрос доминировал в интеллектуальном мире предыдущей эпохи и приводил к глубокому кризису в самых разных областях в конце века. Об отказе от младограмматического позитивизма и «о лингвистике речевой деятельности» [linguistique du langage] как альтернативе «лингвистике языка» [linguistique de la langue] в Италии и в немецкоязычном мире см. [3]. Об идеологических размышлениях Н. Трубецкого и Р. Якобсона см. [4, 5] (Рус. пер.: *Серпух П. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е годы*, М. : Языки славянской культуры, 2001. 360 с.).

²Во франкоязычном мире именно школа Жюль Жильерона (1854–1926), «лингвистическая география», лучше всего соответствует этой попытке выйти из кризиса позитивизма. Это ведет, как и в случае с Волошиновым, к науке о единичном факте. Но она не достигла того развития, к которому стремилась.

³Об истории этого кризиса в Германии см. [6].

⁴В основном это Карл Бругманн (1849–1919) и Герман Остхофф (1847–1909). Младограмматический принцип абсолютных фонетических законов был сформулирован с чрезвычайной ясностью Августом Лескином (1840–1916) в его работе *Die Deklination im Slavisch-Litauischen und Germanischen*, (1876 г.): «*Die Lautgesetze wirken ausnahmslos*» (фонетические законы не знают исключений) [7: 28].

ским законам, не знающим исключений, кроме тех, которые вызваны *аналогией* (психологической причиной). Они пользуются плохой репутацией, которую следовало бы смягчить, связанной с непризнанием каких-либо принципиальных различий между естественными науками и науками о культуре. Их принцип работы заключался в наиболее исчерпывающем описании всех материальных фактов языка без каких-либо предположений или обобщений и без построения исходных гипотез. Их наука имела строго номотетический или законодательный подход, по крайней мере, так карикатурно представляли ее недоброжелатели в начале XX века⁵.

Это стирание границы между *Naturwissenschaften* и *Geisteswissenschaften*, основанное на тождестве метода, цели и объекта, вызвало бурную реакцию философов конца XIX века, например, противопоставление «объяснения» и «понимания» у Вильгельма Дильтея (1833–1911), глубоко задевшее Волошинова. В языкознании два совершенно разных течения приступят к радикальной критике метода младограмматиков: первый набросок структурализма женеvской школы с Ф. де Соссюром и «идеализм» мюнхенской школы К. Фосслера. Различия между этими двумя школами были глубокими и взаимно признаваемыми:

Если и существует господствующая в настоящее время школа, находящаяся в определенной оппозиции по отношению к вышеописанной, то это та школа, лидером которой является Карл Фосслер, автор *Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft*, и которая вдохновляется эстетическими учениями Кроче [9: 240].

Поглощение лингвистики стилистикой

В 1904 году в своей книге-манифесте *Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft*, быстро переведенном на русский язык и вскоре получившем широкую известность в России⁶, Фосслер раскрывает основную часть своего учения, состоящую из двух лозунгов:

⁵В защиту младограмматиков против упрощенного толкования их теории в начале XX века см. [8].

⁶Фосслер был хорошо известен в России еще в 1910-е годы: перевод его «Грамматических и психологических форм в языке» был опубликован в сборнике «Проблемы литературной формы» (Ленинград, 1929) и в журнале «Логос», который следовал линии редакции одноименного немецкого журнала.

⁷Сегодня на Западе никого не интересует эстетический идеализм Фосслера. В России, однако, наблюдается реабилитация его творчества во имя «предикатоцентризма», который должен быть надежной альтернативой «номиноцентризму» позитивизма, предшественника структурализма. Именно Дух или Жизнь, то есть отношение формы/содержания, противоположно «западной науке» формалистического структурализма. См., например, [11], где *Positivismus und Idealismus* назван «совершенно замечательным» произведением.

⁸О «метафорах организма» в романтической науке см. [12].

⁹Холлистический подход, требующий начинать от Целого, чтобы прийти к частному, а не наоборот, встречающийся в ту эпоху у многих синтаксистов в России, например у Пешковского, часто путался критиками со *структуралистским* принципом. Эта путаница стала возможной только из-за гораздо более фундаментальной путаницы, неспособности принять во внимание противоположность *реального объекта* и *объекта познания* или *сущности* и *модели*.

«Сначала стилистика, затем синтаксис» [10: 16];
«Материя – ничто, дух – все» [Там же: 63].

Так родилась *идеалистическая неофилология*, своего рода психосоциология языка, которая, следуя мысли, восходящей к Дж. Вико и В. фон Гумбольдту, и дойдя до Бенедетто Кроче, попыталась выделить влияние на язык духа и культуры народа, говорящего на нем, начиная при этом с отдельных языковых явлений, с целью прийти к пониманию менталитета, личности, духа этого самого народа. Фосслер отличается, однако, от Гумбольдта тем, что для него исходной посылкой любого изменения языка является индивидуальный «стиль» великого писателя, любое (стилистическое) нововведение которого станет коллективным (синтаксическим) феноменом, если оно «соответствует» ожиданиям общества. Для него никакая форма языка не может быть причиной изменения другой формы: «дух, живущий в языке», является его истинной причиной. Следовательно, ничто не может, в понимании младограмматиков, исходить из *форм*, являющихся звуками, составляющими слова, которые сами выстраиваются в предложения: Фосслер переворачивает формулу: дух (*der Geist*) вдохновляет стиль, являющий себя в синтаксисе⁷.

Он опирается на романтический отказ от «анатомического вскрытия», разрывающего «живые связи» между частями Целого, которыми являются органы по отношению к живому организму⁸. Отсюда необходимость изменения порядка анализа: сперва произведение, затем предложение, потом слова и, наконец, звуки⁹. Фонетика и морфология – всего лишь эпифеномены. Таким образом Фосслер, изменив порядок анализа и причинные связи, переходит от общего к частному, выдвигая на первый план *предложение*, которое Волошинов адаптирует к своей социологической проблематике, превращая его в *высказывание*:

Изучали язык не в динамике, а в его статическом состоянии. Воспринимали его как нечто данное и за-

вершенное¹⁰, то есть в позитивистском смысле. Над ним была проведена анатомическая операция. Живое слово было разбито на предложения, члены предложения, слова, слоги и звуки [10: 8].

Фосслер и следом за ним Волошинов признали, что такая «анатомическая» операция могла иметь какое-то практическое применение в обучении языкам, но на самом деле она только убивала то, что составляет *сущность* языка, его *душу*:

Единство организма не в его членах или сочленениях, а в его душе [Там же: 9].

У Фосслера «душа» или «Дух» являются основой *творчества*, что совершенно естественно для идеалиста. Одной из задач Волошинова будет оправдать идею творчества (*Schöpfung*) и определения высказывания «социальными» обстоятельствами.

Фосслер придерживается онтологической проблематики, которая также согласуется с позицией идеалиста: он ищет «истинную природу», «реальную сущность» языка. Эту внутреннюю реальность языка Фосслер видит в непрерывной творческой *деятельности*, осуществляемой в индивидуальных речевых актах. Таким образом, творчество в языке уподобляется эстетическому творчеству. Примат точки зрения говорящего, которую он противопоставляет примату точки зрения («пассивного») слушающего у Соссюра, и примат эстетической функции имеют свое логическое следствие в поглощении лингвистики стилистикой. Эта фосслеровская система ценностей, раз переставленная в «социологические» понятия, станет основой многих положений Волошинова в «Марксизме и философии языка» и составит сущность *эстетики словесного творчества* Михаила Бахтина¹¹.

Для Фосслера «стилистическое» (индивидуальное) нововведение становится «синтаксическим» (общим) только в том случае, если оно соответствует ожиданиям (или «духовным потребностям») языкового сообщества (или «народа»). Таким образом, отмечая, что в XIV и XV веках во Франции развился узколобый менталитет торгашества и в то же время получило широкое распространение использование частичного артикля, доселе редко встречающегося в старофранцузском языке, он пришел к выводу, что частичный артикль установился во французском языке

именно как *следствие* материалистического духа того времени [13, часть 2, глава 3]. Волошинов заменяет эти «духовные потребности» «устойчивыми социальными тенденциями» или «устойчивыми социальными отношениями говорящих», которым он не дает определения, заменяя психологию социологией, но феномен принятия обществом остается тем же:

Механизм этого процесса – не в индивидуальной душе, а в обществе, отбирающем и грамматикализирующем (т. е. приобщающем к грамматической структуре языка) лишь те моменты в активном оценивающем восприятии чужого высказывания, которые социально существенны и константны и, следовательно, обоснованы в самом экономическом бытии данного говорящего коллектива [1: 115].

Несмотря на его утверждения о классовой борьбе¹², Волошинов, как и Фосслер, представляют нам странно однородное и единое «общество», сведенное к «говорящему сообществу», «экономическое бытие» которого остается на уровне утверждений. В поисках *связи и целого*, подобно Фосслеру, Волошинов объединяет историю языка и историю литературных и философских течений в одном явлении: язык сохраняет и «стабилизирует» отдельные нововведения, опираясь на явления, внешние по отношению к нему. Так обстоит дело, по его словам, с преобладанием прямой речи в русском языке (то есть в русской художественной литературе), что связано с отсутствием «картезианского периода» в русской культуре [1: 123]. Здесь мы имеем дело с историей менталитета, перекодированной на понятия социальной психологии.

Мы понимаем, что Волошинов следует за Фосслером, стирая грань между лингвистикой и стилистикой:

С нашей точки зрения, проведение строгой границы между грамматикой и стилистикой, между грамматическим шаблоном и стилистической модификацией его – методологически нецелесообразно, да и невозможно. Эта граница зыбка в самой жизни языка, где одни формы находятся в процессе грамматикализации, другие – деграмматикализации, и именно эти двусмысленные, пограничные формы и представляют для лингвиста наибольший интерес: тенденции развития языка могут быть уловлены именно здесь [1: 122–123].

Для обоих «язык в целом» или «общий язык» – это просто условная абстракция,

¹⁰«Данное и завершенное» (*etwas Gegebenes und fertig Vorliegendes*) – вот источник этого ключевого выражения, которым Волошинов, а затем Бахтин воспользуются в своем общем отказе от теории Соссюра.

¹¹Приходится подчеркнуть здесь классическое неравное положение: Фосслер никогда ничего не говорил о Волошинове или Бахтине – он, наверное, никогда о них не слышал.

¹²«Идеализм» Фосслера ни в коем случае не несовместим с социальными проблемами, которые так привлекают Волошинова, см. подраздел «Классовое сознание» в главе «Политические и социальные отношения» в [13 (с. 107–111 французского перевода 1953 г.)].

объект, которого в действительности *не существует*. Фосслер рассматривает язык как приблизительный набор индивидуальных стилей. Стилистика описывает индивидуальный способ выражения, а синтаксис описывает общий способ выражения (то есть некий социальный консенсус, принявший нововведения индивидуума как норму). Волошинова в первых двух частях *МФЯ* («Марксизм и философия языка») интересуется не языком, а общим разбросом индивидуальных и неповторяемых высказываний как «социальных событий», возникающих в результате постоянного взаимодействия между людьми, принадлежащими к одной и той же группе. Лишь в третьей части он пытается применить психосоциологические методы Фосслера к изучению языка художественной литературы, почти дословно повторяя примеры мюнхенских исследователей: если Лафонтен вводит несобственную косвенную речь (у Фосслера: *uneigentlich direkte Rede*) в свои басни, то только потому, что это «второстепенный жанр», в отличие от неоклассицизма, который более уважает иерархическую дистанцию между словами автора и чужими словами [1: 121]. Но перед обоими стоит нереальная задача: поскольку невозможно изучить все отдельные стили, а тем более все высказывания, они выберут наиболее социально значимые стили, оказавшие наибольшее влияние на развитие языка. Отсюда необходимость работать с языком писателей. Это стирание границы между языком и художественной литературой, между языковыми ограничениями и личными приемами писателя особенно хорошо выражено в практике российских университетов того времени, где слово *словесность* обозначало изучение и языка, и художественной литературы¹³.

Жизнь и Смерть

Судя по всему, Волошинов отворачивается от обоих противников – и от Соссюра, и от Фосслера. Однако он не скрывает своего предпочтения в пользу последнего. Волошинов был гораздо более учеником Фосслера, чем Бахтина. Игнорируя все многочисленные критические замечания, которым Фосслер подвергался со стороны современников, начиная с дилетантизма и утверждения бездоказательных постулатов, Волошинов отводит ему привилегированное место в науках о языке:

Школа Фосслера [...], несомненно, является одним из самых мощных течений философско-лингвистической мысли [1: 51]¹⁴.

Большинство аргументов Волошинова основано на идеях Фосслера. Он придерживается системы ценностей Фосслера (Жизнь/Смерть) для обоснования их истинности:

То идеологическое оживление и обострение, которое идеалисты-фосслерианцы вносят в лингвистику, помогает уяснению некоторых сторон языка, омертвевших и застывших в руках абстрактного объективизма. И мы должны быть им за это благодарны. Они раздражили и разбредили идеологическую душу языка, напоминая, подчас, в руках некоторых лингвистов явление мёртвой природы [1: 152].

Основная критика, которую он адресует «фосслерианцам», состоит в том, что они недостаточно далеко зашли в своих исследованиях, что они остались на поверхности явлений, не ища объективных причин и «движущих сил» [Там же].

Можно, как это делает Владимир Алпатов [16: 62], отнести к стилю революционного периода волошиновский «максимализм». Нам кажется более уместным подчеркнуть то восхищение, которое он испытывает к К. Фосслеру. Как и последний, Волошинов гремит и яростно кричит. Стремясь максимально дискредитировать своих противников, он явно имитирует пламенный и памфлетный стиль Фосслера, почти дословно повторяя образы и проклятия на романтически-метафорической оси Жизни и Смерти, где рассказы о трупах и кладбищах собираются хаотично:

Нужно со всей настойчивостью подчеркнуть, что эта филологическая установка в значительной степени определила всё лингвистическое мышление европейского мира. Над трупами письменных языков сложилось и созрело это мышление; в процессе оживления этих трупов были выработаны почти все основные категории, все основные подходы и навыки этого мышления [1: 78].

Вся область грамматических дисциплин – это огромное кладбище, которое разбили неумолимые позитивисты и где все виды умерших частей языка лежат в братских могилах или могилах, снабженных тщательно пронумерованными надписями. Кто еще не задохнулся от запаха гнили, связанного с позитивистской филологией! [10: 38].

Но все эти смертоносные образы имеют общий источник: идеалистическую эстетическую философию Бенедетто Кроче, цитируе-

¹³Лингвист Н. Трубецкой преподавал в Венском университете с 1922 года до своей смерти в 1938 году одновременно лингвистику и всю славянскую литературу «с гораздо большим увлечением, чем курс сравнительной грамматики (Трубецкой, письмо Якобсону от 18 февраля 1926 года, см. [14: 86]); для Якобсона две области – лингвистика и литература – никогда не подвергались разделению.

¹⁴В то время в СССР эту оценку разделяли не все: марксистский лингвист А. Андреев пишет: «эстетическое течение не имеет для нас никакого авторитета» [15: 14].

мую Волошиновым в *МФЯ* [1: 53], – его тоже сразу перевели и много читали в России:

[Язык] не является арсеналом красивого и готового оружия; а равным образом не является он и *словарем*, т. е. собранием абстракций или кладбищем более или менее искусно набальзамированных трупов. [17: 169] (выделено Б. К.).

Здесь, как и везде, Волошинов использует понятия антипозитивистской борьбы Кроче и Фосслера, для которых любое изучение «формы» само по себе связано с «анатомическим вскрытием», то есть с идеей Смерти¹⁵.

Литература есть Жизнь

Если, подобно Фосслеру, Волошинов не делает различия между «Жизнью» и художественной литературой, если он не обращает внимания ни на художественный *вымысел*, ни на феномен *мимесиса*, то это потому, что для него нет разницы между формой и содержанием, между языком и речью, между языком и литературой, написанной на этом языке. Для Волошинова язык – это не матрица, позволяющая выковывать новые высказывания, это совокупность не того, что может быть сказано, а уже сказанного¹⁶.

Жизнь начинается лишь там, где сходится высказывание с высказыванием, т. е. там, где начинается речевое взаимодействие, хотя бы и не непосредственное, «лицом к лицу», а опосредствованное, литературное [1: 143].

Волошинов говорит, что его интересует конкретное, живое, он не испытывает ничего, кроме презрения, к «мертвым» письменным текстам, но единственный анализ, который он делает, касается либо придуманных ситуаций, либо стилистических явлений языка художественной литературы. Более того, даже если он утверждает, что высказывание (как устное, так и письменное) является неповторяемым событием (каждое новое чтение-восприятие одного и того же текста является новым событием), его анализ касается только форм и ситуационного контекста высказывания (процесса передачи) и ни в коем случае не рецепции или интерпретации. Имен-

но за это он критикует «лингвистов», которые, по его словам, описывают только передачу, а не рецепцию высказывания. Волошинов никогда не задаётся вопросом о социальной ситуации в своей стране (Советской России) и в своё время (НЭП, конец двадцатых).

Как последовательный фосслерианец, Волошинов отождествляет историю языка – «в старофранцузском» – с историей художественной литературы – «в русском классицизме». Другими словами, «литературный язык» действительно является языком (великих) писателей, иногда разделённым на периоды, а иногда на школы. Но этот странный социолог полностью игнорирует узус народных масс; язык пролетариата, который в своё время был предметом многочисленных исследований в СССР, его не интересовал. Единственный пример ненормативного использования, который он приводит, заимствован из классической драматургии: *Ревизора* Гоголя, а сам пример заимствован из грамматики Пешковского [19: 553] (цитируется в *МФЯ* на с. 123). Что же касается конкретного *запретного слова*, классического обцензизма, присущего русскому языку, которое заменяет любое слово с любым значением, он его не приводит (в России, даже в Советской России, этих слов не пишут: они воспринимаются как слишком наглядная замена денотата). Приведённый Волошиновым пример из статьи Л. Якубинского «О диалогической речи» [20: 126] заимствован из *Дневника писателя* Ф. М. Достоевского.

В тысячу раз больше, чем своего современника Грамши¹⁷, Волошинов признаёт только культурный узус «образованных людей», который составляет основу классической литературы, признанной социально приемлемой.

Форма и содержание

Фосслера не интересуют чистые *формы*, являющиеся звуками языка. Фонетика интересна ему лишь постольку, поскольку *акцент* может быть проявлением духа писателя или народа. Единственное определение, которое он даёт слову «акцент» в главе «*Lautwandel*

¹⁵Волошинов критикует «филологию» за то, что она интересуется только рукописями, авторы которых умерли несколько веков назад, то есть лишёнными возможности дать «живой» ответ в подлинном диалоге (эта идея восходит к Платону, см. *Федр*). Этот упрек особенно несправедлив по отношению к младограмматикам, так интересовавшимся «живыми диалектами».

¹⁶Последствия этого отсутствия различия между языком и речью ощущаются в СССР и России, где словари частотности слов составляются не только для закрытых корпусов произведений писателя, но также и для самого языка. Таким образом, язык представляется как гигантский текст, в котором ничто не отличает того, что может быть сказано, от сказанного. Это основа неогумбольдтианства, чрезвычайно распространённого в современной России, см. по этому поводу [18].

¹⁷Или даже от зятя Маркса Поля Лафарга, чей труд *Французский язык до и после Революции* (1894) [21], переведённый на русский язык в 1930 году как «Язык и революция» (Лафарг П. Язык и революция. Французский язык до и после революции. М.; Л., Academia, 1930. 98 с.), был широко известен в СССР на французском языке с 1920-х годов.

und Bedeutung», – это цитата из Гастона Париса: «Акцент – это душа слова». Он добавляет:

Акцент и значение суть разные слова, обозначающие одно и то же: оба обозначают психическое содержание, внутреннюю интуицию, душу языка. Оба имеют одинаковые тесные отношения с вокальным феноменом. Представлять, что значение и вокальный феномен могут быть отделены друг от друга, когда акцент тесно связан с последним, является очень поверхностным мнением [10: 65, перевод П. Серио].

Волошинов подхватывает эту фосслеровскую тему акцента, приближая ее к понятию «оценки». Таким образом, всё содержание сопровождается «ценностным акцентом» [1: 25]. Работа Фосслера достаточно неоднозначна, чтобы найти в ней как идею создания индивидуального гения, так и коллективный дух общества, принимающего нововведения великого писателя, поскольку они «соответствуют» этому коллективному духу. Волошинов интерпретирует дух как *общество*, одновременно повторяя общие фосслеровские идеи:

На каждом этапе развития общества существует особый и ограниченный круг предметов, доступных социальному вниманию, ценностно акцентуированных этим вниманием [1: 26].

Подобно Фосслеру, Волошинов представляет нам *общество* как единую и нераздельную *совокупность*. Здесь коллективный дух трансформируется в «социальный кругозор данной социальной группы», который сам основан на «существенных социально-экономических предпосылках бытия данной группы» [Там же]. Следует еще раз заметить, что этот перевод фосслеровского идеализма в понятия материализма не подтверждается никакими примерами.

МФЯ есть точная транскрипция работы Фосслера в «социологических» понятиях. Таким образом, «индивидуальный голос» воспроизводит «идеологические акценты», которые тем самым являются «социальными акцентами», которые «претендуют на социальную признанность» [1: 26]. «Идеологическая тема» «всегда социально акцентуирована» [Там же]. Но взаимопроникновение двух голосов – голоса идеалиста и голоса материалиста – чрезвычайно велико, и его можно увидеть в серии синонимов, которые Волошинов иногда пропускает: социальные акценты проникают в индивидуальное сознание, они становятся «индивидуальными акцентами», оставаясь «социальными», «живыми», то есть «межиндивидуальными» [Там же]. Социальное, как и в случае с Фосслером, состоит из отношений между индивидуальными сознаниями. Конечно, как мы уже указывали, Волошинов упоминает о классовой борьбе,

ареной которой является знак. Да, знак является «многоакцентным». Но, опять же, не приводится ни одного примера конфликта, недоразумения по поводу значения слов: «люди» понимают друг друга, потому что разделяют *одно и то же переживание*. Антагонистические группы не общаются, они не обмениваются опытом. Единодушие и однородность общества у Фосслера переносятся у Волошинова на группу. Масштаб другой, утверждения перевернуты, но анализ тот же: члены группы, которые имеют общий дух (у Фосслера) или переживание (у Волошинова), разделяют то, что мы сегодня называем «горизонтом ожидания» к формам языка и их значению. Социология Волошинова не стремится к дифференциации, она изучает межличностное взаимодействие между «людьми», отношения которых являются не просто «общением», а *обменом*, с точки зрения гораздо более персоналистских течений, чем марксизм.

Теория связи

Волошинов наносит координатную сетку на прочитанное им: он переводит гумбольдовскую лингвистику в марксистские понятия, спиритуализм – в материалистические. Он перенимает и адаптирует эстетический идеализм Фосслера в «социологическую» концепцию. Таким образом, мы можем реконструировать его систему соответствий: «дух» становится «идеологией» (и *Geisteswissenschaften* Дильтея становятся «наукой об идеологиях»), «культура» становится «надстройкой», «индивидуальное» становится «социальным» (в смысле межличностным), «идеалистическая нефилология» становится «социологической поэтикой», а «творчество» (*Schöpfung*) остается «творчеством». Произведение Волошинова прекрасно вписывается в этот разрыв с позитивизмом, который ознаменовал философские дебаты в Германии и эхо которого можно услышать во Франции в одну эпоху с Бергсоном.

Отказ Фосслера от имманентности младограмматического метода ведет к грандиозному предприятию, направленному на установление систематической *связи* между формами языка и культурой народа, который на нем говорит. Вот как резюмирует этот проект французский переводчик Фосслера Альфонс Жюйян:

... отменить границы, отделяющие анализ лингвистических фактов от анализа литературных фактов и филологическую критику от литературной критики и художественной критики. [...] Вмешательство «духа», который оставляет один и тот же отпечаток на цивилизации, культуре и языке, создает мост между лингвистикой и другими науками: лингвистика,

преимущественно историческая дисциплина, также имеет право стать отдельной главой в истории цивилизаций [22: 7].

«Отменить границы»: все сказано в этой формуле, которая суммирует фундаментальный принцип «идеалистического» течения Фосслера. Эта теория связи, этот отказ от всякого разделения есть одно из двух решений, предлагаемых как средство преодоления кризиса позитивизма. Волошинов полностью поддерживает эту точку зрения:

Между отнесением произведения к системе языка и отнесением его к конкретному единству литератур-

ной жизни господствует полный разрыв, преодолеть который на почве абстрактного объективизма – невозможно [1: 80].

Другим, противоположным решением будет «соссорианство», которое, напротив, устраняет большие целостности и сохраняет только то, что релевантно с определенной точки зрения. Волошинов не скрывает своих предпочтений: из двух решений – мюнхенского и женеvского – он выберет первое, чтобы затем адаптировать его к своей «социологической» перспективе. Из второго он не возьмет ничего, оно предано им анафеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. М. : Лабиринт, 1993. 196 с.
2. Bertoni G. Programma di filologia romanza come scienza idealistica. Genève: L. S. Olschki, 1922. Biblioteca dell'Archivum romanicum, Serie 1, Storia, letteratura, paleografia 2. 156 p.
3. Baggioni D. Langue et langage dans la linguistique européenne (thèse d'État en 3 vol.). Villeneuve d'Asq : Presses Universitaires de Lille, 1986.
4. N. S. Troubetzkoy. L'Europe et l'Humanité. Écrits linguistiques et paralinguistiques / ed. P. Sériot. Liège : Mardaga, 1996. 247 p.
5. Sériot P. Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale. Paris : Puf, 1999. 360 p.
6. Mosse G. L. The Crisis of German Ideology. Intellectual Origins of the Third Reich. New York : Howard Fertig, 1981. 373 p. (1re éd. 1964).
7. Leskien August. Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen. Leipzig, 1876. 197 p.
8. Samain D. La construction du métalangage dans le premier tiers du XXe siècle // Actes du colloque ICHOLS 8. Amsterdam : J. Benjamins, 2002. P. 351–364.
9. Sechehay A. L'école genevoise de linguistique générale // Indogermanische Forschungen. 1926. T. XLIV. P. 217–241.
10. Vossler K. Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft, Eine sprachphilosophische Untersuchung. Heidelberg: C. Winter, 1904. 118 p.
11. Курдюмов В. А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. М. : Военный университет, 1999. 194 с.
12. Schlanger J. Les Métaphores de l'organisme. Paris: L'Harmattan, 1995. 262 p.
13. Vossler K. Frankreichs Kultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung: Geschichte der französischen Schriftsprache von den Anfängen bis zur klassischen Neuzeit. Heidelberg : C. Winter, 1913 ; 2e éd. Frankreichs Kultur und Sprache : Geschichte der französischen Schriftsprache von den Anfängen bis zur Gegenwart, Heidelberg : C. Winter, 1929. 410 p.
14. Письма и заметки Н. С. Трубецкого / под ред. Р. О. Якобсона. М. : Языки славянской культуры, 2004. 506 с.
15. Андреев А. П. Язык и мышление. Опыт исследования на базе материалистической яфетической теории. М. : ЦК СЭСР, 1930. 107 с.

16. Алнатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М. : Языки славянской культуры, 2005. 432 с.
17. Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика : пер. с 4-го итальянского издания В. Яковенко. М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1920. 171 с.
18. Sériot P. Oxymore ou malentendu? Le relativisme universaliste de la métalangue sémantique naturelle universelle d'Anna Wierzbicka // Cahiers Ferdinand de Saussure. 2005. № 57. P. 23–43.
19. Пешиковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. 579 с.
20. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Русская речь. 1923. № 1. С. 96–194.
21. Lafargue P. La Langue française avant et après la Révolution. Paris : L'Ère nouvelle, 1894. 98 p.
22. Juillard A. Préface de l'édition française // Vossler K. Langue et culture de la France. Histoire du français littéraire des origines à nos jours. Paris : Payot, 1953. P. 5–8.

REFERENCES

1. Voloshinov V. N. Marksizm i filosofiya yazyka [Marxism and the philosophy of language]. Moscow, Labirint Publ., 1993. 196 p. (in Russian).
2. Bertoni G. Programma di filologia romanza come scienza idealistica. Genève, L. S. Olschki, 1922. Biblioteca dell'Archivum romanicum, Serie 1, Storia, letteratura, paleografia 2. 156 p.
3. Baggioni D. Langue et langage dans la linguistique européenne (thèse d'État en 3 vol.). Villeneuve d'Asq, Presses Universitaires de Lille, 1986.
4. Sériot P., éd. N. S. Troubetzkoy. L'Europe et l'Humanité. Écrits linguistiques et paralinguistiques. Liège, Mardaga, 1996. 247 p.
5. Sériot P. Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale. Paris, Puf, 1999. 360 p.
6. Mosse G. L. The Crisis of German Ideology. Intellectual Origins of the Third Reich. New York, Howard Fertig, 1981. 373 p. (1re éd. 1964).
7. Leskien August. Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen. Leipzig, 1876. 197 p.
8. Samain D. La construction du métalangage dans le premier tiers du XXe siècle. In: Actes du colloque ICHOLS 8. Amsterdam, J. Benjamins, 2002, pp. 351–364.
9. Sechehay A. L'école genevoise de linguistique générale. Indogermanische Forschungen, 1926, t. XLIV, p. 217–241.

10. Vossler K. *Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft. Eine sprachphilosophische Untersuchung*. Heidelberg, C. Winter, 1904. 118 S.
11. Kurdjumov V. *Ideja i forma. Osnovy predikacionnoj koncepcii jazyka* [Idea and form. Fundamentals of the predication concept of language]. Moscow, Voennoy institut Publ., 1999. 194 p. (in Russian).
12. Schlanger J. *Les Métaphores de l'organisme*. Paris, L'Harmattan, 1995. 262 p.
13. Vossler K. *Frankreichs Kultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung : Geschichte der französischen Schriftsprache von den Anfängen bis zur klassischen Neuzeit*. Heidelberg, C. Winter, 1913 ; 2e éd. *Frankreichs Kultur und Sprache: Geschichte der französischen Schriftsprache von den Anfängen bis zur Gegenwart*. Heidelberg, C. Winter, 1929. 410 p.
14. *Pis'ma i zametki N. S. Trubetskogo, pod red. R. O. Jakobsona* [Yakobson R. O., ed. Letters and notes of N. S. Trubetskoy]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 506 p.
15. Andreev A. *Jazyk i myšlenie. Opyt issledovanija na baze materialistiueskoj jafetiueskoj teorii* [Research experience based on materialistic Japhetic theory]. Moscow, Izdanie TzK SESR Publ., 1930. 107 p. (in Russian).
16. Alpatov V. M. *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2005. 432 p. (in Russian).
17. Croce B. *Estetika kak nauka o vyrazhenii i kak obshchaya lingvistika* [Aesthetics as the Science of Expression and as General Linguistics, translated from the 4th Italian edition by V. Yakovenko]. Moscow, Izd. M. i S. Sabashnikovs, 1920. 171 p. (in Russian).
18. Sériot P. Oxymore ou malentendu ? Le relativisme universaliste de la métalangue sémantique naturelle universelle d'Anna Wierzbicka. *Cahiers Ferdinand de Saussure*, 2005, no. 57, pp. 23–43.
19. Peškovskij A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage], Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. 579 p. (in Russian).
20. Jakubinskij L. About dialogical speech. *Russian Speech*, 1924, no. 1, pp. 96–194 (in Russian).
21. Lafargue P. *La Langue française avant et après la Révolution*. Paris, L'Ère nouvelle, 1894. 98 p.
22. Juilland A. Préface de l'édition française. In: Vossler K. *Langue et culture de la France. Histoire du français littéraire des origines à nos jours*. Paris, Payot, 1953, pp. 5–8.

Поступила в редакцию 12.10.2021; одобрена после рецензирования 13.11.2021; принята к публикации 01.12.2021
 The article was submitted 12.10.2021; approved after reviewing 13.11.2021; accepted for publication: 01.12.2021

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 108–114

Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 108–114

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-108-114>

Научная статья

УДК 811.161.1'374

Словарь культуры как особый лексикографический жанр

Е. С. Пивовар

Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины, 210026, Республика Беларусь, г. Витебск, ул. 1-я Доватора, д. 7/11

Пивовар Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, eka15580575@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1760-3695>

Аннотация. Современная лексикография пополняется словарями нового типа, которые совмещают в своем содержании информацию о языке и культуре того или иного народа. Исследование посвящено теоретическому осмыслению таких словарей, выявлению их важнейших характеристик и типов на основе анализа изданий, посвященных русской культуре. Проведен анализ теоретических работ авторитетных лексикографов, на основе чего уточнены формулировки определений типов словарей культуры, обозначена роль словарей культуры в современном языкознании и лингводидактике. Выделены жанры словаря культуры: словарь концептов, лингвокультурологический, лингвострановедческий, культурной грамотности. Автор приходит к выводу, что словарь культуры является особым лексикографическим жанром, отражающим достижения современных направлений лингвистики – лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, лингвоконцептологии. Данные словари объединяют языковедческую, культурологическую и страноведческую информацию. Словарь стал не просто лингвистическим изданием, а книгой, направленной на предоставление читателю информации о культуре, менталитете народа. Словари, созданные для описания культурного компонента для целей понимания языка и культуры, активного владения ими и решения образовательных задач и в межкультурной коммуникации, можно рассматривать как словари культуры. На основе анализа словарей русской культуры предложено выделить следующие жанры: лингвострановедческие словари, направленные на описание иноязычной среды и культуры, ориентированные в основном на зарубежного читателя, содержащие информацию о географической, социальной, политической, идеологической и других сторонах функционирования объекта-реалии в жизни отдельной страны; словари концептов культуры, часто являющиеся не словарями в традиционном понимании этого слова, а сборниками развернутых статей глубокого философского и культурологического содержания; словари культурной грамотности, содержащие информацию о культуре, знание которой необходимо для успешной коммуникации; лингвокультурологические словари, которые могут служить для популяризации культурологических сведений для широкого круга читателей, быть особенно полезными для учебных целей.

Ключевые слова: лексикография, словарь культуры, лингвострановедческий словарь, лингвокультурологический словарь, словарь культурной грамотности, словарь концептов

Для цитирования: Пивовар Е. С. Словарь культуры как особый лексикографический жанр // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 108–114. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-108-114>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Cultural dictionary as a special lexicographic genre

E. S. Pivovar

Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine, 7/11 Dovatora St., Vitebsk 210026, Belarus

Ekaterina S. Pivovar, eka15580575@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1760-3695>

Abstract. Modern lexicography is being replenished with dictionaries of a new type, which in their content combine information on the language and culture of a particular nation. The study is focused on the theoretical comprehension of such dictionaries, the identification of their most important characteristics and types based on the analysis of publications dealing with Russian culture. The article presents the analysis of the influential lexicographers' theoretical works. As a result, the author specifies the definitions of dictionary types and determines the role of culture dictionaries in modern linguistics and language education. The article also distinguishes the subtypes (genres) of the cultural dictionary: a dictionary of concepts, linguocultural, linguistic and cultural dictionaries, a dictionary of cultural literacy. The author concludes that the dictionary of culture is a specific lexicographic genre, reflecting the achievements of modern directions of linguistics such as cultural linguistics, cognitive linguistics, and linguistic conceptology. These dictionaries combine linguistic, cultural and regional information. The dictionary has become not only a linguistic publication, but a book aimed at providing the reader with information on the culture and mentality of the nation. Dictionaries created to describe the cultural component for the purpose of understanding language and culture, their active use, and solving educational problems including problems of cross-cultural communication can be defined as culture dictionaries. As a result of the analysis of dictionaries of Russian culture, the author distinguishes the following genres: linguistic and cultural dictionaries aimed at describing a foreign language environment and culture, focused mainly on a foreign reader, containing information on geographical, social, political, ideological and other aspects of culture-specific concepts in the life of a particular country; dictionaries of cultural concepts, which are often not dictionaries in the traditional sense of the word, but collections of detailed philosophical and cultural articles; dictionaries of cultural literacy, containing information on culture, knowledge of which is necessary for successful communication; linguistic and cultural dictionaries, which popularize cultural information for a general audience and are especially useful for educational purposes.

Keywords: lexicography, cultural dictionary, cultural linguistic dictionary, linguocultural dictionary, dictionary of cultural literacy, dictionary of concepts

For citation: Pivovarov E. S. Cultural dictionary as a special lexicographic genre. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 108–114 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-108-114>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современном мире роль словаря неоспорима. Словарь выступает важным инструментом описания языка или реалий, а также свидетельством развития тех или иных направлений лингвистики. Сегодня наблюдается новый подход к созданию словарей, при котором акцент делается на соотношении языка и культуры. Национально-культурный компонент языковых единиц давно стал предметом внимания российских и зарубежных лингвистов, в том числе лексикографов. Специфические в этнокультурном плане языковые факты постепенно отбирались и систематизировались, вследствие чего появились издания нового типа – лингвокультурологические и лингвострановедческие словари (справочники), словари культурной грамотности и т. д., которые нередко объединяются под общим названием «словарь культуры». В лексикографии статус словарей культуры не определен, распространено широкое понимание таких словарей.

Цель: на основе анализа словарей посвященных русской культуре, выделить общие особенности изданий нового типа и их жанровые разновидности.

Методы исследования: описательно-аналитический, сравнительный, компонентного анализа.

Согласно лексикографической традиции, словари делятся на лингвистические и энциклопедические. Однако в этой классификации словари культуры занимают скорее промежуточное положение. Так, В. А. Козырев и В. Д. Черняк в книге «Вселенная в алфавитном порядке: очерки о словарях русского языка» отмечают: «в таких словарях очень велика значимость энциклопедической информации, однако не менее важно и выявление семантического потенциала слова, аккумулирующего культурную память народа» [1: 290]. В главе «Лингвокультурологические словари» названной книги авторы представляют словари и справочники, подготовленные историками и этнографами XIX в., а также словари русского быта и русской культуры, составленные в наше время («Российский историко-бытовой словарь» Л. В. Беловинского), «Словарь православной русской культуры» Г. Н. Складневской и т. д. Вместе с тем, рассматривая задачи данных изданий, есть основания отнести данный вид словарей, вслед за В. В. Морковкиным, к антропоцентрическим: «Антропоцентрические словари – это словари для человека. Их главная задача – помочь

человеку, во-первых, в эффективном использовании языка как принадлежности сознания, а во-вторых, в эффективном использовании языка» [2: 133].

Идея объединения энциклопедической и лингвистической информации в словаре была выдвинута еще в 1977 г. А. И. Киселевским в работе «Языки и метаязыки энциклопедий и толковых словарей» [3]. Автор полагал, что имеются реальные основания для создания комбинированных толково-энциклопедических словарей, в которых должны совмещаться принципы описания лексических значений слов с принципами характеристики научных понятий. Исследователь пишет: «такие словари отвечали бы запросам современного читателя и возросшим требованиям эпохи» [3: 11]. В. Г. Гак также отмечает, что традиционная форма словарной статьи толкового словаря не способна вместить всех сведений, которые сегодня могут интересовать читателя, «поэтому лексикографы отходят от обычной формы словаря, включая в него научные очерки, списки слов, таблицы» [4: 40].

Основоположники лингвострановедения Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров отмечали, что «лингвострановедческий словарь находится как бы на половине пути от толкового словаря к энциклопедическому: он регистрирует и систематизирует фоновые знания, если иметь в виду соотечественников, и он сообщает новые сведения, если пользователем является иностранец. Лингвострановедческий словарь совмещает в себе признаки разных словарей (лингвистического: толкового, переводного и неллингвистического: страноведческого), а его автору отведена роль «посредника» между двумя социокультурными общностями» [5: 157]. Цель лингвострановедческого словаря – помочь читателю правильно понять национально-маркированные единицы чужого языка – приводит к необходимости представления наиболее полной информации о материальной культуре народа. Лингвострановедение предполагает ознакомление с национальной самобытной культурой, принимая во внимание специфику средств языкового выражения. Важное место в российской лингвострановедческой лексикографии занимает фундаментальная работа «Россия: Большой лингвострановедческий словарь» под общей редакцией Ю. Е. Прохорова (2007 г.). В предисловии к изданию авторы изложили критерии составления реестра словаря, представили его макро- и микроструктуру, основные принципы (ориентация на современную речь, объективность и т. д.). Также авторы отметили различия между словарями страноведческими и лингвострановедческими: «в структуре словарной статьи выделяются

два обязательных компонента: страноведческая (энциклопедическая, справочная) часть и лингвострановедческая часть, описывающая национально-культурный фон заголовочного слова, предъявляя его в специфических языковых единицах. Она включает информацию о том, какие ассоциации существуют у русских по поводу реалии, обозначенной заголовочной единицей; каков статус данной реалии в обыденном сознании носителя языка; сведения о поляризованности (если она имеет место) оценки реалии у разных слоев населения, изменениях национально-культурного фона реалии, т. е. изменений в понимании роли того или иного явления и отношения к нему в разных слоях российского общества в разные исторические периоды. Обязательное наличие этой части, в конечном счете, и является критерием, определяющим статью как лингвострановедческую (в отличие от страноведческой, в которой лингвистическая информация обычно отсутствует)» [6: 6].

Отметим, что В. Д. Девкин в работе «Очерки по лексикографии» также дифференцирует страноведческие словари, энциклопедии и справочники, с одной стороны, и лингвострановедческие – с другой [7: 250].

Наряду с лингвострановедческими работами в российской лексикографии представлены словари лингвокультурологические. Различия между названными жанрами словарей культуры определили составители издания «Русское культурное пространство» И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков: «главное отличие лингвокультурологического подхода от страноведчески ориентированных описаний состоит в том, что последние ставят своей целью описать реалии, которые являются специфическими для России, а также выявить репертуар тех единиц, которые восходят к собственно национальным фактам материальной, социальной или духовной культуры. Другими словами, лингвострановедческие концепции ориентированы скорее на исторический план фонового знания, нежели на синхронно-функциональное воплощение культурной “доли значения” в языковую сущность. Лингвокультурологический же анализ заключен в извлечении из образа его действенной культурной значимости» [8: 8]. Вместе с тем, авторы отмечают, что лингвострановедческий подход, концепция культурной грамотности Э. Д. Хирша и лингвокультурологический подход «перекликаются, обладая при этом рядом существенных отличий» [8: 8]. Развернутое теоретическое обоснование, представленное в предисловии к названному словарю, дает возможность отнести словарь к определенному типу и жанру: «мы рассматриваем наш словарь как словарь фиксирующего типа и пытаемся описать

не то, что “следует знать”, а то, что реально “знает” практически любой социализированный представитель русского (в нашем случае) национально-лингво-культурного сообщества, и при этом не ставим перед собой никаких воспитательных задач [...] Наш словарь призван выполнять фиксирующую и ориентирующую функцию, что отличает его от лингвострановедческих словарей и “Словаря культурной грамотности”, которые могут быть названы словарями нормативного типа, выполняя при этом социально-регулятивную функцию» [8: 9].

Авторы словаря отмечают, что опираются на лингвокультурологический подход, который представлен в первую очередь в работах В. Н. Телия. По мнению авторов, лингвокультурология исследует живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа. Одним из базовых понятий лингвокультурологии является культурная коннотация (термин В. Н. Телия), которая прямо или косвенно соотносит образ идиомы с базовой метафорой, а эта последняя интерпретируется «коллективным бессознательным» в пространстве категорий или установок культуры. Данные идеи нашли воплощение в следующих лексикографических работах: «Телесный код русской культуры: материалы к словарю» Д. Б. Гудкова, М. Л. Ковшовой (2007), «Люди и звери (русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе)» Д. Б. Гудкова (2020).

В связи с упоминанием ранее концепции Э. Д. Хирша следует кратко изложить его идеи, повлиявшие в том числе и на российскую лексикографию. Э. Д. Хирш утверждает, что для успешного владения языком необходимо знакомство с определенными ментально-культурными схемами и знание их символов, ярлыков (цитат, имен, дат, жестов, сокращений и т. п.). Практическим воплощением его теории стал «Словарь культурной грамотности» (The Dictionary of Cultural Literacy), в котором представлены сведения о реалиях разных стран. Это культурологический словарь, который, по замыслу авторов, фиксирует необходимую для каждого образованного американца информацию.

Некоторые российские исследователи называют концепцию Э. Д. Хирша «лингвокультурной грамотности» [9]. По нашему мнению, это можно объяснить тем, что идеи американского ученого принадлежат к сфере лингвокультурологии, активно развивающейся в современном российском языкознании. В 1994 г. сотрудники Томского государственного университета создали словарь по модели словаря Э. Д. Хирша «Грамотны ли Вы, или

5000 слов, которые помогут проверить это», сост. В. А. Пушных, Н. Н. Шевченко (1994). В 2008 г. в Российском государственном педагогическом университете издано учебное пособие «Как проверить культурную грамотность», сост. В. А. Козырев, А. Ю. Пентина, В. Д. Черняк (2008), содержащее словарную часть, тестовые задания, с помощью которых студенты имеют возможность оценить уровень своей культурной грамотности.

Очевидна роль лингвострановедческих словарей при обучении русскому языку как иностранному, а лингвокультурологических – на уроках русского языка и литературы в школе при приобщении молодого поколения к родной культуре, при изучении классических произведений русской литературы. Именно поэтому создан ряд учебных лингвокультурологических словарей под редакцией проф. Л. Г. Саяховой: «Концепты духовности русской языковой картины» Т. И. Кобяковой (Уфа, 2004), «И образ мира, в слове явленный... Лингвокультурологический словарь-комментарий к произведениям С. Т. Аксакова» Г. Ш. Кузьминой, (Уфа, 2004), «Энциклопедия русской жизни... Лингвокультурологический комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»» Л. М. Самситовой (Уфа, 1999; М., 2005).

Особое место в ряду рассматриваемых словарей занимают словари национальных концептов, которые в лексикографической форме воссоздают концептосферу культуры и языка. Один из выдающихся образцов рассматриваемых работ – «Константы: словарь русской культуры» Ю. С. Степанова, фиксирующий более 60 концептов, в котором анализируется этимология ключевого слова каждого концепта, излагается его история, рассматривается материал, представленный разными семиотическими системами. В словаре отражены только те концепты, которые играют ключевую роль в картине мира русского народа. Эта книга важна не только глубоким анализом тех сконцентрированных смыслов духовной культуры, которые составляют специфику русской ментальности, но и представленной методологией изучения концептов.

Представители уральской семантической школы под руководством Л. Г. Бабенко работают над созданием Большого словаря ключевых концептов, формирующих концептосферу русского языка. По определению самих авторов, «данный словарь ключевых концептов по способу расположения материала (содержательно упорядоченный принцип) относится к семантическим словарям, по способу семантизации – к толковым, объяснительным словарям. Кроме того, он содержит сведения о составе и значении лексических репрезентантов

концепта, о семантических и грамматических различиях этих слов, их парадигматических связях, в состав словарных статей включены также фразеологические и паремиологические средства репрезентации концепта, потому его можно отнести к словарям-справочникам. При описании ментальной сущности концепта специальное внимание уделяется выделению ассоциативно-образных, национально-культурных, модальных и оценочных компонентов концепта и их репрезентаций. Все это сближает словарь со словарями образных средств русского языка, с лингвокультурологическими словарями» [10: 5]. Всего по одной лексикографической модели описано около 200 ключевых концептов, отображающих представления русского человека о различных сферах действительности. Концепты располагаются по темам, что позволяет представить их как систему, формирующую концептосферу русского языка и отображающую национальную языковую картину мира.

Говоря о словарях концептов культуры, следует отметить многотомное издание «Антология концептов», под ред. В. И. Карасика и И. А. Стернина. В книги включены концепты, исследованные в рамках диссертационных работ, в связи с этим антология не обладает единой основой, не опирается на общие принципы. В изданиях описано более 40 концептов. Ряд статей имеет сравнительно-сопоставительный характер: материалом для анализа послужили данные разных языков. По мнению В. И. Карасика, редактора издания, вполне реальной задачей стало создание концептуария культуры – словаря нового типа, объясняющего не значения слов, как в толковых словарях, не научные понятия и реалии действительности (таковы функции энциклопедических словарей), а концепты, составляющие специфику определенной культуры.

Таким образом, словари культуры – явление в российской лексикографии, находящееся в центре внимания лингвистов, уже сделаны попытки систематизации данных словарей на типы и жанры. Так, Н. Ш. Галлямова выделяет 4 группы словарей культуры: «1) культурологические словари философской ориентации; 2) толковые и энциклопедические словари, несущие лингвокультурологическую информацию; 3) лингвострановедческие словари учебно-справочного характера, посвященные отдельным странам и культурам; 4) собственно лингвокультурологические словари» [11: 81]. Соглашаясь с данной классификацией, мы считаем, что словари концептов не упомянутые в данной классификации, заслуживают выделения в особый жанр словаря культуры.

Т. А. Голикова разделяет словари культуры (по сути энциклопедические) и лингвокультурологические. Среди последних автор выделяет «лингвокультурологические диалектные; лингвострановедческие; религиозные словари и словари духовных ценностей, исторические и этнографические словари; словари концептов; ассоциативные словари; метаязыковые терминологические словари культурологической направленности» [12: 50]. По нашему мнению, лингвокультурологические словари являются особым жанром лингвистического словаря культуры, а словари концептов, лингвострановедческие и др. не являются разновидностью лингвокультурологических, а выделяются в особый жанр словарей культуры, на что нередко указывают сами авторы словарей.

Заключение

Можно прийти к выводу, что, несмотря на то что в теории лексикографии энциклопедии и лингвистические словари противопоставлены друг другу, практика показывает, что многие лингвистические словари отходят от строго лингвистических принципов в отборе лексического материала, включая энциклопедическую информацию. Поэтому деление словарей культуры строго на энциклопедические и лингвистические затруднительно. Вместе с тем, на основе анализа словарей русской культуры, содержащих анализ единиц языка и речи, выделим следующие жанры:

- *лингвострановедческие словари*, направленные на описание иноязычной среды и культуры. Лингвострановедческие словари в основном ориентированы на зарубежного читателя, содержат информацию о географической, социальной, политической, идеологической и других сторонах функционирования объекта-реалии в жизни отдельной страны;
- *словари концептов культуры* часто являющиеся не словарями в традиционном понимании этого слова, а сборниками развернутых статей глубокого философского и культурологического содержания;
- *словари культурной грамотности*, содержащие информацию о культуре, знание которой необходимо для успешной коммуникации;
- *лингвокультурологические словари* (могут служить для популяризации культурологических сведений для широкого круга читателей, быть особенно полезными для учебных целей).

Таким образом, есть основания утверждать, что сегодня в российской лексикографии возник новый тип словаря – словарь культуры, включающий в себя различные жанры.

Данные словари объединяют языковедческую (этимологическую, стилистическую), культурологическую и страноведческую информацию. Словарь стал не просто лингвистическим изданием, а книгой, направленной на предоставление читателю информации о культуре, менталитете народа. Словари, созданные

для описания культурного компонента для целей понимания языка и культуры, активного владения ими и решения образовательных задач и в межкультурной коммуникации, можно рассматривать как словари культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козырев В. А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке : очерки о словарях русского языка. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. 356 с.
2. Морковкин В. В. Антропоцентрический versus и лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М. : Наука, 1988. С. 129–140.
3. Киселевский А. И. Языки и метаязыки энциклопедий и толковых словарей. Минск : Наука і тэхніка, 1977. 176 с.
4. Гак В. Г. О типологии словарей // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии : тез. докл. Всерос. конф. 18–20 окт. 1988 г. М. : Наука, 1988. С. 34–48.
5. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М. : Русский язык, 1980. 320 с.
6. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 736 с.
7. Девкин В. Д. Очерки по лексикографии. М. : Прометей, 2000. 395 с.
8. Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Русское культурное пространство : Лингвокультурологический словарь. Вып. первый. М. : Гнозис, 2004. 318 с.
9. Ансимова О. К. Концепция лингвокультурной грамотности : актуальность и перспективы // Филология и литературоведение. 2014. № 7. Электрон. науч.-практ. журн. (сейчас не издается). URL: <http://philology.snauka.ru/2014/07/844> (дата обращения: 17.02.2021).
10. Концептосфера русского языка : ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремии) : проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. 340 с.
11. Галлямова Н. Ш. К вопросу о типологии словарей лингвокультурологической ориентации // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРiAL : в 15 т. СПб. : МАПРiAL, 2015. Т. 7. С. 81–86.
12. Голикова Т. А. Современные лингвокультурологические словари : типология, лингводидактический потенциал, эффективность межкультурной коммуникации // Осенние коммуникативные чтения : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М. : Российский Новый университет, 2020. С. 45–69.

REFERENCES

1. Kozyrev V. A., Cherniak V. D. *Vselennaiia v alfavitnom poriadke : Oчерки o slovariakh russkogo iazyka* [Universe in Alphabetical Order : Essays on

Russian Dictionaries]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2000. 356 p. (in Russian).

2. Morkovkin V. V. Antropotsentricheskii versus i lingvotsentricheskii podkhod k leksikografirovaniu [Anthropocentric versus and the linguocentric approach to lexicography]. In: *Natsional'naia spetsifika iazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare* [National specific language and its reflection in the normative dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1988. pp. 129–140 (in Russian).

3. Kiselevskii A. I. *Iazyki i metaiaziki entsiklopedii i tolkovykh slovarei* [Languages and metalanguages of encyclopedias and dictionaries]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1977. 176 p. (in Russian).

4. Gak V. G. O tipologii slovarei [About the typology of dictionaries]. In: *Sovremennoe sostoianie i tendentsii razvitiia otechestvennoi leksikografii : tez. dokl. Vseros. konf. 18–20 okt. 1988 g.* [Current state and development trends of domestic lexicography : abstracts of All-Russian conference. October 18–20, 1988]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 34–48 (in Russian).

5. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Lingvostранovedcheskaia teoriia slova* [Linguistic theory of the word]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1980. 320 p. (in Russian).

6. Rossiia. *Bol'shoi lingvostранovedcheskii slovar'.* Pod obshch. red. Iu. E. Prokhorova [Prokhorova Iu. E., ed. Russia. Comprehensive linguistic and cultural dictionary]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2007. 736 p. (in Russian).

7. Devkin V. D. *Oчерки po leksikografii* [Essays on lexicography]. Moscow, Prometei Publ., 2000. 395 p. (in Russian).

8. Brileva I. S., Vol'skaia N. P., Gudkov D. B., Zakharenko I. V., Krasnykh V. V. *Russkoe kul'turnoe prostranstvo : Lingvokul'turologicheskii slovar'.* Vyp. pervyi [Russian Cultural Space : Linguocultural Dictionary. First issue]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 318 p. (in Russian).

9. Ansimova O. K. The concept of linguocultural literacy : relevance and prospects. *Filology and Literary Criticism*. 2014, no. 7. Available at: <http://philology.snauka.ru/2014/07/844> (accessed 20 February 2021) (in Russian).

10. *Kontseptosfera russkogo iazyka : kliuchevye kontsepty i ikh reprezentatsii (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii) : prospekt slovaria, pod obshch. red. prof. L. G. Babenko* [Babenko L. G., ed. The conceptual sphere of the Russian language : key concepts and their representations (based on vocabulary, phraseology and paremiology) : dictionary prospectus]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2010. 340 p. (in Russian).

11. Galiyama N. Sh. On the question of the typology of dictionaries of linguistic and cultural orientation. In: *Russkii iazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury : Materialy XIII Kongressa MAPRiAL : v 15 t.* [Russian Language and Literature in the Space of World Culture : Processings of the XIII Congress MAPRiAL : in 15 vols.]. Saint Petersburg, MAPRiAL Publ., 2015, vol. 7, pp. 81–86 (in Russian).

-
12. Golikova T. A. Modern linguoculturological dictionaries : typology, linguodidactic potential, the effectiveness of intercultural communication. In: *Osenne kommunikativnye chteniia : sbornik materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Autumn communicative readings : coll. of materials of the All-Russian sci. and pract. conf. with intern. participation]. Moscow, Russian New University, 2020, pp. 45–69 (in Russian).
-

Поступила в редакцию 26.06.2021; одобрена после рецензирования 17.07.2021; принята к публикации 20.08.2021
The article was submitted 26.06.2021; approved after reviewing 17.07.2021; accepted for publication 20.08.2021

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 115–132

Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 115–132

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-115-132>

Научная статья

УДК 811.161.1'27'38'42

Жанр обращения Президента России к ее гражданам в период первой волны пандемии КОВИД-19 в зеркале концептуальной метафоры

Л. В. Балашова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, balashova53@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1129-7009>

Аннотация. Статья посвящена лингвистическому и когнитивному анализу наиболее регулярных и концептуально значимых метафор, используемых в жанре обращения Президентом России при характеристике эпидемиологической и социально-экономической ситуации в стране в период первой волны эпидемии КОВИД-19. Актуальность темы заключается в том, что именно такая форма коммуникации и такой способ смыслопроизводства позволяет главе государства информативно точно и эмоционально-экспрессивно высказать свою позицию, воздействовать на адресата (граждан РФ, ее отдельных представителей) в период острого общемирового кризиса, связанного с пандемией. Цель работы – выявить регулярные модели метафоризации и их когнитивные функции, используемые в жанре обращения В. В. Путиным при характеристике ситуации в стране и мире с марта по июль 2020 г. Материалом исследования послужили 48 стенограмм обращений, совещаний, бесед главы РФ, опубликованных с 25.03.20 по 06.07.20 на официальном сайте kremlin. На основе комплексной методики семантического, дискурсивного, лингвокогнитивного анализа текстов установлено, что Президент РФ отдает предпочтение языковым, системно организованным переносам, сосредоточивая внимание на информативной составляющей своей речи. Волюнтаристическая функция выполняется преимущественно за счет четкой и понятной электорату когнитивной матрицы конкретных моделей метафоризации, ядро которых составляет осмысление эпидемии как одушевленного феномена, поставившего себе цель – уничтожить человечество. Задача же всех активных сил общества – противодействовать агрессору. Семантическим средством выражения такой концепции становятся милитарные и милитарно ориентированные пространственные, антропоморфные переносы. Параллельно этому В. В. Путин последовательно использует модель целенаправленной деятельности как движения в выбранном направлении: страна должна развиваться, преодолевая все препятствия на пути, в том числе и пандемию.

Ключевые слова: жанр обращения Президента страны, концептуальные метафоры, пандемия КОВИД-19

Для цитирования: Балашова Л. В. Жанр обращения Президента России к ее гражданам в период первой волны пандемии КОВИД-19 в зеркале концептуальной метафоры // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 115–132. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-115-132>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The genre of the Russian Federation's President's address to its citizens during the first wave of the COVID-19 pandemic in the mirror of a conceptual metaphor

L. V. Balashova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Lyubov' V. Balashova, balashova53@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1129-7009>

Abstract. The article deals with the linguistic and cognitive analysis of the most regular and conceptually significant metaphors used in the genre of the address of the President of Russia when characterizing the epidemiological and socio-economic situation in the country during the first wave of the COVID-19 epidemic. The relevance of the topic lies in the fact that it is this form of communication and this method of meaning production which allows

the head of state to express his position accurately and emotionally, and in this way to influence the addressee (citizens of the Russian Federation, its individual representatives) during the acute global crisis associated with the pandemic. The aim of the article is to identify the regular models of metaphorization and their cognitive functions used in the genre of V. V. Putin's address when characterizing the situation in the country and the world from March to July 2020. The research is based on 48 transcripts of appeals, meetings, conversations of the head of the Russian Federation, published from 03/25/20 to 07/06/20 on the official Kremlin website. As a result of the complex methodology of semantic, discursive, linguocognitive analysis of texts, it is established that the President of the Russian Federation prefers linguistic, systemically organized transfers, focusing on the informative component of his speech. The volutative function is performed mainly due to a clear and understandable cognitive matrix of specific metaphorization models, the core of which is the understanding of the epidemic as an animated phenomenon aiming to destroy humanity. The task for all active forces of the society is to counteract the aggressor. The semantic means used to express this concept are military and militarily oriented spatial, anthropomorphic transfers. In parallel, V. V. Putin consistently uses the model of purposeful activity as a movement in the chosen direction: the country must develop, overcoming all obstacles on the way, including the pandemic.

Keywords: genre of the president's address, conceptual metaphors, COVID-19 pandemic

For citation: Balashova L. V. The genre of the Russian Federation's President's address to its citizens during the first wave of the COVID-19 pandemic in the mirror of a conceptual metaphor. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 115–132 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-115-132>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Жанр обращения Президента (ко всем гражданам страны, представителям властных структур и различных социальных институтов) занимает особое место в жанровом пространстве институционального политического дискурса [1–3]. Данная форма коммуникации позволяет главе государства напрямую обратиться к своему электорату, представителям власти, социальных институтов, экономики и бизнеса, четко обозначить позицию по тому или иному общественно значимому вопросу и воздействовать на адресата в разнообразной прямой и косвенной форме. В связи с этим актуальным представляется исследование указанного жанра в речи Президента РФ В. В. Путина в период первой волны пандемии коронавирусной инфекции (март – июль 2020 г.), поскольку сложность, неопределенность и во многом непредсказуемость эпидемиологической и социально-экономической обстановки в России и в мире диктовала необходимость постоянного контакта власти и всех социально-политических, экономических институтов страны, а также и взаимопонимания между ними.

Объектом исследования стали метафоры, поскольку в политической коммуникации именно они являются «мощным средством формирования у адресата необходимого говорящему эмоционального состояния и мировосприятия» [4: 48], то есть выполняют все базовые функции – когнитивную, волюнтативную, эмоционально-экспрессивную, оценочную (создают

«некую модель мира, уяснить взаимосвязи между его элементами»; делают «сообщение более образным, ярким, наглядным, эстетически значимым» [Там же]). Все это определяет актуальность настоящей работы.

Цель исследования – выявить регулярные модели метафоризации и их когнитивные функции в жанре обращения Президента РФ в период первой волны пандемии COVID-19. Материалом исследования послужили 48 стенограмм, опубликованных с марта по июль 2020 г. на официальном сайте kremlin (<http://www.kremlin.ru/events/president/transcript>), обращений Президента РФ к гражданам России, ее отдельным представителям, также отрывков его выступлений с позиционирующей жанр инициальной репликой: «Обращаюсь к ...» (ср.: *Вновь обращаюсь к главам регионов, прошу вникать в проблемы каждого предприятия, содействовать обеспечению их устойчивости, сохранению занятости, искать точечные решения*. 08.04.20¹). Методологической базой исследования стало представление о метафоре как об одном из ведущих способов формирования языковой картины мира; репрезентации и продуцирования взглядов всех участников политической коммуникации. При анализе применяется комплексная методика системного семантического, функционально-стилистического, дискурсивного и когнитивного анализа языковых явлений.

¹Для сокращения объема статьи при цитировании исследуемых текстов указывается только дата данного документа.

Основная часть

1. Общая характеристика метафор в исследованных текстах

Как показал анализ исследуемого материала, В. В. Путин при характеристике эпидемиологической и социально-экономической ситуации в России (и отчасти в мире) в период первой волны пандемии КОВИД-19 использует основные языковые макромоделли метафоризации – пространственную, натуралистическую и социальную (см. подробнее: [5–7]).

Как и в других исследованных нами жанрах (см.: [8–10]), Президент отдает предпочтение языковым переносам разного типа: живым (с осознаваемой образностью) и генетическим (с утраченной образностью); полным (переносный лексико-семантический вариант (далее ЛСВ) является производным и формируется на базе первичного ЛСВ той же лексемы) и частичным (метафорическое значение является первичным, а его «образование ... связано с морфологическим изменением слова, с добавлением аффиксов к основе, используемой в переносном значении» [11: 483], традиционным и новым, сформировавшимся в последние десятилетия.

Например: *Для России это [пандемия и ее социально-экономические последствия] также серьезный вызов, и мы должны учитывать его при формировании, уточнении наших стратегических планов. Эта работа уже идет. И те шаги, новые меры, о которых буду говорить сегодня, не только решают неотложные задачи.* 23.06.20:

- Генетические полные метафоры: *формирование* 'придание чему-л. какой-л. формы, вида' → 'придание чему-л. законченности, завершенности; создание, составление чего-л.';
- Живые языковые метафоры: *вызов* 'приглашение принять бой, вступить в борьбу, состязание' → (неол.) 'сложная проблема, для решения которой требуются большие усилия, смелость и т. п.'; *стратегический* 'отвечающий требованиям стратегии, имеющий значение с точки зрения осуществления общих целей войны' → (перен.) 'содержащий общие, основные установки, важные для подготовки и осуществления чего-л.'; *идти* 'направляться, отправляться куда-л. с какой-л. целью' → (перен.) 'следовать, развиваться в каком-л. направлении'; *шаг* 'одно движение ногой вперед, назад или в сторону, а также движение одной ногой вперед при ходьбе, беге' → (перен.) 'развитие, движение чего-л. (обычно в сторону улучшения, совершенствования), ступень, этап в развитии чего-л.';

- Частичные метафоры: *неотложный* 'такой, осуществление, выполнение которого нельзя отложить; не допускающий промедления; срочный' – первичный ЛСВ формируется на базе переносного ЛСВ производящего глагола *отложить*: 'положить в сторону или отдельно' → (перен.) 'перенести на более поздний срок; отсрочить'.

Число не зафиксированных в толковых словарях литературного языка переносов в исследуемых текстах невелико, причем это не индивидуально-авторские (окациональные) метафоры, а метафоры вне-литературные (преимущественно сленговые, профессиональные), дискурсивно ограниченные (например, финансовые) или узуально-речевые, то есть достаточно широко представленные в современной речи значения, не получившие пока отражения в толковых словарях.

Например: *В качестве первого шага предлагаю провести в IT-отрасли так называемый налоговый маневр и прежде всего существенно сократить нагрузку на фонд оплаты труда.* 23.03.20 – в основе не зафиксированного в словарях, но широко используемого в современном финансово-экономическом дискурсе терминологического сочетания *налоговый маневр* лежит милитарная метафора (от первичного ЛСВ: *маневр* 'передвижение и группировка войск или флота с целью нанести удар противнику').

Таким образом, обращаясь ко всем гражданам России, ее отдельным социальным, профессиональным и др. группам (врачам, ученым, бизнесменам и т. п.), а также к представителям центральной и региональной власти, В. В. Путин сосредоточивает внимание не на экспрессивной, а на информативной составляющей своей речи. Не случайным поэтому представляется практически полное отсутствие в текстах наиболее экспрессивных переносов в составе, например, языковой натуралистической макросистемы, таких как:

- **флористическая** модель, основу когнитивной матрицы которой составляет ассоциация явлений непредметного мира (в нашем случае – эпидемии и ее социально-экономических последствий) с растениями и их жизнедеятельностью (ср.: *Рассеянный, неверною рукою я собирал поэзии цветы.* А. Фет);
- **зооморфная** модель, в основе которой лежит ассоциация явлений непредметного мира с животными и их жизнедеятельностью (ср.: *Ты думаешь, барин, если я убил, так я – зверь? нет, я не зверь.* М. Горький).

Однако из этого не следует, что переносы в обращениях В. В. Путина лишены волюнтаривной функции. Языковые концептуальные

метафоры оказывают воздействие на адресата в первую очередь с помощью четко выстроенной когнитивной матрицы конкретной модели переноса.

В связи с этим принципиальным становится вопрос, с одной стороны, о продуктивных и непродуктивных в речи Президента моделях метафоризации в рамках трех основных макромоделей (пространственной, натуралистической и социальной), а с другой – о специфике реализации данных моделей при характеристике основных тематических блоков (сфер) в рамках исследуемого жанра: (1) пандемия КОВИД-19 (эпидемиологическая ситуация; противодействие пандемии со стороны органов здравоохранения, власти и общества в целом); (2) социально-экономические последствия пандемии (социально-экономический кризис, противодействие негативным социально-экономическим последствиям пандемии со стороны общества). Не менее значимыми при выборе и специфике реализации модели метафоризации оказываются следующие аспекты описываемых в рамках данных блоков ситуаций – каузативное/некаузативное представление ситуации; наличие/отсутствие агенса и его тематический тип (коронавирус, социально-экономический кризис, медицинские работники и социум в целом); наличие/отсутствие пациенса и его тип (население страны и мира, система здравоохранения, экономика, властные структуры и человечество в целом).

Как показывает анализ исследуемого материала, в системе метафорических переносов особое место занимают **артефактная** и **военная** модели метафоризации, среди которых наиболее значимой оказывается последняя (см. подробнее: [12, 13]). Ядерное положение военной (в расширительном смысле) модели² метафоризации проявляется, в частности, в том, что она активно взаимодействует с другими моделями. С одной стороны, военные переносы обладают «центростремительной» силой, то есть вовлекают в свою орбиту метафоры, формируемые на базе пространственной, антропоморфно-физиологической и другой лексики. С другой стороны, даже в том случае, когда пространственные и иные переносы выступают в роли самостоятельных моделей, они имеют тенденцию к прямому или косвенному сопоставлению и противопоставлению военным метафорам. В результате формируется сложно организованная система переносов, в основе которой лежит достаточно четкая, логически выверенная когнитивная матрица.

Безусловно, в исследуемых текстах можно обнаружить несколько значимых в концептуальном аспекте моделей метафоризации. Например, ядро когнитивной матрицы военной модели (см. далее) составляет противопоставление двух активных сил (пандемии-агрессора и общества-защитника), тогда как в модели «Эпидемия как стихия» (неконтролируемое горение, беспокойное море или река и т. п.) основополагающим становится фатальное восприятие событий: пандемию, подобно природным явлениям и стихийным бедствиям, невозможно или почти невозможно предсказать, определить характер дальнейшего развития событий и, следовательно, крайне проблематично активно противодействовать ей (ср.: *Когда вспыхивают эпидемии подобного рода..., промышленность заранее к этому не готова.* 13.04.20; *В некоторых субъектах Федерации ... если не вспышка, то значительный рост [заболевших] был отмечен.* 13.04.20; *Крупные очаги заражения [коронавирусом] были зафиксированы ... вблизи границ России.* 23.06.20; *[Новый вирус] стал распространяться по всему миру, как пожар под порывами ветра.* 23.06.20). Вместе с тем общество не имеет права быть пассивным (ср.: *Мы должны добиться, чтобы волна эпидемии схлынула, пошла наконец на спад.* 28.04.20). Именно поэтому не данная, а военная модель становится ядерной в обращениях главы государства.

2. Военно ориентированные модели метафоризации

Военная (в расширительном смысле) модель: «Эпидемия КОВИД-19 как враг человечества» – наиболее полно и точно отражает «взгляд Президента на ситуацию, сложившуюся, прежде всего, внутри страны, в связи с распространением коронавирусной инфекции» [12: 783].

При собственно военном осмыслении смертельно опасного заболевания и его социально-экономических последствий выделяется несколько участников ситуаций, связанных с пандемией. Активно действующими субъектами являются две противоборствующие силы: (а) коронавирус (в совокупности с его негативными последствиями) как агрессор, то есть одушевленный, обладающий свободой воли субъект, цель которого – захватить все мировое пространство и уничтожить всех и каждого; (б) социально ответственные члены социума (медицинские работники, властные структуры, волонтеры и т. п.) и мировое сообщество

² Военные метафоры сходят в состав макромоделей, в основе которой лежит оппозиция «свой/чужой» [5], но поскольку именно военная модель играет здесь ведущую роль, то в дальнейшем мы будем использовать этот термин расширительно – как по отношению к собственно военным метафорам, так и к близким к ним переносам.

в целом как защитники человечества от пандемии. В роли пациенса (объекта, который подвергается негативному воздействию со стороны пандемии) выступают конкретные люди и человечество в целом, а также социально-экономическая и политическая ситуация в стране и мире. Однако метафорических обозначений данных актантов в текстах немного. И это представляется концептуально значимым. Президент РФ, обращаясь к гражданам России, медицинским работникам, властным структурам, волонтерам и т. п., предпочитает прямые именованья.

В частности, при номинации самой инфекции В. В. Путин обычно использует термины и гиперонимы к ним: *коронавирус, коронавирусная инфекция; болезнь, эпидемия, пандемия* и т. п.; реже – экспрессивы эвфемистического толка: *беда, зараза, угроза, невзгоды* и т. п. (ср.: *Лечение больных с коронавирусом. 30.03.20; Государства, уже серьёзно поражённые эпидемией. 25.03.20; Распространение инфекции. 08.04.20; Сделаем всё, чтобы помочь вам [жителям Дагестана] справиться с общей бедой. 18.05.20; Нам в целом пока удаётся оградить от серьёзной угрозы людей старших поколений. 02.04.20; И в наших силах сделать так., чтобы мы не только преодолели нынешние испытания и невзгоды. 28.04.20*).

Единственным переносным обозначением КОВИД-19 становится субстантив *враг* в 'о том, что приносит вред, зло'³. Это генетическая метафора (в словарях дается без пометы «перен.»), источником которой может служить как первичный ЛСВ, основанный на дихотомии «свой – чужой»/«друг – недруг» ('тот, кто находится в состоянии вражды, борьбы с кем-л.; противник, недруг'), так и вторичный метонимический ЛСВ, связанный с семантической сферой «Война» ('военный противник, неприятель'). Но Президент РФ текстуально подчеркивает связь метафоры именно с милитарным ЛСВ (ср.: *Пожалуй, впервые после войны весь мир проходит через столь трудные испытания. Конечно, с военными их и сравнивать нельзя. И слава богу! Но надо четко понимать: мы сегодня находимся в ситуации борьбы с врагом. 28.04.20*).

Прямые именованья преобладают и при обозначении **активных противников** пандемии – медицинских работников, органов здравоохранения, властных структур, волонтеров и т. п. (ср.: *Хочу особо обратиться к врачам, фельдшерам, медицинским сёстрам, сотрудникам больниц, поликлиник, ФАПов, служб*

скорой помощи, к нашим учёным. 25.03.20; Сейчас принципиальное значение имеет эффективное взаимодействие местных, региональных и федеральных структур. 30.03.20). Для Президента принципиально важным оказывается точное обозначение адресатов, действия которых обеспечивают противодействие пандемии и ее последствий. Не менее концептуально значимым является обобщенное именование таких сил. Фактически это все население страны, социум в целом. Для их обозначения регулярно используется субстантив *гражданин* во множественном лице, а также местоимения *мы, весь, каждый* и др. (ср.: *Но то, что мы можем и уже делаем, – так это работать профессионально, организовано. 25.03.20; Вновь обращаюсь ко всем гражданам России: проявите максимальную заботу о своих мамах и папах известного возраста, о своих бабушках и дедушках. 30.03.20*).

Метафорическое обозначение активных противников эпидемии представлено лишь 2 единицами: *штык* 'борец; тот, кто борется за что-л.' – речевая метафора; *строй* 'совокупность активно действующих, работоспособных людей или годных к действию, использованию предметов' – языковая метафора (см. подробнее: [12]), где также актуализируются признаки 'единство' и 'иерархическое равенство'. Тем самым глава государства подчеркивает, что только активные, логически выверенные и консолидированные действия всех и каждого способны привести в успеху в противодействии пандемии (ср.: *Каждый из вас ... должен ... отдавать все свои силы для достижения тех результатов, которых страна от нас ожидает. Хочу это подчеркнуть и отметить: в нашем строю каждый штык важен сегодня. 01.04.20*).

Данные компоненты являются актуальными и при осмыслении планов противодействия эпидемии с помощью языковых живых и генетических милитарных метафор: *мобилизация* 'приведение в деятельное состояние, привлечение, использование чего-л. для выполнения каких-л. задач'; *стратегия* 'искусство руководства общественной, политической борьбой'; *стратегический* 'содержащий общие установки, важные для подготовки и осуществления чего-л.'; *тактика* 'совокупность приемов и способов общественной, политической борьбы'; *брать (взять) на вооружение* 'активно использовать что-л., какие-л. средства, приемы и т. п. в деятельности, практике' (ср.: *От всех нас потребуются предельная собранность, дисциплина и мобилизация. 28.04.20; Необходимо*

³ Характеристика прямых и переносных значений дается на основании анализа лексикографических источников (см. список в конце). Для уменьшения объема статьи мы не указываем, из каких именно толковых словарей современного русского языка взяты конкретные формулировки).

учитывать все сценарии развития ситуации..., с тем чтобы гибко, оперативно корректировать стратегию и тактику наших действий. 13.04.20; А субъекты Федерации получили дополнительные полномочия, чтобы ... определять тактику действий исходя из ситуации на местах. Такой подход оправдал себя. Кстати, был взят на вооружение и в других странах. 23.06.20).

Не менее значимыми оказываются связь и контаминация военных метафор с метафорами из других семантических сфер, прежде всего – с пространственной, антропоморфно-физиологической, социальной. В соответствии с этим выявляются несколько вариантов военной модели.

3. Метафоры с ядерным пространственным компонентом

3.1. Милитарно-пространственный вариант модели

В основе милитарно-пространственной части когнитивной матрицы лежит общее представление о коронавирусной инфекции как об агрессоре, стремящемся захватить все страны и континенты. В соответствии с данной концепцией КОВИД-19 «без объявления войны» преодолевает границы замкнутого (безопасного для отдельного человека, государства и человечества в целом) пространства, часто тайно и незаметно вторгается внутрь него, занимая собою новые и новые территории. Наиболее последовательно для реализации той части когнитивной матрицы, где активной силой является инфекция, используются языковые (часто генетические) пространственные метафоры из бытийной и логико-классификационной подсистем [6]: положение и движение относительно границы замкнутого пространства (внешний, сторона, обойти), движение внутрь и по поверхности замкнутого пространства (проникать, проникновение, распространение, распространиться, распространяться, прийти, миновать и т. п.); например:

- внешний: 'находящийся, расположенный вне, за пределами чего-л.' → 'действующий извне';
- проникнуть 'преодолев какую-л. преграду, пройдя сквозь что-л., оказаться внутри чего-л.' → 'распространиться';
- распространиться 'перемещаясь, занять собой более широкое пространство' → 'расширить круг своего действия, проявления, охватить собой многих';
- обойти 'пройти стороной, огибая, минуя кого-, что-л.' → (перен.) 'миновать, не затронуть кого-, что-л.';

- миновать 'пройти (проходить), проехать (проезжать), оставив что-л. позади или в стороне' → 'пройти, закончиться').

Живые (образные) и генетические метафоры в речи Президента образуют единую метафорическую подсистему, с помощью которой он фиксирует внимание на негативном развитии эпидемиологической ситуации в стране и мире, на смертельной опасности заболевания (ср.: Современный мир взаимосвязан... Рано или поздно болезнь шагнёт в наш дом, внутрь наших границ. 23.06.20; Но эта внешняя угроза [эпидемия КОВИД-19] не могла, безусловно, обойти стороной и Россию. 17.03.20; Уже в первые недели развития эпидемии в мире нам удалось всё-таки сдержать массовое ... проникновение и распространение болезни в России. 17.03.20; Опасность дальнейшего, причём широкого распространения болезни не миновала. 28.04.20). Степень опасности заболевания подчеркивается с помощью скоростных метафор-эпитетов; например: стремительный 'происходящий с большой скоростью и напряженностью, очень быстрый' → 'отличающийся быстротой развития, возникновения или напряженностью проявления' (ср.: Нам в целом удаётся пока сдерживать ... стремительное распространение болезни. 25.03.20).

Обращаясь к гражданам России, В. В. Путин (особенно на начальном этапе развития эпидемии) подчеркивает, что заболевание угрожает всем без исключения. Для этого используются метафоры на базе лексики тактильного контакта с врагом-болезнью; например: коснуться 'дотронуться до кого-, чего-л.' → 'оказаться связанным с кем-, чем-л.'; затронуть 'коснувшись кого-, чего-л., оставить след, рану и т. п.' → (перен.) 'оказать воздействие на кого-, что-л.' (ср.: Обращаюсь ко всем гражданам страны. ... Не думайте, пожалуйста, как у нас бывает: «А, меня это не коснется!» Это может коснуться каждого. 25.03.20; Сегодня делается всё, чтобы угроза не затронула большого количества людей. 30.03.20).

В реализации той части когнитивной матрицы, где активна эпидемия, собственно военная лексика используется спорадически (2 лексемы в 4 контекстах), причем военные ЛСВ здесь являются производными от пространственных значений: наступать 'ступая, вставить ногой, лапой на кого-, что-л.' → 'ведя военные действия, двигаться вперед, вести наступление' → (перен.) 'предпринимать активные действия с какой-л. целью'; отступить 'шагнув назад, отойти, отодвинуться' → 'отойти назад под напором наступающего неприятеля' → (перен.) 'отказаться от своих намерений,

планов, встретившись с какими-л. трудностями, опасностью'.

Примечательно, что лишь в одном контексте говорится о наступлении агрессора-КОВИДа-19, тогда как о его отходе, сдаче позиций – в четырех. Примечательно, что метафоры отступления ни разу не употреблены по отношению к противостоящему эпидемии обществу. Президент РФ не сомневается в конечной победе страны и мира над пандемией, но он и не создает иллюзии быстрого успеха в этом противостоянии: все контексты с глаголом *отступить* включены с конструкциями с ирреальной модальностью (ср.: *Именно они [врачи и другие медицинские работники] в больницах и инфекционных отделениях, на всех врачебных участках держат оборону от наступающей эпидемии: лечат, спасают людей.* 02.04.20; *Мы заставим ее [эпидемию] отступить.* 28.04.20; *Трудности ещё не отступили.* 23.06.20).

В соответствии с таким представлением социально активные силы социума предпринимают активные действия, чтобы помешать продвижению инфекции-агрессору и его негативных последствий. И в этом проявляется стремление Президента объективно отразить сложившуюся ситуацию: перелома в войне с пандемией пока не произошло, о контрнаступлении пока говорить рано, что усиливает необходимость активизировать сопротивление ей. В. В. Путин последовательно использует в переносных значениях те лексемы, у которых в первичных ЛСВ ядерными являются пространственные и модальные компоненты: 'с помощью собственных усилий не давать кому-л. продвигаться вперед, внутрь чего-л.', причем и в данном случае собственно пространственная лексика преобладает над пространственно-милитарной:

- милитарная лексика с пространственным компонентом: *оборона* 'отражение нападения противника, врага' → 'защита, решительное противодействие кому-, чему-л.'; *заблокировать* 'подвергнуть блокаде' → (перен.) 'уменьшить активность, парализовать деятельность кого-, чего-л.';
- пространственная лексика с компонентом 'активно препятствовать свободному продвижению вперед кого-л.': *держат* 'схватив, ухватив за что-л., не отпускать от себя или не давать двигаться' → (перен.) 'сохранять за собой, не отдавать, прилагая к этому усилия', *сдержат* 'остановить, задержать, замедлить (чей-л. ход, бег, движение)' → 'удержать от каких-л. действий, помешать, воспрепятствовать чему-л.; не дать чему-л. обнаружиться, проявиться в полной мере'; *задержать* 'воспрепятствовать движению кого-, чего-

л., заставить остаться где-л.' → 'приостановить, отсрочить что-л., помешать чему-л.'; *затормозить* 'остановить или остановиться при помощи тормоза; замедлить ход, движение тормозом' → (перен.) 'задержать, замедлить движение, развитие чего-л.';

- пространственная лексика с компонентом 'не давать проникнуть внутрь'; ставить преграду от проникновения внутрь кого-, чего-л.: *оградить* 'обнести оградой; огородить' → (перен.) 'с помощью каких-л. мер защитить от чьих-л. посягательств, от какой-л. опасности'; *не допустить* 'не позволить, не разрешить войти, прийти куда-л., к кому-л.' → (перен.) 'не позволить, не разрешать (что-л. делать); не дать возможности чего-л.' *отгородиться* 'отгородить себя чем-л. (перегородкой, забором и т. п.)' → (перен.) 'изолироваться, обособиться от кого-, чего-л.'.

В целом метафоры в этой части когнитивной матрицы указывают на противодействие всего общества распространению эпидемии, на активные действия, предпринимаемые врачами, властными структурами и т. п., для того, чтобы максимально уменьшить число заболевших (ср.: *Такой подход позволил нам сегодня выиграть время, сдержать взрывное распространение коронавирусной инфекции в предыдущие недели; Теперь о превентивных, профилактических мерах, которые призваны затормозить распространение болезни.* 30.03.20; *[Медицинские работники] на всех врачебных участках держат оборону от наступающей эпидемии.* 02.04.20; *[Меры санитарной защиты] позволили ... задержать эпидемию ... на полтора-два месяца; [Мучительные] мысли о том, что будет завтра, как ... оградить от беды самых близких людей.* 23.06.20; *Да, ещё много работы, но всё-таки не допустили критического роста смертности..., как это, к сожалению, произошло в некоторых других местах за границей.* 20.06.20; *Нам в целом пока удаётся оградить от серьёзной угрозы людей старших поколений.* 02.04.20).

Вместе с тем, объективно оценивая сложившуюся эпидемиологическую ситуацию, Президент РФ подчеркивает, что создание отдельной, абсолютно закрытой и безопасной зоны в современном мире невозможно (ср.: *Но мы с вами должны понимать, что Россия – просто даже в силу своего географического положения – не может отгородиться от угрозы.* 25.03.20; *Полностью заблокировать её [эпидемию] проникновение в нашу страну объективно невозможно.* 25.03.20).

Концептуально значимыми в этом аспекте становятся переносы на базе милитарной лексики, именующей линию разграничения, райо-

ны боевых действий (*фронт, тыл, передовая, передний край*), причем каждая из метафор характеризует определенный тип ситуации. В частности, линия непосредственного столкновения агрессора и защитников от него (*передовая, передний край*) воспринимается как наиболее опасное и одновременно ответственное место противодействия пандемии. И эту функцию, по мнению Президента, выполняют только медицинские работники, работающие в «красной» зоне, в службе скорой помощи и т. п. (ср.: *Вы [медики] сейчас на переднем крае защиты страны*. 25.03.20; *Медработников нужно защитить, потому что они на передовой находятся, и это безусловно так*. 20.04.20; *А совсем уж активные люди, такие, как вы [волонтеры], стоящие на передовой, что называется, заслуживают особого внимания и особой поддержки*. 30.04.20). Использование субстантива *фронт* в переносном значении ‘место, участок, на котором могут выполняться какие-л. действия, процессы одновременно многими’, характеризует активное противодействие эпидемии фактически всем обществом: медиками, учеными, волонтерами, властными структурами, промышленными, сельскохозяйственными и финансовыми организациями (ср.: *[Медработники] на настоящем медицинском фронте. Сражаются за всех нас*. 28.04.20; *Очень много организаций и предприятий, которые ..., так же как и больницы, поликлиники, службы скорой помощи, ... держали, что называется, экономический, промышленный фронт борьбы с коронавирусом*. 19.06.20). Субстантив *тыл* в этой когнитивной матрице характеризует не «безопасное место», свободное от угрозы пандемии, а научный, социально-экономический потенциал страны, обеспечивающий возможность активного противодействия пандемии (ср.: *Мы действительно достойно ... ответили на угрозу эпидемии... Мы сумели дать такой ответ, потому что ... могли опереться на собственную технологическую и производственную базу, на, что называется, свой тыл*. 19.06.20).

Как отмечалось, при метафорическом обозначении активности социума В. В. Путин делает акцент на монолитности всего общества в противодействии пандемии (ср.: *итык, строй*). К данным милитарным переносам примыкает блок собственно пространственных метафор и идиом, ядро семантики первичных ЛСВ, их внутренней формы составляют признаки ‘нераздельность нескольких объектов’, ‘расположение в непосредственной близости’, которые также подчеркивают солидарность социума в стремлении противостоять пандемии; например: *объединить* ‘образовать нечто целое из отдельных частиц, единиц’

→ ‘привести в единство, сплотить’; *сплотить* ‘скрепить, соединив продольными сторонами (доски, бревна)’; ‘вплотную сблизить друг с другом, сомкнуть’ → (перен.) ‘сделать кого-л. дружным, единомышленным, добиться тесной связи, единства между кем-л.’; *сплоченность* ‘сомкнутость, расположение вплотную друг к другу’ → (перен.) ‘единомышие, единство’; *собрать в кулак* ‘собрать воедино кого-л.’; *цельный* ‘не составной, состоящий сплошь из чего-н. одного’ → ‘обладающий внутренним единством’ (ср.: *Каждый день подтверждает силу и сплоченность нашего общества*. 08.04.20; *А сейчас от наших совместных действий..., от вашей сплоченности ... зависит, чтобы Дагестан как можно быстрее преодолел угрозу эпидемии*. 18.05.20; *Если потребуется, всё соберём в кулак: ресурсы наших ведущих медицинских центров, Вооружённых Сил, МЧС, волонтеров*. 23.06.20; *В обществе не было растерянности, а напротив, как не раз случалось в нашей истории, многих людей объединило ... осознание реальной угрозы*. 23.06.20; *В России такая система [здравоохранения] есть, и вы, ваши коллеги действовали как единое целое, собрали все силы в кулак*. 20.06.20).

Таким образом, в рамках пространственного варианта милитарной модели акцент делается на характеристике эпидемиологической ситуации в стране и в мире, а также на противодействии пандемии со стороны всех активных сил социума.

3.2. Независимые от милитарных пространственные метафоры

Наряду с милитарно ориентированными метафорами Президент РФ регулярно использует разнообразные пространственные переносы, которые образуют собственные модели представления об эпидемиологической и социально-экономической ситуации в стране и мире в период пандемии.

В связи с этим наиболее концептуально значимыми среди них становятся модели на базе лексики положения, перемещения объекта по горизонтали или вертикали.

Так, многочисленные переносы на основе членов семантической группы «Поступательное движение по горизонтали» (*идти, пройти, путь, шаг, вперед, перейти, переход* и др.) отражают представление В. В. Путина о развитии страны в условиях пандемии.

В соответствии с общеязыковой матрицей модели, примененной к описываемой ситуации, государство, здравоохранение, экономика и общество в целом способны свободно двигаться вперед, то есть развиваться (ср.: *Сейчас нам нужно обязательно идти вперед, опираясь на тот опыт, который мы получили*

в том числе в ходе борьбы с коронавирусом. 20.06.20; Это непростое время мы пройдем вместе. 18.05.20; Здесь нам также нужны дополнительные шаги, прежде всего чтобы обеспечить социальную защиту граждан. 25.03.20). Принципиально значимым в этом аспекте становится указание на то, что направление такого движения (то есть развития) соответствует выбранным ориентирам (то есть целям развития) (ср.: У нас есть ресурсы, возможности, чтобы быстро восстановить национальную экономику, выйти на траекторию роста. Для этого мы сохраним долгосрочные ориентиры макроэкономической политики; Подчеркну: наши базовые ориентиры остаются неизменными. 23.06.20).

Согласно данной когнитивной матрице эпидемия и ее негативные последствия ассоциируются с преградой, препятствием на пути исторического развития страны и человечества в целом, с вершиной, которую надо покорить (ср.: Большинство государств уже столкнулось с последствиями этой болезни и в сфере здравоохранения, и в сфере экономики. 17.03.20; У граждан должна быть вся необходимая информация: с какой угрозой мы сталкиваемся, какие меры предпринимаются государством. 17.03.20; И начну с главного – с организации медицинской помощи людям, которые столкнулись или могут столкнуться с болезнью. 30.03.20; Пожалуй, впервые после войны весь мир проходит через столь трудные испытания. 28.04.20; У нас очень много проблем, ... пик эпидемии у нас не пройден, причём не пройден даже в Москве. 13.04.20).

В. В. Путин подчеркивает трудности, с которыми сталкивается конкретный человек, здравоохранение, экономика, органы власти, общество в целом. Средством выражения этой мысли становятся метафоры на базе лексики, указывающей на прекращение движения, на невозможность двигаться с необходимой скоростью и в нужном направлении. Но при этом подчеркивается временность такого положения вещей, частный характер подобных явлений или только возможный (а не реальный) вариант развития (ср.: При этом **нельзя** останавливать экономику. 28.04.20; Если выплата долга в силу объективных причин оказывается в принципе невозможной, то и в этом случае гражданин **не должен** попасть в тупик. 25.03.20).

Однако жизнеспособность общества проявляется в том, что оно не только способно поступательно продвигаться вперед, но и осознанно (в соответствии с ситуацией) менять траекторию, скорость движения (ср.: Многие столичные компании продолжают работу или перешли на удаленный режим. 08.04.20;

Поручаю Правительству, Минфину **сформировать** комплекс **системных шагов** ... для обеспечения устойчивости региональных бюджетов. 30.03.20; И в ходе состоявшейся встречи дал поручение коллегам из Правительства совместно с экспертным, профессиональным сообществом **проработать такие шаги.** 23.06.20). В. В. Путин подчеркивает одновременно необходимость движения и сложность выбора направления со стороны органов власти, поскольку от этого зависит жизнедеятельность всего общества (ср.: Но и сидеть сложа руки, уклоняясь от ответственности, также нельзя. Нужно пройти между Сциллой и Харибдой. 11.05.20).

Принципиально важным для Президента, однако, является указание на то, что движение (функционирование) не может быть абсолютной самоцелью: государство, экономика и т. п. не должны продолжать свою деятельность за счет здоровья, социально-экономического положения своих граждан. В рамках общей когнитивной матрицы обычные люди ассоциируются с помехой на пути следования общества (ср.: В мире в целом, а порой и у нас в России, звучит мысль, что в первую очередь нужно думать об экономике, о материальном благополучии. ... Предлагается, по сути, идти вперед, перешагивая **через всё и через всех**, ни на кого и ни на что не оглядываясь, по сути, не брать в расчёт риски, связанные с эпидемией. 28.04.20).

Объективная оценка ситуации обусловила необходимость некоторых запретительных мер в сфере прав человека, работы экономических и социальных институтов. Как и в милитарно ориентированных вариантах концептуальной метафоры, здесь используется лексика, первичные ЛСВ и/или внутренняя форма которой указывает на инициированное извне (то есть со стороны властных структур) прекращение движения или установление границ в таком перемещении. Но в данном случае граждане страны, промышленные предприятия и т. п. выступают в роли не жертв вируса-агрессора, а его косвенных пособников, способных (помимо своей воли и желания) стать переносчиками инфекции. Для концептуального разведения двух разных трактовок событий В. В. Путин использует разные источники метафоризации. В частности, средствами выражения этой части когнитивной матрицы становятся ставшие практически терминологическими однокоренные частичные метафоры, производные от субстантива *граница* (*ограничить*, *ограничивать*, *ограничительный*, *ограничение*), в которых сохраняется компонент возможности перемещения – в замкнутом извне пространстве; например: *граница* 'условная линия, разделяющая смежные области, вла-

дения, участки, являющаяся пределом какой-л. территории; черта раздела' → (перен.) 'допустимая норма; предел, предельное значение чего-л.'; *ограничить* 'поставить в какие-л. границы, рамки; стеснить какими-л. условиями'; *ограничение* 'стеснение, ограничивающее права, возможности' (ср.: *Это произойдёт, разумеется, когда все вынужденные ограничения, связанные с борьбой с эпидемией, будут сняты.* 02.06.20; *Прошу вас проконтролировать и обеспечить неукоснительное соблюдение всех ограничительных мер.* 30.03.20).

Вместе с тем в обращениях В. В. Путина при описании такого рода ситуаций содержатся также метафоры с безусловной негативной оценкой. Их источником становятся субстантивы и глаголы, именующие преграды, препятствия на пути или внезапную остановку от неожиданно возникшего препятствия; например: *стена* 'высокая ограда (из камня, кирпича и т. п.)' → (перен.) 'то, что отделяет, разделяет кого-, что-л., является препятствием к общению, единению кого-л., развитию кого-, чего-л.'; *рогатка* 'приспособление для преграждения доступа куда-л. в виде продольного бруса на крестообразно сколоченных стойках' → (перен.) 'препятствие, помеха'; *преграда* 'то, что преграждает движение, путь, доступ куда-л.' → (перен.) 'то, что является препятствием, затруднением'; *наткнуться* 'двигаясь, неожиданно натолкнуться на кого, что-л.' → (перен.) 'встретить препятствие, противодействие своим замыслам, планам, своей деятельности'.

Лишь в одном контексте переносные ЛСВ лексем *стена* и *наткнуться* указывают на то, что источником ущемления свобод человека, затруднений в деятельности экономики и общества становится сознательная политика государства по сдерживанию эпидемии. Примечательно, что глава государства использует эти метафоры, чтобы продемонстрировать близость к обычным людям, отразить их восприятие новой реальности в условиях пандемии (*Торговля, работа предприятий, кооперационные связи словно наткнулись на стену карантинов и ограничений.* 23.03.20). В остальных примерах Президент дает собственную негативную оценку бездеятельности или непродуктивной деятельности отдельных чиновников, государственных структур, бюрократизм которых создает дополнительные трудности в жизни простого человека и общества в целом. Однако такого рода контексты обычно содержат указание либо на хронический характер социально-экономических проблем, либо на их временный характер, либо на необходимость их быстрого решения. Метафорически это выражается с помощью переносов на базе лексики, указывающей на устранение преград,

открытие выходов, на возможность пройти назад, к исходной точке движения (то есть к исходному, «доковидному» пути развития) и т. п. (ср.: *Не менее, а гораздо более важно избавить экономику от бюрократических, административных ограничений и так называемых рогаток. Немало их, к сожалению, носит хронический характер, сохраняется годами, а то и вообще десятилетиями.* 23.06.20; *Прямая поддержка людей ... – это как раз и есть залог роста национальной экономики..., так же как и свобода для людей, снятие преград для предпринимателей и инвесторов...* 23.03.20; *Важнейшая задача – создать условия для того, чтобы люди возвращались к нормальной работе, но, конечно, с соблюдением всех требований безопасности.* 27.05.20).

Наряду с переносами на основе лексики поступательного движения по горизонтали, в обращениях Президента регулярно фиксируются метафоры на базе лексики, указывающей на положение объекта на вертикальной оси и его перемещение по ней, на сохранение/утрату объектом вертикального положения в пространстве. С помощью данных метафор выражаются две (отчасти связанные и пересекающиеся) концептуальные модели.

Во-первых, это различные варианты количественно-качественной характеристики бытия, степени, интенсивности проявления кого-, чего-либо: положение в верхней части оси указывает на большой количественный показатель наличия, проявления какого-либо феномена, тогда как положение в нижней части такой оси – на его малое количество, на малую степень его проявления и т. п. Для реализации данной когнитивной матрицы В. В. Путин использует типичные языковые (обычно генетические) метафоры на базе разнообразной лексики с «вертикальным» компонентом: *расти, вырасти, подрасти, рост, высокий, низкий, повысить, снизить, снизиться, снижаться* и др.; например: *уровень 'условная горизонтальная линия или плоскость, являющаяся границей высоты чего-л.' → 'ступень, достигнутая в развитии чего-л., качественное состояние, степень этого развития'; высокий 'имеющий большое протяжение снизу вверх; расположенный на значительном расстоянии вверх от какого-л. уровня' → 'большой, значительный по количеству, силе и т. п.'; низкий 'имеющий небольшое протяжение снизу вверх; расположенный на или происходящий на небольшой высоте' → 'небольшой, незначительный по количеству, силе, степени и т. п.'; расти 'в результате жизненного процесса увеличиваться, становиться больше, выше, длиннее и т. п.' → 'увеличиваться количественно'; становиться сильнее в своем*

проявлении (о чувстве, свойстве, состоянии и т. п.)'. В соответствии с тематикой обращений с помощью данных переносов характеризуется показатель распространения заболеваемости; обеспечения больных коронавирусом местами в больницах и лекарствами; функционирования промышленности, финансовых организаций; доходов граждан и т. п. Сам по себе данный вариант модели оценочно нейтрален, но позитивное или негативное отношение к положению на большом или небольшом расстоянии от точки отсчета по вертикали зависит от именуемой ситуации (ср.: *Каждый день растёт число заболевших*. 17.03.20; *Ежедневное число новых случаев заражения снижается*. 23.06.20; *Нагрузка на профильных специалистов ... серьёзно возрастёт*. 30.03.20; *Самая острая проблема ... – это рост безработицы*. 23.06.20; *С 1 июня будет вдвое повышен минимальный размер пособия по уходу за ребёнком*. 27.05.20; *Были выплачены все пособия ... в семьях с низкими доходами*. 23.06.20; *Всё это важные ... условия для ... роста доходов граждан, для дальнейшего снижения процентных ставок*. 23.06.20; *Если же зарплата будет на уровне МРОТ или почему-то даже ниже, то ставка останется прежней*. 25.03.20).

Эмоциональное отношение Президента РФ ко всем проблемам, связанным с пандемией и ее негативными последствиями, проявляется в том, что он в рамках данной когнитивной матрицы использует также экспрессивные метафоры, причем обычно они связаны с плохим управлением, с эгоистическим желанием извлечь выгоду из сложившейся ситуации и т. п. (ср.: *Поэтому прошу жёстко пресекать любые факты спекуляции, монопольного взвинчивания цен*. 30.03.20; *Обращаю внимание ... всех высших учебных заведений: сегодняшние сложности не повод ... задирать цены за обучение*. 21.05.20; *У нас не произошло резкого скачка цен; Нам, в отличие от многих, удалось избежать драматического скачка безработицы*. 23.06.20). Но глава государства старается убедить граждан страны от паники и уныния, поэтому переносы в рамках данной когнитивной матрицы часто содержат компоненты, которые снижают резкость восприятия негативных явлений в условиях пандемии; например:

- *Повторю, наша важнейшая задача, обращаясь сейчас ко всем работодателям, – обеспечить стабильность на рынке труда, не допустить всплеска безработицы*. 25.03.20 – в первичном и вторичном ЛСВ данного субстантива содержится компонент, указывающий на непродолжительность процесса: *всплеск* 'волнообразный кратковременный подъем жидкости, рас-

плавленной массы, образуемый её движением или падением в неё каких-либо предметов' → (перен.) '*бурное быстро проходящее* проявление какого-л. состояния';

- *Вместе с тем экономика в полную силу ещё не заработала, а безработица подросла*. 23.06.20 – в первичном и вторичном ЛСВ данного глагола содержится компонент, указывающий на незначительную степень изменения состояния чего-либо: *подрасти* 'стать немного выше, длиннее' → '*немного* увеличиться в размерах, количестве'.

Во-вторых, противопоставление «верх/низ» на вертикальной оси, а также представление о степени устойчивости занимаемого объектом вертикального положения может быть связано с языковой концептуальной метафорой развития, в соответствии с которой движение вверх ассоциируется с прогрессом, устойчивое положение на вертикальной шкале – со стабильностью, движение вниз и утрата вертикального положения под действием силы тяжести, давления и т. п. с регрессом; вмешательство извне с целью помочь объекту сохранить устойчивое положение или подняться вверх – с активными действиями по позитивному развитию чего-л., тогда как способствование движению объекта вниз, утрате им вертикального положения – со стремлением породить кризис, регресс чего-л. В обращениях В. В. Путина данная модель наиболее регулярно используется при характеристике негативных последствий пандемии в социально-экономической сфере. При этом концептуально значимым является состав источников метафоризации, а также частотность их включения в контексты.

В частности, объективно отражая сложившуюся ситуацию, Президент последовательно использует переносы, связанные с выражением кризисной части когнитивной матрицы. Примечательно, что эпидемия, хотя и является толчком для социально-экономического кризиса, обычно не указывается как непосредственный активный участник описываемой ситуации. В. В. Путин предпочитает использовать конструкции с подлежащим- пациенсом, подчеркивая тем самым стихийный (внезапный и неизбежный) характер кризисных явлений. Самым регулярным источником таких метафор становятся члены словообразовательного гнезда *падать*; например: *падать* 'валиться на землю, устремляться сверху вниз под действием собственной тяжести, перестав удерживаться где-л.' → 'уменьшаться (в силе, объеме и т. п.), ослабевать; становится хуже'; *упасть* 'переместиться вниз под действием силы тяжести до встречи с какой-л. опорой' → 'уменьшиться; ухудшиться'; *спад*

‘понижение уровня (воды, водоёма и т. п.)’ → ‘уменьшение, ослабление чего-л.’ (ср.: *По сути, началась глобальная рецессия, спад мировой экономики. И все последствия, глубину этого кризиса ещё только предстоит оценить.* 23.06.20; *Главная из них [объективных трудностей] – это падение, сжатие спроса. Так, рост ипотеки в первом квартале текущего года сейчас сменился спадом.* 16.04.20).

Вместе с тем в исследуемых текстах число включений данных метафор колеблется от одного до десяти. Более того, достаточно регулярно такие переносы соседствуют с метафорами, выражающими противоположную часть когнитивной матрицы (ср.: *Такая мера поддержки позволит компенсировать падение внебюджетных доходов таких организаций.* 21.05.20). Не менее значимыми представляются также следующие факторы: (а) количество употреблений метафор, указывающих на стабильность социально-экономических процессов, на преодоление кризисных явлений, измеряется несколькими десятками; (б) в текстах преобладают конструкции с активным агенсом, в роли которого выступает государство, а также все активные, социально ответственные члены общества. Тем самым Президент РФ стремится подчеркнуть, что возможным «жертвам» эпидемии (больным, обычным людям, попавшим в непростые жизненные ситуации, медикам и системе здравоохранения, экономике страны и т. п.) обязательно будет оказана помощь, что негативные последствия пандемии не будут пущены на самотек.

Для выражения такого рода значений последовательно используются лексемы (или идиомы), первичные значения которых указывают на стабильное вертикальное положение объекта в пространстве, а также усилия извне для сохранения объектом такого положения; в основном это слова с корнями *стой-/ста-* или *держ-:* *стоять, устойчивый, устойчивость, встать на ноги, подставить плечо; держать, держаться, поддержать, поддерживать, поддержка;* например: *устойчивый ‘способный твердо стоять, держаться, не колеблясь, не падая’ → ‘не поддающийся, не подверженный изменениям и колебаниям; постоянный’; поддержать ‘придержав, не дать упасть кому-, чему-л.’ → ‘оказать помощь, содействие в чем-л.; помочь’* (ср.: *Нужно помочь таким компаниям продолжить устойчивую работу.* 25.03.20; *Надо поддержать семьи с детьми.* 25.03.20; *Поручаю Правительству, Минфину сформировать комплекс системных шагов и предусмотреть необходимое финансирование для обеспечения устойчивости региональных бюджетов.* 30.03.20; *Безусловно, всячески буду поддерживать намеченные вами*

меры по поддержке этого сектора экономики. 17.03.20; *Нужно обязательно поддержать волонтеров, которые работают в условиях повышенного риска.* 30.04.20; *Все вместе поднимем экономику, укрепим благосостояние, обязательно поддержим тех..., кому сейчас непросто, подставим плечо пострадавшим предприятиям, поможем им сохранить рабочие места, снова встать на ноги. Такие меры поддержки со стороны государства будут постоянно дополняться.* 28.04.20).

Но государство, все властные структуры, по мнению В. В. Путина, также нуждаются в помощи, содействии со стороны общества, за счет социально-экономически выверенных решений, сохранения морально-нравственных ориентиров и т. п. В рамках описываемой когнитивной матрицы государство ассоциируется с человеком, который сохраняет устойчивое вертикальное положение благодаря тому, что может прислониться к чему-либо, перенести на него часть тяжести тела и т. п.; например: *опора ‘то, на что опираются, на что можно опереться’ → (перен.) ‘сила, на которую можно опереться; поддержка, помощь в чем-л.’; опереться ‘прислониться к кому-, чему-л., налечь на кого-, что-л., перенося на него часть тяжести своего тела’ → (перен.) ‘найти себе поддержку в ком-, чем-л.’* (ср.: *Мы действовали, опираясь на эти [традиционные] ценности, именно поэтому смогли ответить на вызов колоссальной сложности.* 23.06.20; *И сегодня [в условиях пандемии] они [традиции взаимопомощи, взаимовыручки, солидарности] – главная опора нашей государственности.* 28.04.20; *Сейчас нам нужно обязательно идти вперед, опираясь на тот опыт, который мы получили в том числе в ходе борьбы с коронавирусом.* 20.06.20).

Таким образом, используя разные варианты языковых пространственных моделей, глава государства создает сложный и одновременно структурно единый образ развития страны в период первой волны пандемии КОВИД-19.

4. Метафоры с антропоморфным компонентом

4.1. Общая характеристика милитарно-антропоморфного варианта

Контаминация и отчасти противопоставление милитарной и антропоморфно-физиологической моделей метафоризации также присущи обращениям В. В. Путина. Но по сравнению с милитарно-пространственным данный вариант модели отличается большим концептуальным единством и большей эмоционально-экспрессивной оценочностью, поскольку в его основе лежит представление об эпидемии (и ее негативных последствиях) как о вра-

ге-агрессоре (или недоброжелателе), который причиняет вред здоровью человека (в нашем случае – не только конкретным людям, но и системе здравоохранения, экономике, бизнесу и т. п.) (ср.: *Эпидемия нанесла сильнейший удар по мировой экономике*. 23.06.20; *Эпидемия сильно ударила по экономике, по бизнесу*. 28.04.20). В одном контексте коронавирус и его последствия ассоциируются с древнегреческими зооморфными, но обладающими свободой воли мифическими морскими чудовищами (Сциллой и Харибдой), агрессивно настроенными против человека в целом, поскольку их цель – уничтожить всех проплывающих мимо них (по Мессинскому проливу). В нашем случае речь идет о благополучии отдельных лиц и общества в целом, которые в результате губительного воздействия всех негативных составляющих пандемии утрачивают способность устойчиво функционировать.

Параллельно этому общество (медики, властные структуры, экономика, активные граждане страны) может осмысляться в роли не только пассивной потерпевшей стороны, но и активной силы, которая стремится осилить, перебороть агрессора (насилльника и т. п.), одержать верх над ним (ср.: *Хочу ещё раз поблагодарить врачей, фельдшеров, медсестёр, всех специалистов, кто принял на себя основной удар эпидемии, борется за каждого человека и сегодня, помогает коллегам в других регионах*. 23.06.20; *Но и сидеть сложа руки ... также нельзя. Нужно пройти между Сциллой и Харибдой*. 11.05.20). Более того, при характеристике такого противоборства переносы, именующие активность общества, многочисленнее и разнообразнее, чем те, что фиксировались при указании на активность пандемии. Тем самым глава государства акцентирует внимание на возможности и необходимости энергично противодействовать опасной эпидемии.

Не случайно В. В. Путин, давая оценочную характеристику России во всем ее многообразии (отдельные граждане, экономические, социальные и общественные институты, властные структуры и т. п.), регулярно (около 20 включений) использует в обращениях физиологические метафоры – преимущественно одного словообразовательного гнезда (*сила, сильный, осилить, усилить* и т. п.): *сила* ‘физическая энергия человека; физическая возможность действовать, делать что-л.’ → ‘способность человека к проявлению своих умственных или душевных свойств (воли, ума, характера и т. п.); способность, возможность совершать, делать что-л., требующее внутреннего напряжения’; ‘могущество, власть, авторитет’; *сильный* ‘отличающийся большой физической силой (о человеке, животном)’ →

‘твердый, стойкий, с твердым, стойким, волевым характером’; ‘могущественный, мощный, значительный по своему воздействию’; ‘достигший больших успехов в своем деле’ (ср.: *И в наших силах [преодолеть] ... нынешние испытания*. 28.04.20; *В это непростое время мы сделаем систему медпомощи в стране ... более сильной, более современной, эффективной и доступной*. 17.04.20; [Меры государственной поддержки] *усиливают наши долгосрочные приоритеты*. 23.06.20; *А сейчас от наших совместных действий, от усилий всех жителей Республики ... зависит, чтобы Дагестан как можно быстрее преодолел угрозу эпидемии*. 18.05.20). Примечательно, что компоненты ‘энергия’, ‘могущество’ и т. п. при переносе постоянно сочетаются с нравственно-этическими компонентами, что, в соответствии с трактовкой главы государства, является залогом успеха в противодействии пандемии-агрессору (ср.: *И конечно, душа, сила, опора нашего здравоохранения – это люди, преданные своему делу, своему призванию*. 23.06.20; *Каждый день [борьбы с пандемией] подтверждает силу и сплочённость нашего общества*. 08.04.20).

Президент осознает, что вследствие внешних неблагоприятных обстоятельств физическая энергия (степень активности противостоящих пандемии сил) может быть низкой, недостаточной (для полноценного функционирования государства, экономики, комфортной жизни всех граждан страны) (ср.: *Вместе с тем экономика в полную силу ещё не работала*. 23.06.20). В связи с этим принципиально важным является то, что в рамках данной модели общество (прежде всего – властные структуры) может осмысляться как негативное начало, которое в силу своей пассивности, некомпетентности, формализма может стать косвенным, но активным пособником агрессора (пандемии и социально-экономического кризиса) (ср.: *Нужно так всё спланировать..., чтобы ... не задавить бизнес избыточными требованиями*. 23.06.20).

В целом при реализации данного варианта модели в качестве источника метафоризации регулярно используются группы лексики, которые в большей или меньшей степени специализируются на репрезентации определенной части когнитивной матрицы.

4.2. Милитарно-антропоморфные метафоры с соревновательным компонентом

Достаточно регулярно и разнообразно в исследуемых текстах в качестве источника метафоризации фиксируется милитарная или близкая к ней лексика, характеризующая бое-

вые действия, единоборство с целью осилить противника, то есть с соревновательным компонентом; в частности:

- «активное сопротивление, противодействие нападению»: *борьба* 'рукопашная схватка двоих, в которой каждый старается осилить другого'; 'сражение, битва' → 'деятельность, направленная на преодоление, уничтожение чего-л.' (62 употребления); *бороться* 'схватившись друг с другом, стараться осилить'; 'воевать' → 'сопротивляться чему-л., стараться преодолеть или уничтожить что-л.' (9 употреблений); *сражаться* 'вступать в бой, единоборство с оружием в руках; принимать участие в сражении' → 'выступать против кого-, чего-л.' (2 употребления); *противостоять* 'сохранять устойчивое положение под действием, напором чего-л.' → 'сопротивляться, оказывать противодействие чему-л.' (1 употребление);
- «ответ ударом на удар; сдерживание нападения врага»: *отпор* 'отражение нападения' → (перен.) 'решительное противодействие кому-, чему-л.' (1 употребление); *отразить* 'отбить ответным ударом; отбросить; заставить отступить' → (перен.) 'защищаясь от нападения, оказать противодействие напавшему, нападению' (1 употребление);
- «успех в единоборстве с нападающим»: *победа* 'успех в бою, в войне' → 'успех в борьбе за что-л., достижение, успешное осуществление чего-л. в результате борьбы, преодоления чего-л.' (2 употребления); *победить* 'нанести поражение противнику, выиграть бой, войну' → (перен.) 'преодолеть, превозмочь, побороть' (3 употребления); *побороть* 'борясь с кем-л., одержать верх; одолеть'; 'победить в бою, в войне' → 'преодолеть, превозмочь (какое-л. чувство, состояние и т. п.)' (2 употребления); *одолеет* 'победить, осилить в борьбе' → 'преодолеть, осилить трудности' (2 употребления); *преодолеть* (устар.) 'одолеет, победить' → 'осилить что-л., справиться с каким-л. препятствием, затруднением и т. п.' (5 употреблений); *преодолевать* (3 употребления); *преодоление* (2 употребления).

Принципиально важным представляется тот факт, что все эти переносы характеризуют не распространение пандемии, а противодействие ей. Более того, Президент подчеркивает, что, несмотря на сложность реальной эпидемиологической и социально-экономической ситуации, активность проявляют как конкретные люди, так и все социально активные силы общества, поэтому паники и пораженческих настроений в стране нет (ср.: *Многие [медики], к сожалению, сами переболели,*

но одолели этот коронавирус и вернулись к работе. 19.06.20; [Меры санитарной защиты] *позволили ... отразить первый удар [эпидемии]; Мы убедились, что эпидемии можно противостоять.* 23.06.20; *Нам всем нельзя допустить срыва в борьбе с коронавирусом.* 28.04.20; *Военнослужащие Министерства обороны работают и работают достаточно эффективно за границей, помогая нашим коллегам за границей бороться с этой инфекцией.* 13.04.20; *С самого начала борьбы с последствиями эпидемии базовой задачей стало сохранить доходы российских семей.* 23.06.20). Вместе с тем, реально оценивая положение вещей, В. В. Путин включает метафоры с компонентом 'одержать верх над чем-л., справиться с чем-л.' в контексты с предикатами в ирреальной модальности или в будущем времени (ср.: *У нас в стране ... не было растерянности, а напротив, ... многих людей объединило ... осознание реальной угрозы, того, что бороться с ней и победить можно только всем вместе.* 23.06.20; *Россия обязательно победит эту эпидемию. ... И эта победа будет тем весомее, если в это непростое время мы сделаем систему медпомощи в стране ... более сильной.* 17.04.20; *От строгого следования рекомендациям врачей и специалистов зависит, чтобы Дагестан как можно быстрее преодолел угрозу эпидемии.* 18.05.20; *Мы всё обязательно поправим и наведем, одолеем этот коронавирус.* 28.04.20).

4.3. Милитарно-антропоморфные и собственно антропоморфные метафоры с ядерным физиологическим компонентом

Регулярным источником метафор становится милитарно-антропоморфная и близкая к ней социально-антропоморфная, собственно антропоморфная лексика с акцентом на причинении вреда одушевленному объекту и на его неудовлетворительном состоянии в результате внешнего воздействия. В отличие от предыдущей группы переносы с ядерным физиологическим компонентом сосредоточены преимущественно на ситуациях, связанных с характеристикой прямого или косвенного негативного воздействия эпидемии и ее социально-экономических последствий на конкретного человека, экономику, государственные и социальные институты, которые, таким образом, ассоциируются с потерпевшей стороной (пациентом). Вместе с тем фиксируются контексты, где агенсом является противоборствующая пандемии сторона. Во многом это зависит от конкретной группы лексики, ставшей источником переносов, и степени ее связи с милитарно-физиологической семантикой.

Так, регулярно метафоризации подвергаются слова с первичными значениями, включающими компоненты 'ранение, повреждение тканей, травма вследствие толчка, от колющего, режущего оружия и т. п.' (удар, ударить, поразить, поражать, уязвить (уязвимый)), причем в ряде случаев модулем сравнения может стать (в большей или меньшей степени) контаминация биоморфных и милитарных признаков исходных ЛСВ; например: удар 'резкий, сильный толчок, производимый кем-, чем-л. с размаху' → 'стремительное нападение, внезапная и решительная атака' → (перен.) 'решительное действие, направленное на пресечение, устранение чего-л.'; поразить (книжн.) 'нанести удар оружием' → 'вызвать болезненное изменение (ткани, органа и т. п.), причинить ущерб (о болезни, эпидемии и т. п.)'; 'причинить ущерб благосостоянию'; уязвимый 'такой, которого легко ранить' → (перен.) 'неспособный выдержать удар, оказать нужное сопротивление'. При формировании метафор ведущую роль играет биоморфный компонент: 'причинить/вред'; 'понести ущерб', хотя собственно физиологические компоненты: 'ранение; повреждение тканей от внешнего воздействия и т. п.', 'непосредственный контакт с нападающим (агрессором)' – нейтрализуются. Данные переносные значения используются исключительно при характеристике негативного воздействия эпидемии и ее социально-экономических последствий на здоровье и благополучие граждан, на нормальное функционирование экономики, государственных и социальных институтов (ср.: *Во многих странах продолжает нарастать число заболевших. Под ударом оказалась вся мировая экономика.* 25.03.20; *Рядом с нашими границами находятся государства, уже серьезно пораженные эпидемией.* 25.03.20; *Люди, которые ... живут здесь, требуют особого ухода и заботы, а в силу возраста ... сейчас вдвойне уязвимы.* 11.05.20). Концептуально значимым представляется то, что, во-первых, число вхождений данных переносов в тексты обращений (за исключением субстантива удар – 7 употреблений) невелико (от одного до трех); во-вторых, глава государства ни разу не использует в своей речи аналогичные метафоры на базе семантической группы «Насильственная смерть», которые при переносе указывают на безусловное уничтожение, разрушение чего-либо (ср.: *Звучат резкие инвективы в адрес любого умозрительного аналитического знания, убивающего и разрушающего «живую жизнь».* П. Кузнецов. Русский Феникс // «Звезда», 2001). Тем самым Президент России подчеркивает, что враг (коронавирус) не одержал и не может одержать полной победы над человечеством.

По тому же принципу происходит метафоризация антропоморфного глагола *пострадать*, первичный ЛСВ которого обобщенно именует болезненное состояние пациента в результате внешнего негативного воздействия: 'испытать сильную физическую боль' → 'претерпеть ущерб, урон' (около 10 включений). С помощью данного переноса Президент акцентирует внимание на кризисных социально-экономических явлениях, источником которых (эксплицитно или имплицитно) стала пандемия (ср.: [Меры поддержки] уже приняты в отношении предприятий малого и среднего бизнеса, пострадавших от последствий эпидемии коронавируса. 30.04.20; Мы сформировали и постоянно расширяем перечень пострадавших отраслей и предприятий. 11.05.20).

Функционально более разнообразными и многочисленными становятся переносы на базе антропоморфной лексики, первичные ЛСВ которых указывают на большой вес предмета; его насильственное или ненасильственное воздействие на здоровье пациента (*груз, грузить нагрузку, перегрузка, груз, груз; тяжелый, тяжесть; обременительный; нести; ложиться; давить, давление, задавить, додавить, ущемление* и т. п.). Ядерный для модуля сравнения признак 'вес больше нормы; больше обычного' может переосмысляться двояким образом.

Во-первых, наиболее востребованной (от одного до двух десятков включений) оказывается следующая когнитивная матрица: массивная, требующая расхода сил и здоровья ноша ассоциируется с экономическими, социальными, психологическими и иными проблемами, с которыми пациент способен или не способен справиться; например: *груз, тяжесть* 'тяжелый, веский предмет' → 'то, что тяготит, угнетает; трудность, затруднение'; *нагрузка* 'то, что нагружено; количество нагруженного' → 'количество работы, степень занятости; загруженность работой и т. п.'; *нести* 'взяв в руки или нагрузив на себя, перемещать' → 'терпеть, подвергаться чему-л.'; *ложиться* 'занимать место на пространной опоре' → (перен.) 'оказываться, быть обузой'; *обременительный* 'доставляющий много хлопот, затруднений' (односторонняя словообразовательная метафора на базе первичного ЛСВ *бремя* 'ноша, груз'); *напряженный* 'находящийся в состоянии напряжения (о мышцах); требующий больших усилий' → 'требующий больших усилий, сосредоточения сил, внимания; развивающийся с непрерывным усилием'. В нашем случае в роли пациента выступают отдельные люди и общество в целом, а источником их негативного экономического, эмоционального и т. п. состояния становится

эпидемия и ее последствия (ср.: *Дорогие друзья! Понимаю, что уже накопились усталость, серьезный груз финансовых, бытовых, других житейских проблем*. 08.04.20; *Повышенную нагрузку, риски несут и сотрудники социальных учреждений*. 11.05.20; *Можно, оказывается, строить гораздо быстрее и при этом качественно и надёжно, без обременительных формальностей*. 23.06.20; *Процедура банкротства должна быть посильной и необременительной*. 25.03.20; *Во многих странах именно критическая перегрузка больниц, госпиталей стала основной причиной высокой смертности; Мы заставили эту тяжелейшую эпидемию отступить*. 23.06.20; *Прошу Правительство ... определить порядок таких выплат ... с учётом ... дополнительной нагрузки, которая ложится на плечи этих людей* [медиков]. 28.04.20; *Мы видим, какие тяжёлые последствия во всём мире несёт распространение коронавируса; Понимаю, как это нелегко: и горечь потерь, и груз усталости, тревог, неопределённости*. 28.04.20; *Экономика России ... из-за последствий эпидемии испытывает сильное негативное давление*. 25.03.20). Примечательно, что при указании на некомпетентность решений представителей власти как на косвенного пособника социально-экономического кризиса и источника проблем В. В. Путин может использовать и формируемые по тому же принципу метафоры-жаргонизмы (ср.: *Остальные предприятия не надо «грузить» разного рода дополнительными справками, разъяснениями и согласованиями*. 08.04.20).

Во-вторых, значительно реже (одно – три вхождения) фиксируется метафоризация, основанная на ассоциации странгуляции (вплоть до смерти) пациента с созданием ему проблем, с ликвидацией его как активной социально-экономической силы; например: *задавить* ‘придавив собой (о чем-л. тяжелом, упавшем), умертвить’ → (перен.) ‘помешать развитию чего-л.’; *ущемить* ‘сжать между чем-л., сдавливая с двух сторон; защемить’ → (перен.) ‘стеснить в чем-л., ограничить (в правах, действиях, возможностях и т. д.)’; притеснить’. Концептуально значимым представляется то, что активной силой здесь могут быть как эпидемия, ее последствия, косвенные пособники, так и противостоящее пандемии общество. Однако максимальная степень проявления такого рода воздействия обнаруживается только при указании на успешную борьбу с эпидемией и порожденным ею социально-экономическим кризисом. Следовательно, глава РФ подчеркивает, что только Россия и человечество в целом могут одержать победу над агрессором-пандемией, но не наоборот (ср.: *Но трудно*

согласиться, когда такое раздражение выливается в пренебрежение к окружающим, ... в громкие слова об ущемлении личной свободы, конституционных прав. 28.04.20; *Обращаю внимание коллег из федеральных ведомств: здесь нельзя, что называется, перегнуть палку, задавить бизнес формальными, избыточными, а порой бессмысленными требованиями*. 07.05.20; *Нам ещё предстоит дожать, додавить эту заразу [пандемию]*. 23.06.20).

Наконец, возможным источником метафоризации становятся немногочисленные и семантически разрозненные антропоморфные лексемы, обобщенно именующие неудовлетворительное физическое состояние пациента, а также различного рода заболевания и средства их лечения (ср.: *паралич, задыхаться, истощать, панацея*). В отличие от описанных выше групп милитарный (в расширительном смысле) компонент здесь отсутствует как в первичных, так и в переносных ЛСВ.

Формирование переносов основано на метафорической трансформации компонентов ‘ощущение физического дискомфорта’, ‘утрата способности адекватно функционировать в результате недомогания, болезни или обретение вновь такой способности’; например: *истощать* ‘доводить до истощения, до потери сил’ → (перен.) ‘ослаблять, обессиливать’; *паралич* ‘болезнь, заключающаяся в потере способности произвольных движений каким-л. органом или частью тела’ → (перен.) ‘состояние вынужденного бездействия, застоя’; *панацея* (истор.) ‘в представлении алхимиков – лекарство, исцеляющее от всех болезней’ → (перен.; книжн., ирон.) ‘средство, которое может помочь во всех случаях, избавить от всех зол’. В обращениях Президента данные переносы экспрессивно характеризуют возможное душевное состояние людей во время пандемии, неспособность медицинских учреждений нормально функционировать в этот период и надежду на то, что можно избавиться от всех проблем за счет какого-либо чудодейственного средства. Примечательно, что если психологический дискомфорт определяется В. В. Путиным как возможный (но не неизбежный), то полная неспособность справиться с эпидемией, как, впрочем, и моментально обрести чудо-средство от нее, категорично отвергается. Тем самым глава государства вновь стремится к объективной оценке сложной ситуации в стране и в мире, но призывает не поддаваться паническим настроениям (ср.: *Это [чувство страха, неопределенности (из-за эпидемии и ее последствий)], конечно, ... психологически истощает людей; Накапливаются материальные, финансовые, бытовые*

проблемы. И каждому из нас так и хочется выдохнуть и сказать: всё наконец закончилось. 28.04.20; Да, ещё много работы, но всё-таки не допустили ... настоящего паралича в работе медицинских учреждений, как это, к сожалению, произошло в некоторых других местах за границей. 20.06.20; Добавлю, что сама по себе вакцина исключительно важна, но она не панацея. 23.06.20).

Выводы

1. Анализ текстов обращений Президента РФ с марта по июль 2020 г. показывает, что концептуальные метафоры играют важную роль в репрезентации и транслировании гражданам России представления главы государства об эпидемиологической и социально-экономической ситуации в России и мире в период первой волны эпидемии КОВИД-19.

2. На основе комплексной методики семантического, дискурсивного, лингвокогнитивного анализа текстов установлено, что Президент РФ отдает предпочтение языковым, системно организованным переносам, сосредоточивая внимание на информативной составляющей своей речи. Волонтеративная функция выполняется преимущественно за счет четкой и понятной электорату когнитивной матрицы конкретных моделей метафоризации.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Большой академический словарь русского языка / гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–24. М. ; СПб. : Наука, 2004–2017.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. Т. 1–2. М. : Русский язык, 2000.

Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. М. : Русский язык, 1998. 834 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : ИТИ Технологии, 2008. 944 с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1–4. М. : Азбуковник, 1998–2007.

Словарь русского языка. Т. 1–4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Русский язык, 1999.

Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М. ; Л. : АН СССР, 1948–1965.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2007. 1174 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василенко Е. Н., Норман Б. Ю. Ежегодное послание Президента парламенту как жанр политического дискурса // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. 2011. № 1 (30). С. 79–84.

2. Шейгал Е. И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи : сб. науч.

3. Принципиально важным является то, что, несмотря на внезапность появления, скорость распространения в мире и смертельную опасность нового коронавируса, базовой становится восприятие В. В. Путиным эпидемии не как не подвластной человеку разрушительной природной стихии (природного пожара, морского шторма и т. п.), а как обладающего волей и разумом агрессивного феномена, которому можно и нужно противодействовать. Семантическим средством выражения такой концепции являются милитарные и милитарно ориентированные пространственные, антропоморфные переносы. В соответствии с общей когнитивной матрицей вирус-враг стремится завоевать, оккупировать страну, причинить максимальный вред противостоящему ему социуму. Президент объективно отражает развитие кризисных явлений, но акцентирует внимание на способности общества не только выжить, но и победить эпидемию и ее негативные социально-экономические последствия.

4. Этой же цели служит последовательное использование главой государства самостоятельной модели целенаправленной деятельности как движения в выбранном направлении: страна продолжает и будет продолжать развиваться, стремится к достижению поставленных целей, преодолевая все препятствия на своем пути, в том числе и пандемию.

ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 205–214.

3. Ласица Л. А. Новогоднее обращение главы государства : семантические особенности ритуального жанра политического дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 1 (201). С. 19–24.

4. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

5. Балашова Л. В. Русская метафора : прошлое, настоящее, будущее. М. : Языки славянской культуры, 2014. 496 с. (Studia Philologica).

6. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии : XI–XXI вв. М. : Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014. 632 с. (Studia Philologica).

7. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Издательский дом ЯСК, 2022. 832 с. (Studia Philologica).

8. Балашова Л. В. Образ России в зеркале концептуальной метафоры (на материале политического телешоу «К барьеру») // Современная политическая коммуникация. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2009. С. 53–56.

9. Балашова Л. В. Политический 2012 год в зеркале концептуальной метафоры // Политическая лингвистика. 2013. Вып. 2 (44). С. 11–23.

10. Балашова Л. В. Реализация концептов «СВОЙ – ЧУЖОЙ» в российском политическом дискурсе начала

XXI в. // Политическая лингвистика. 2014. Вып. 1 (47). С. 40–51.

11. Гак В. Г. Языковые преобразования. М. : Языки русской культуры, 1998. 768 с.

12. Балашова Л. В. Милитарная метафора как способ формирования концепта КОВИД-19 в речи В. В. Путина // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 777–800.

13. Балашова Л. В. Артефактная метафора в речи В. В. Путина как способ репрезентации образа России в условиях первой волны пандемии КОВИД-19 // Политическая лингвистика. 2021. № 2. С. 12–24.

REFERENCES

1. Vasilenko Ye. N., Norman B. Yu. The President's annual message to parliament as a genre of political discourse. *Bulletin of the Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shemyakin*, 2011, no. 1 (30), pp. 79–84 (in Russian).

2. Sheygal Ye. I. Inaugural address as a genre of political discourse. *Speech Genres : coll. of sci. arts.* Saratov, 2002, iss. 3, pp. 205–214 (in Russian).

3. Lasitsa L. A. New Year's address of the head of state : semantic features of the ritual genre of political discourse. *Bulletin of the Orenburg State University*, 2017, no. 1 (201), pp. 19–24 (in Russian).

4. Chudinov A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale : kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror : a cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg, Ural gos. ped. un-t, 2001. 238 p. (in Russian).

5. Balashova L. V. *Russkaya metafora : proshloye, nastoyashcheye, budushcheye* [Russian metaphor : past, present,

future]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014. 496 p. (Studia Philologica) (in Russian).

6. Balashova L. V. *Russkaya metaforicheskaya sistema v razvitii : XI–XXI vv.* [Russian metaphorical system in development : XI–XXI centuries]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi : Znak Publ., 2014. 632 p. (Studia Philologica) (in Russian).

7. Balashova L. V., Dementyev V. V. *Russkiye rechevye zhanry* [Russian speech genres]. Moscow, Publishing house YASK, 2022. 832 p. (Studia Philologica) (in Russian).

8. Balashova L. V. The Image of Russia in the Mirror of Conceptual Metaphor (Based on the Political TV Show "Towards the Barrier"). In: *Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya* [Modern political communication]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta, 2009, pp. 53–56 (in Russian).

9. Balashova L. V. Political 2012 in the mirror of conceptual metaphors]. *Political Linguistics*, 2013, no. 2 (44), pp. 11–23 (in Russian).

10. Balashova L. V. Implementation of the concepts "OWN – ALIEN" in Russian political discourse at the beginning of the XXI century. *Political Linguistics*, 2014, no. 1 (47), pp. 40–51 (in Russian).

11. Gak V. G. *Yazykovyye preobrazovaniya* [Language conversions]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. 768 p. (in Russian).

12. Balashova L. V. Militaristic metaphor as a way of forming the concept of COVID-19 in V. V. Putin. *Communication Research*, 2020, vol. 7, no. 4, pp. 777–800 (in Russian).

13. Balashova L. V. Artifact metaphor in V. V. Putin's speech as a way of representing the image of Russia in the conditions of the first wave of the COVID-19 pandemic. *Political Linguistics*, 2021, no. 2, pp. 12–24 (in Russian).

Поступила в редакцию 07.10.2021; одобрена после рецензирования 16.11.2021; принята к публикации 01.12.2021

The article was submitted 07.10.2021; approved after reviewing 16.11.2021; accepted for publication 01.12.2021

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 133–139
Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 133–139
<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-133-139>

Научная статья
УДК [81'37:342.228](47+57)

Вербализация символа: блазонирование в государственной геральдике постсоветских республик

С. Г. Воркачев

Кубанский государственный технологический университет,
Россия, 350072, г. Краснодар, ул. Московская, д. 2

Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, svork@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6290-2582>

Аннотация. Исследуется языковое воплощение государственной символики, по данным лексикографии устанавливается семантическая структура государственной идеи и описывается её реализация в геральдической символике стран бывшего СССР. В семантике государства выделяются такие смысловые блоки, как власть, территория, население (народ) и страна в целом. Устанавливается, что из артефактов основными символами власти выступают корона, меч, скипетр, держава и трезубец, а из образов фауны – изображения льва, орла и грифона. Подвластная территория символизируется через изображение административного и исторического деления страны, образов типичных представителей её флоры и фауны. Чаще всего на гербах появляются изображения экономически наиболее важных или наиболее типичных представителей растительного мира страны, за которыми идут элементы ландшафта, и только за ними – образы животного мира. К символике, связанной с народом, населяющим страну герба, относятся образы специфически национальных артефактов-предметов материальной культуры. Значительная часть образов национальной геральдики символизирует понятия и идеалы, общие для страны герба в целом: мифологические и фольклорные образы, конфессиональная и астрономическая символики, история и другие символы. Государственная гимнодия и государственная геральдика совпадают в области истории и географии своей страны, в то время как последняя практически лакуарна в отношении эмоционально-оценочной стороны патриотизма.

Ключевые слова: символ, геральдика, государство, герб, блазонирование, семантический блок, власть, территория, население, страна

Для цитирования: Воркачев С. Г. Вербализация символа : блазонирование в государственной геральдике постсоветских республик // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 133–139. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-133-139>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Verbalizing the symbol: Blazoning in the national heraldry of the post-soviet republics

S. G. Vorkachev

Kuban State Technological University,
2 Moscovskaya St., Krasnodar 350072, Russia

Sergey G. Vorkachev, svork@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6290-2582>

Abstract. The article deals with the linguistic embodiment of national symbols. On the basis of lexicography, the author determines the semantic structure of the national idea and describes its implementation in the heraldic symbols of the countries of the former USSR. The semantics of the state contains the following semantic blocks: power, territory, population (people) and the country as a whole. It is established that the main symbols of power amid artifacts are the crown, sword, scepter, orb and trident, and amid the images of fauna – images of a lion, an eagle and a griffin. The territory is symbolized through the image of the administrative and historical division

of the country, images of typical representatives of its flora and fauna. Most frequently, on the coats of arms one can see images of the economically most important or most typical representatives of the country's flora, followed by landscape elements, and only after them the images of the animal world. The symbols associated with the people inhabiting the country of the certain coat of arms include images of specifically national artifacts, objects of material culture. A significant part of the images of the national heraldry symbolizes the concepts and ideals common to the country of the coat of arms as a whole: mythological and folklore images, confessional and astronomical symbols, history and other symbols. National anthems and national heraldry coincide in the history and geography of the country, while the latter is practically lacunary in relation to the emotional and evaluative side of patriotism.

Keywords: symbol, heraldry, state, coat of arms, blazoning, semantic block, power, territory, population, country

For citation: Vorkachev S. G. Verbalizing the symbol : Blazoning in the national heraldry of the post-soviet republics. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 133–139 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-133-139>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Естественный язык – «интерпретант всех семиотических систем» [1: 85], в том числе, естественно, и символических. Попадая в фокус языкового толкования, символ в узком понимании как образ, отправляющий к какой-либо абстракции, приобретает трехуровневую структуру: план содержания имени, номинирующего образ, сам превращается в план выражения чего-то, стоящего за этим образом.

Из всех многочисленных разновидностей символов особый интерес представляют символы, отражающие идею государства, в частности, государственная геральдика. Исследование языкового воплощения государственной символики не сводится к одному лишь описанию вербализации значимых образов, а подразумевает также выявление способов реализации здесь государственной идеи, для установления семантической структуры которой вполне адекватным представляется обращение к данным обыденного сознания, зафиксированного в лексикографии. Блазонированием (от французского *blason* – родовой герб) в геральдике называется толкование гербов и изъяснение присутствующих на них символов [2: 45–50]. В задачи настоящей работы входит выяснение способов, какими в геральдической символике выражается идея государства. В лингвистическом плане блазонирование государственной геральдики, очевидно, представляет собой некий письменный речевой жанр.

Гербы республик бывшего СССР

Распад Советского Союза в конце прошлого века прошел относительно мирно и в результате этого распада на карте мира появились еще 14 относительно независимых республик,

которые немедленно озаботились созданием собственной государственной символики. Государственная геральдика республик постсоветского пространства была создана заново или восстановлена где-то в течение полутора десятков лет с 1990 года (Молдова) по 2004 год (Грузия) и появившиеся национальные гербы были блазонированы – получили описание в официальных документах¹.

Государственная геральдика постсоветских республик в разной степени соответствует классическим канонам составления гербов. Здесь представлена обязательная составная часть герба – щит, и то с определенными оговорками: в белорусском гербе усмотреть щит достаточно трудно. Все прочие, факультативные компоненты герба (корона/навершие, клейнод-нашлемник, мантия, щитодержатели, подножие, девиз, сень, околщитовые украшения) появляются выборочно или не появляются вовсе. Так, корона венчает гербы Украины и Грузии, на гербе Латвии её заменяют три звезды, она помещена в центр герба Таджикистана, поскольку «тадж» по-персидски означает «корона»; щитодержатели появляются на гербах Армении (лев и орел), Грузии (два льва), Латвии (лев и грифон), Молдовы (орел) и Украины (казак с мушкетом и лев); девиз – на гербах Грузии и Украины. На гербах Киргизии, Узбекистана и Казахстана место девиза занимает самоназвание страны. В качестве околщитовых украшений используется лента расцветки государственного флага, колосья пшеницы, ветви дуба, оливковая ветвь, гроздь калины, разорванная цепь, меч, крест, скипетр и книга. Клейноды, мантия, намет, сень в государственной геральдике постсоветских стран отсутствуют.

Основа герба – щит у всех среднеазиатских республик круглый, восточный; щит четырехугольный заостренный книзу (франко-

¹В качестве материала исследования использовалось описание национальной геральдики на сайтах: Гербы стран мира. Фото всех гербов мира – <http://www.world-globe.ru/countries/arms/>; Википедия – <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

английский) – у Армении, Грузии, Молдовы и Украины; прямоугольный закругленный внизу (испанский) – у Армении, Латвии и Литвы; щит фигурный (немецкий) – у Эстонии. Щит России – прямоугольный с острием внизу. Наиболее близким к классическим образцам представляется герб Латвии, где присутствуют основные традиционные геральдические атрибуты: корона, щитодержатели, околорубовые украшения, деление щита.

Идея государства в лексикографии

Герб – это, прежде всего, опознавательный знак государства, а с государством у русского человека исторически отношения весьма сложные, неоднозначные и менее всего напоминающие любовь. В русской культуре родина, на которую направлена патриотическая любовь, жестко отделяется от государства, более того, родная страна разделяется на родину этническую – колыбель народа, культурную среду его обитания и родину гражданскую, с которой отождествляется государство [3: 44].

Лексикография советского периода слову «государство» дает однозначно классовое толкование: *Орган классового господства* [4, т. 3: 338], лексикография постсоветского периода дает уже паллиативное толкование этому слову: *Политическая форма организации общества, осуществляющая управление обществом, охрану его экономической и социальной структуры* [5: 223]. Как можно видеть, при любом понимании государства его основной характеристикой выступает способность осуществлять властные полномочия – управление обществом, т. е. государство – это, прежде всего, власть. По данным синонимических словарей, «ближайшим семантическим соседом» «государства» является «страна» [6, т. 1: 250], более того, «страна» выступает как гипероним «государства»: она включает государство в себя в качестве составляющей части [6, т. 1: 250]. По сути, государство неотделимо от страны – нет ведь виртуальных государств, а страна, в свою очередь, неотделима от родины. Тем самым структурная модель идеи патриотизма будет применима к семантике государства с определенными оговорками: здесь останется, безусловно, «предметная часть» – информация о географии и истории страны, несколько трансформируется императивная составляющая – обязательства граждан государства, а эмоциональная составляющая уйдет. Как представляется, можно исходить из того, что семантическая структура государства наиболее адекватно отражается в структуре гражданской родины, естественно, за вычетом эмоциональной составляющей, и тогда здесь выделяются три смысловых блока: власть как возможность и право на-

циональных элит распоряжаться и править, территория, на которой осуществляется управление, и население (народ), населяющее эту территорию как объект управления. Нужно, однако, сразу заметить, что большая часть геральдической символики отправляет к стране в целом – и к элите и к народу: вера, свобода, будущее, единство, защита и пр.

Власть

Из числа артефактов основным и наиболее частотным символом власти, конечно, выступает корона (венец), присутствующая на гербах Грузии (*На щите на гербе Грузии находится королевская корона Грузии*), России (*Имперская корона, расположенная на голове орла, означает единство*), Таджикистана (*Корона в центре герба Таджикистана такая же, как и та, что изображена на флаге Таджикистана*) и Украины (*Над щитом – княжеский венец*). Корона, безусловно, самый яркий из символов, воплощающих идею власти, – «символ верховной власти» [7: 148]. Следом за короной по значимости и частотности идет меч – *Под щитом на гербе Армении расположено пять элементов: меч (обозначающий власть и силу); Герб состоит из красного щита, на котором изображен рыцарь в доспехах, держащий меч над головой и щит, верхом на лошади* (Литва). Оружие воина, меч «символизирует силу, защиту, власть, королевское достоинство, лидерство, правосудие» [7: 203]. С такой же частотой в национальной геральдике постсоветских стран встречается скипетр: *Герб Молдовы представлен орлом, держащим в клюве крест, а также скипетр в одной когте, и оливковую ветвь в другом; В одной лапе орел держит державу (золотой шар), в другой – скипетр* (Россия). Скипетр «означает божественную или царскую власть, суверенность, полномочия... Атрибут богов Неба, монархов и магов» [7: 304]. Держава (золотой шар), присутствующая на гербе России, символизирует суверенную власть, она «означает мир, вечность, самодовлеющую власть над вселенной, силу и императорское достоинство» [7: 387]. На гербе Украины расположен трезубец: *Герб Украины представлен щитом синего цвета с золотой каймой, на котором изображен трезубец золотого цвета*. Гарпун с тремя остриями – это «эмблема всех водных богов, силы и плодородия вод» [7: 331] и «символ принадлежности к водной стихии, атрибут Посейдона – греческого повелителя морей» [8: 463; 9: 270]. Украина явно не подходит на роль владычицы морей, и морская символика на её гербе вряд ли уместна. Существует более двухсот версий происхождения *тризуба*, однако наиболее правдоподобным представ-

ляется изображение стилизованного сокола, падающего на добычу.

В функции «властных символов» на гербах постсоветских республик регулярно появляются образы «царственной фауны». Лев – «эмблема правителей» [10: 47] присутствует на гербах Армении, Латвии, Украины и Эстонии: *Герб Армении состоит из орла и льва, держащих щит; Герб Грузии представлен двумя ярыми львами; Герб Латвии представляет собой щит испанской геральдической формы, разделенный на три части, поддерживаемый двумя щитодержателями: львом и грифоном; Слева – коронованный лев (Украина); Герб Эстонии представляет собой золотой щит, на котором изображено три синих льва. Лев для стран Балтии – отнюдь не эндемическое животное, на гербах Латвии и Эстонии его образ исключительно символичен. Изображение «царственной птицы» – орла запечатлено на гербах России, Армении и Молдовы: Герб представлен двуглавым орлом, изображенным на щите красного цвета (Россия); Герб Армении состоит из орла и льва, держащих щит, который разделен на пять частей; Герб Молдовы представлен орлом, держащим в клюве крест. И, наконец, к геральдическим символам власти можно отнести образ грифона – полульва-полуорла, присутствующий на гербе Латвии.*

Территория

Подвластная территория в национальной геральдике постсоветских стран символизируется через изображение контура страны герба на земном шаре, административного и исторического деления страны, образов типичных представителей её флоры и фауны, которые часто одновременно отсылают к физическим, психическим и моральным качествам обитателей этой страны.

Чаще всего на гербах появляются изображения экономически наиболее важных или наиболее типичных представителей растительного мира страны. Это, прежде всего, пшеничный колос: *Герб обрамлен венком из золотых колосьев (Беларусь); Пшеничные колосья представляют богатство страны (Таджикистан).* Колосья пшеницы символизируют основной продукт питания – хлеб и, тем самым, достаток, изобилие, богатство и плодородие, а также переход к земледелию и оседлой жизни в странах бывших кочевников. Сразу за пшеничными колосьями идут ветви дуба – «символа долговечности и бессмертия» [9: 78] (Азербайджан, Латвия, Эстония). Вслед за дубом идет хлопчатник – главное сельскохозяйственное богатство Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. По одному разу на гербах постсоветских стран

появляются калина и олива: *Герб Молдовы представлен орлом, держащим в клюве крест, а также скипетр в одном когте, и оливковую ветвь в другом; Под щитом – переплетенные с гроздьё калины колосья пшеницы (Украина).*

Следом за флорой на гербах постсоветских стран идут элементы ландшафта: горы, реки, озера, долины и пр. Символическое изображение горы присутствует на гербах Армении (*В центре щита – гора Арарат, которая символизирует армянскую нацию*), Киргизии (*На заднем плане расположены озеро, отроги гор Ала-Тоо*), Таджикистана (*Герб Таджикистана изображает горы Памир*) и Узбекистана (*Государственный герб Республики Узбекистан представляет собой изображение восходящего солнца над горами...*). Реки присутствуют на гербе Узбекистана (*Позади Хумо изображены реки Амударья и Сырдарья*), озеро – на гербе Киргизии (*Также изображена жемчужина Кыргызстана – озеро Иссык-Куль*), «цветущая долина» изображена на гербе Узбекистана.

Образы животного мира в национальной геральдике постсоветских стран представлены значительно беднее, чем образы мира растительного: присутствуют здесь конь (Туркменистан), сокол (Киргизия) и достаточно неопределенное крупное парнокопытное на гербе Молдавии – то ли бык, то ли тур, то ли зубр, то ли бизон. Конь на гербе Туркменистана – не конь вообще, а конкретное животное с собственным именем: *В голубом круге изображён конь ахалтекинской породы. В 2000 г. было определено, что это Янардаг – конь первого Президента независимой и нейтральной Туркмении Сапармурата Туркменбаши, представитель классического образца ахалтекинской породы.* В символическом плане конь – это «символ силы, быстроты и неутомимости, бесстрашия и воинской славы» [8: 234]. Белый кречет (ак-шумкар) на гербе Киргизии не только и не столько знак власти. Это, прежде всего, представитель эндемической фауны страны, очень редкая птица, самая редкая из соколов, находящаяся под угрозой исчезновения, он является символом Кыргызстана: символизирует свободу страны, а также чистоту и благородство помыслов. Представитель фауны изображен на гербе Молдавии: *На щите изображена голова быка желтого цвета; В центре щита изображена голова зубра; Традиционные символы Молдовы в золотом цвете – голова тура, звезда, цветок и луна.* В описании герба Молдовы на румынском языке это животное называется «быком» (bour) и предлагается не путать его с бизоном (zimbru): *Două greșeli frecvente (inclusiv în vechime) privesc aceste*

elemente: capul de bour este luat drept un cap de zimbriu – Две распространенные ошибки (в том числе в древности): голова быка принимается за голову бизона. В описании герба Молдовы утверждается, что Голова тура символизирует самобытность, труд, усердие и силу. И, наконец, на нескольких гербах символически отражены границы и административное деление страны: В центре герба изображены лучи солнца, поверх которых находится контур Белоруссии, парящий над земным шаром, на котором изображена часть Евразии (Белоруссия); Звезды, венчающие герб, ассоциируются с ключевыми культурно-географическими общностями государства (Латвия); Три выступа на короне символизируют административное деление страны на три региона – Хатлон, Зарафшон, Бадахшон (Таджикистан).

Население/народ

К символике, связанной с народом, населяющим страну герба, относятся образы специфически национальных артефактов-предметов материальной культуры, а также предметов, характеризующих психологические качества народа.

На гербе Казахстана это шанырак и уык, части традиционного жилища казахов – юрты: *Герб Казахстана представлен шаныраком (верхняя сводчатая часть юрты), расположенным в центре. Шанырак является символом благополучия семьи, мира и спокойствия. Образ шанырака – верхней сводчатой куполообразной части юрты – в государственном гербе республики – это образ общего дома всех людей, проживающих в Казахстане. Счастье в нём зависит от благополучия каждого, как прочность шанырака зависит от надёжности его уыков (опор). На гербе Киргизии можно разглядеть традиционный головной убор киргизов – калпак: Вершины гор, освещённые солнцем, похожи на кыргызский национальный головной убор «калпак». На гербе Туркменистана изображены пять типов традиционных ковровых узоров – гёлей, соотносимых с основными туркменскими этносами: На кольцевой полосе красного круга размером в 2 диаметра голубого круга изображены по ходу часовой стрелки пять основных ковровых гёлей: ахалтеке, салыр, эрсары, човдур, йомут, которые символизируют дружбу и сплочённость туркменского народа. Основание герба Таджикистана образовано раскрытой книгой, что, очевидно, должно символизировать стремление таджикского народа к знанию.*

Страна

Значительную (если не большую) часть образов национальной геральдики постсоветских стран символизируют понятия и идеалы, общие для страны герба в целом. Это мифологические и фольклорные образы, профессиональная и астрономическая символика, истории и другие символы.

Так, ключевой геральдический элемент герба Казахстана составляют изображения двух мифических крылатых коней – тулпаров: На гербе изображён Тулпар – мифический конь с крыльями. И сами кони, и их «окрыленность» несут значительную символическую нагрузку: Образ коня с незапамятных времен олицетворяет такие понятия, как храбрость, верность и силу. Крылья символизируют многовековую мечту многонационального народа Казахстана о построении сильного и процветающего государства. Опять же ключевым геральдическим элементом герба Узбекистана выступает мифическая птица Хумо (узб. Нито qushi/Хумо куши), которая считается птицей счастья, свободолюбия и доброты. Что касается герба Армении, то в его центре гора Арарат, которая символизирует армянскую нацию, на вершине горы Арарат изображён Ноев ковчег, что соотносится с библейской легендой (ковчег после потопа остановился именно на этой горе). Ещё один мифический образ – рог изобилия представлен на гербе Казахстана: Крылатый конь с рогом изобилия является важным типологическим образом, который имеет глубокие семантические и исторические корни.

В геральдике доброй половины постсоветских стран представлена религиозная символика, христианская и мусульманская. Крест присутствует на гербах Литвы и Молдовы: В левой руке всадник держит лазоревый щит с золотым двойным крестом (Литва); Герб Молдовы представлен орлом, держащим в клюве крест. Змееборец – Святой Георгий представлен на гербах России и Грузии: На груди орла, в красном щите, – серебряный всадник в синем плаще на серебряном коне, поражающий серебряным копьем чёрного, опрокинутого навзничь и попранного конём дракона (Россия); Герб Грузии представляет собой щит красного цвета с изображением серебряной фигуры покровителя Грузии Святого Георгия на коне, поражающего змея копьем. Мусульманский символ – восьмиконечная звезда руб аль-хизб – изображен на гербах Туркменистана, Узбекистана и Азербайджана. И, наконец, на гербе Азербайджана языками пламени арабскими буквами написано имя Аллаха: Огонь в центре герба изображен в виде слова «Аллах», написанного старым алфавитом.

Почётное место в национальной геральдике постсоветских стран занимают образы небесных тел. Солнце – «король неба» [11: 606], символ «высшей космической силы» [7: 310] и «созидательной энергии» [10: 180] присутствует на гербах пяти из 14 республик: *Государственный герб Республики Узбекистан представляет собой изображение золотистого восходящего солнца; Солнце, поднимающееся из-за гор, является знаком наступления новой жизни и света* (Таджикистан); *Золотое солнце на небесном фоне означает государство* (Латвия). Изображение звезды встречается на гербах семи постсоветских республик: пятиконечная – на гербах Белоруссии (*Вверху герба Белоруссии расположена красная пятиконечная звезда*), Казахстана (*Еще одна деталь в государственном гербе республики – пятиконечная звезда. Данный символ используется человечеством с давних времен и олицетворяет постоянное стремление людей к свету истины, ко всему возвышенному и вечному*) и Таджикистана, восьмиконечная – на гербах Узбекистана (*Вверху герба изображена восьмиконечная звезда руб аль-хизб*), Туркменистана (*Образованная из двух квадратов восьмиугольная звезда символизирует изобилие, мир и спокойствие*), Молдовы (*В центре щита изображена голова тура, между рогами которого расположена восьмилучевая звезда*) и Азербайджана (*Восьмиконечная звезда в центре щита является символом солнца*). На гербах постсоветских республик можно видеть полумесяц: *В верхней части – полумесяц с пятью пятиконечными звёздами белого цвета. Полумесяц означает надежду туркмен на светлое будущее* (Туркменистан).

Относительно редко в национальной геральдике постсоветских стран символизируются исторические события. Так, львы на гербе Эстонии символизируют подвиги прошлых лет и готовность их совершать сегодня: *Герб Эстонии представляет собой золотой щит, на котором изображено три синих льва, и который окружен дубовыми ветками. Первый из трех львов символизирует храбрость в борьбе за свободу в прошлые времена, второй – храбрость во время восстания в Хартуммаа, а третий – храбрость в борьбе за свободу в целом. Деление гербового щита Армении на четыре секции отправляет к четырем историческим царствам, щитодержатель украинского герба – казак с мушкетом ассоциируется с Войском Запорожским.*

На гербах постсоветских стран присутствуют также отдельные символические образы: цепь, ветвь, круг, снопок/пучок колосьев. На гербе Армении присутствует *разорванная цепь, (обозначающая свободу)*. Символиче-

ское значение приписывается также образу круга на гербах Казахстана и Киргизии: *Круглая форма герба обозначает жизнь и вечность* (Казахстан); *Государственный герб Киргизской Республики представляет собой форму круга, в котором условным языком символов выражены менталитет, особенности природы, культуры и хозяйствования киргизского народа.*

Сопоставление национальной геральдики постсоветских республик с их национальной гимнодией свидетельствует о явной асимметрии вербальных и образных способов выражения патриотической идеи [12]. Так, национальная гимнодия ориентирована скорее на понимание родины как географической, этнической, культурной и языковой среды народа, тогда как национальная геральдика символически воспроизводит скорее родину гражданскую – государство с его властными атрибутами и функциями.

Заключение

Герб – это, в первую очередь, опознавательный знак государства, а при любом понимании государства его основной характеристикой выступает способность осуществлять властные полномочия. Структурная модель идеи патриотизма может быть экстраполирована на семантику государства с определенными оговорками: здесь останется, безусловно, «предметная часть» – информация о географии и истории страны, несколько трансформируется императивная составляющая – обязательства граждан государства, а эмоциональная составляющая уходит.

В семантике государства выделяются три смысловых блока: власть как возможность и право национальных элит распоряжаться и править, территория, на которой осуществляется управление, и население (народ), населяющее эту территорию как объект управления. Однако большая часть геральдической символики отправляет к стране в целом – и к элите и к народу.

Из числа артефактов основным и наиболее частотным символом власти выступает корона (венеч), следом за которой по значимости и частотности идет меч. В государственной геральдике постсоветских стран встречаются также скипетр, держава и трезубец. В функции «властных символов» на гербах постсоветских республик регулярно появляются образы «царственной фауны» – изображения льва, орла и их фантастического гибрида – грифона.

Подвластная территория в национальной геральдике постсоветских стран символизируется через изображение контура страны герба на земном шаре, административного и исторического деления страны, образов типичных

представителей её флоры и фауны, которые часто одновременно отсылают к физическим, психическим и моральным качествам обитателей этой страны. Чаще всего на гербах появляются изображения экономически наиболее важных или наиболее типичных представителей растительного мира страны: пшеничный колос, ветви дуба, хлопчатник. Следом за флорой на гербах постсоветских стран идут элементы ландшафта: горы, реки, озера, долины и пр. Образы животного мира в национальной геральдике постсоветских стран представлены значительно беднее, чем образы мира растительного, присутствуют здесь конь, сокол и достаточно неопределенное крупное парнокопытное на гербе Молдавии. К символике, связанной с народом, населяющим страну герба, относятся образы специфически национальных артефактов-предметов материальной культуры.

Значительную часть образов национальной геральдики постсоветских стран символизируют понятия и идеалы, общие для страны герба в целом: мифологические и фольклорные образы, конфессиональная символика, астрономическая, цветовая и числовая символы, история и другие символы.

Государственная гимнодия и государственная геральдика практически полностью совпадают в области «хронотопа» своей страны – её истории и географии, в то время как последняя практически лакуарна в отношении эмоционально-оценочной стороны патриотизма – любви к родине, а образы, связанные с патриотическими императивами – защитой своей страны в достаточной мере неопределенны: оружие и боевые доспехи представляются в первую очередь символами власти и завоевания, а уж только потом означают защиту страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
2. Похлебкин В. В. Словарь международной символики и эмблематики. М.: Международные отношения, 2001. 560 с.
3. Воркачев С. Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре. Волгоград: Парадигма, 2008. 200 с.
4. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: АН СССР, 1951–1965.
5. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
6. Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. М.: Астрель-АСТ, 2001.
7. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой век», 1995. 401 с.
8. Куклев В. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Миф; Локид, 1999. 490 с.
9. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 335 с.
10. Баешко Л. С., Гордиенко А. Н., Гордиенко А. Н. Энциклопедия символов. М.: Эксмо, 2007. 304 с.
11. Егзаров А. Иллюстрированная энциклопедия символов. М.: Астрель-АСТ, 2003. 723 с.
12. Воркачев С. Г. Национальный гимн как жанр патриотического дискурса // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 36–43. <https://www.doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-36-43>

blems]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2001. 560 p. (in Russian).

3. Vorkachev S. G. *Ideia patriotizma v russkoi lingvokulture* [The idea of patriotism in Russian language and culture]. Volgograd, Paradigma Publ., 2008. 200 p. (in Russian).

4. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1951–1965. (in Russian).

5. Kuznetsov S. A. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998. 1536 p. (in Russian).

6. Evgen'eva A. P. *Slovar' sinonimov russkogo iazyka: v 2 t.* [Dictionary of synonyms of the Russian language: in 2 vols.]. Moscow, Astrel'-AST Publ., 2001. (in Russian).

7. Kuper Dzh. *Entsiklopediia simvolov* [Encyclopedia of symbols]. Moscow, Assotsiatsiya Dukhovnogo Edineniya "Zolotoi vek" Publ., 1995. 401 p. (in Russian).

8. Kuklev V. *Entsiklopediia simvolov, znakov, emblem* [Encyclopedia of symbols, signs, emblems]. Moscow, Mif, Lokid Publ., 1999. 490 p. (in Russian).

9. Bidermann G. *Entsiklopediia simvolov* [Encyclopedia of symbols]. Moscow, Respublika Publ., 1996. 335 p. (in Russian).

10. Baeshko L. S., Gordienko A. N., Gordienko A. N. *Entsiklopediia simvolov* [Encyclopedia of symbols]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 304 p. (in Russian).

11. Egazarov A. *Illustrirovannaiia entsiklopediia simvolov* [Illustrated Encyclopedia of Symbols]. Moscow, Astrel'-AST Publ., 2003. 723 p. (in Russian).

12. Vorkachev S. G. National anthem as a genre of patriotic discourse. *Speech Genres*, 2020, no. 1 (25), pp. 36–43 (in Russian). <https://www.doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-36-43>

REFERENCES

1. Benvenist E. *Obshchaia lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974. 447 p. (in Russian).
2. Pokhlebin V. V. *Slovar' mezhdunarodnoi simvoliki i emblematiki* [Dictionary of international symbols and em-

Поступила в редакцию 22.04.2021; одобрена после рецензирования 14.06.2021; принята к публикации 23.06.2021
The article was submitted 22.04.2021; approved after reviewing 14.06.2021; accepted for publication 23.06.2021

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 140–145

Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 140–145

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-140-145>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-94+929Толстой

Диалоговая основа дневника Л. Н. Толстого

Г. В. Токарев

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Россия, 300026, г. Тула, просп. Ленина, д. 125

Токарев Григорий Валериевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Аннотация. В статье верифицирована гипотеза о том, что дневник Л. Н. Толстого имеет форму скрытого диалога пишущего с различными субъектами: с самим собой, с третьими лицами, с Богом. Диалог осмыслен как форма развития индивида. Определено, что дневник Л. Н. Толстого представляет собой программу самосовершенствования, которая осуществлялась путём целеполагания и самооценки. В традиционном восприятии дневникового жанра записи толкуются как форма автокоммуникации, осуществляемой в целях самоидентификации личности. Выявлено, что форма диалога с самим собой в некоторых случаях доходит до фазы номинативного расщепления личности. Пишущий определяет себя как третье лицо: Толстой, Лев Николаевич и др. Диалог с самим собой заключается в оценивании своих действий, порицании, поучении, целеполагании, является одной из форм саморазвития.

Установлено, что Толстой рассматривал дневник и как форму коммуникации с третьими лицами, читателями своих записей. Дневниковые записи этого вида направлены на моделирование поведения читателей дневника.

Ещё одним видом коммуникации выступает диалог с Богом. Толстой записывает множество молитв, обращений к Богу, думает о Боге, размышляет вместе с ним. Он уходит от идиоматичного текста молитвы. Общение с Богом становится интимным, содержащим просьбу о помощи в нравственном самосовершенствовании. Семантической доминантой молитвы является добро, польза для других. Толстой исключает из молитвы то, с чем обычно обращаются люди к Богу – конкретные просьбы о материальных благах.

Дневник Л. Н. Толстого представляет собой неоднородное жанровое образование, что обусловлено целями записей. Пишущий расширяет функции дневника. Эта особенность определяет выбор коммуникативных тактик, стилистику дневника. Дневник Толстого представляет собой полижанровое образование, включающее в себя такие субжанры, как хроника, объяснение, молитва, рассуждение, упрек, обвинение и др.

Ключевые слова: коммуникация, диалог, автокоммуникация, жанр, дневник, Толстой, самоидентификация

Для цитирования: Токарев Г. В. Диалоговая основа дневника Л. Н. Толстого // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 140–145. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-140-145>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Dialogue basis of Leo Tolstoy's diary

G. V. Tokarev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenina Ave., 300026 Tula, Russia

Grigoriy V. Tokarev, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Abstract. The article verifies the hypothesis that Leo Tolstoy's diary has the form of a hidden dialogue of the writer with various subjects: with himself, with third parties, with God. Dialogue is understood as a form of individual development. The article determines that Leo Tolstoy's diary represents a program of self-improvement,

which is achieved through goal-setting and self-assessment. In the traditional perception of the diary genre, entries are interpreted as a form of autocommunication, carried out for the purpose of self-identification of the individual. The paper reveals that the form of the dialogue with oneself in some cases reaches the phase of the nominative multiple personality disorder. The writer defines himself as a third person: Tolstoy, Lev Nikolaevich, etc. The dialogue with oneself consists in evaluating one's own actions, dispraising, moralizing, and goal-setting, and is one of the forms of self-development.

The article establishes that Tolstoy looks upon the diary as a form of communication with third parties – readers of his notes. Diary entries of this type are aimed at modeling the diary readers' behavior.

One more type of communication is a dialogue with God. Tolstoy writes down many prayers, appeals to God, thinks about God, reflects with Him. He moves away from the idiomatic text of the prayer. Communication with God becomes intimate, containing a request for help in moral self-improvement. The semantic dominant of prayer is the good, benefit for others. Tolstoy excludes from prayers specific requests for material goods, i.e. common requests which people turn to God with.

Leo Tolstoy's diary is a heterogeneous genre formation, that is determined by the goals of the entries. The writer extends the functions of the diary. This feature determines the choice of communication tactics, the style of the diary. Tolstoy's diary is a multi-genre formation that includes such sub-genres as a chronicle, explanation, a prayer, reasoning, reproach, accusation, etc.

Keywords: communication, dialogue, autocommunication, genre, diary, Tolstoy, self-identification

For citation: Tokarev G. V. Dialogue basis of Leo Tolstoy's diary. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 140–145 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-140-145>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Конец XX – начало XXI века в филологии ознаменовались изучением полидисциплинарных объектов: *концепт, дискурс, текст* и др. Среди феноменов этого ряда особое место занимает *коммуникация*. Ю. М. Лотман выделял два вида данного процесса: субъектно-объектный и субъектно-субъектный (автокоммуникацию) [1: 172]. Второй вид исследователь определял следующим образом: «Это все случаи, когда человек обращается к самому себе, в частности, те дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определённых сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение которого без записи не происходит» [1: 164]. Одним из видов автокоммуникации является дневник. В современных исследованиях он трактуется как в широком (сюда включают заметки, черновики, альбомные записи), так и в узком (упорядоченные хронологически, датированные записи [2]) аспектах. Данный письменный жанр в лингвистике определяют неоднозначно: как «эго-текст» [2], «мнемоническое повествование» [3], «наивную литературу» [4] и др., подчёркивая тем самым разные аспекты исследования этого феномена. Он отражает внутреннюю жизнь человека, то, что скрыто от взора третьих лиц – мысли и чувства, переживание событий, мечты. Дневник сформировался как артефакт элитарной субкультуры, поскольку, во-первых, записывать свои мысли могли грамотные люди, во-вторых, образованная часть общества располагала временем на записи. При этом не каждый человек указанного социального слоя вёл дневник. Безусловно, на тради-

цию делать записи могли оказывать влияние идеологемы. Отдельные парадигмы культуры, например сентиментализм, романтизм, культивировали развитие данной формы общения. Ведение дневника, с одной стороны, обусловлено внутренними качествами человека, например, склонностью к рефлексии, самоанализу, с другой – воспитывают их. Данное занятие требует от личности определённой дисциплины.

В сокровищнице духовного наследия Л. Н. Толстого особое место занимает дневник. Писатель начал вести его с девятнадцатилетнего возраста, делал записи на протяжении всей жизни, в течение 63 лет. В полном собрании сочинений Л. Н. Толстого дневник занимает 13 томов.

Дневник Толстого представляет собой эволюцию взглядов этой выдающейся личности. Он выступает в роли самого точного биографа. Личность Толстого нередко характеризуют как рефлексирующую, фрустрирующую, справедливую чего подтверждают дневниковые записи.

Дневник мы определяем как письменный жанр личностного дискурса, отражающий представления и чувства пишущего в хронологическом порядке. Дневник является неоднородным жанром. Это объясняется разнообразностью его содержания, что зависит от целей записей. Условно в содержательном аспекте дневники можно представить тремя видами: 1) фиксирующие фактологическую информацию, 2) отражающие мысли и чувства, 3) имеющие смешанный характер. В дневниках первого вида особое внимание уделено событию, его субъектам, времени и месту

осуществления. Дневники второго вида отражают духовное и интеллектуальное развитие человека, генезис его мировоззрения. Дневник Л. Н. Толстого относится к смешанному типу, поскольку в нём представлены оба типа контентов. Дневниковые записи имеют интеллектуально-аналитический и нравственно-эвристический характер. Применяя комплексный подход к анализу содержания дневника, мы предлагаем выделять в нём три типа текста. Во-первых, весь текст в целом. Для определения данного объекта важен фактор авторства дневника. Так, мы говорим о дневнике Л. Н. Толстого. Во-вторых, фрагмент дневника, объединённый по хронологическому принципу. Так, в дневнике Льва Николаевича можно выделить записи холостяцкого периода, первых лет после женитьбы и др. В-третьих, отдельную дневниковую запись, которая может соотноситься с различными типами речи, способами концептуализации знания. Дневниковую запись можно соотнести с различными субжанрами: фиксацией событий, оценкой чего-либо, планированием, саморефлексией, рассуждением, гибридными жанрами и др. Л. Н. Толстой вёл дневник неравномерно. В отдельные периоды прослеживается предрасположенность к тем или иным субжанрам. Так, в дневнике 1858-го года в основном фиксируются факты, в дневниках 1900-х годов более представлены рассуждения.

Основным приёмом данного исследования является семантико-прагматический комментарий дневниковых записей. Настоящее исследование построено на верификации гипотезы, что дневник Л. Н. Толстого имеет форму скрытого диалога пишущего с различными субъектами: с самим собой, с третьими лицами, с Богом. Как убедительно доказал Ю. М. Лотман, диалог является формой развития культуры [1: 176]. Мы полагаем, что этот вывод можно экстраполировать и на отдельную личность: диалог является формой развития индивида. Дневник Л. Н. Толстого представляет собой программу самосовершенствования, которая осуществлялась путём целеполагания и жёсткой самооценки. Даже в последние годы жизни Лев Николаевич не отказывался от требования сделать себя лучше. Эта нравственная работа осуществлялась с опорой на принцип диалога.

В традиционном восприятии дневникового жанра заметки толкуются как диалог с самим собой, как форма автокоммуникации. 7 июля 1854 года, в двадцатилетнем возрасте, Толстой делает интересную запись: «Что я такое? ... Один из 4-х сыновей отставного Подполковника, оставшийся с семилетнего возраста без родителей под опекой женщин и посторонних, не получивший ни светского,

ни учёного образования и вышедший на волю 17 лет, без большого состояния, без всякого общественного положения и, главное, без правил; человек, расстроивший свои дела до последней крайности, без цели и наслаждения проведший лучшие годы своей жизни, наконец изгнавший себя на Кавказ, чтобы бежать от долгов и, главное, от привычек...» [5, т. 47: 8–9]. Коммуникативная задача данной записи заключается в самоидентификации личности. М. А. Лаппо справедливо отмечает: «Дневник – жанр, наиболее приспособленный, как будто созданный именно для самоидентификации, то есть это такой текст, который, в отличие от всех других эго-документов, может существовать только для автора» [6: 245]. Процесс самоидентификации у Л. Н. Толстого связан с процедурами самооценки. «Я дурён собой, неловок, необразован и светски нечистоплотен. – Я раздражителен, скучен для других, нескромен, нетерпим ... и стыдлив, как ребёнок. – Я почти невежда. ... – Я не воздержен, нерешителен, непостоянен, глупотщеславен и пылок, как все бесхарактерные люди. Я не храбр. Я неаккуратен в жизни и так ленив, что праздность сделалась для меня почти неодолимой привычкой. – Я умён, но ум мой ещё никогда ни на чём не был основательно испытан. У меня нет ни ума практического, ни ума светского, ни ума делового. – Я честен, т. е. я люблю добро... Да, я не скромнен; оттого то я горд в самом себе, а стыдлив и робок в свете» [5, т. 46: 8–9]. «Удивительно, как я гадок и как вовсе несчастлив и сам себе противен» [5, т. 47: 48]. Для самохарактеристики Толстой использует сниженную лексику: *скотина* [5, т. 47: 105], *свинья* [5, т. 47: 144], *дрянь* [5, т. 47: 148]. Себя писатель определяет как человека развратного, лживого, тщеславного, трусливого. «Я имел несколько раз женщин, лгал, тщеславился и, что всего ужаснее, под огнём вел себя не так, как надеялся от самого себя» [5, т. 47: 4]. Как видим из приведённых записей, пишущий использует преимущественно пейоративную оценочную лексику, для самохарактеристики прибегает к грубопросторечным, инвективным словам. Отрицательная самоидентификационная коммуникативная стратегия свойственна всем жизненным этапам Толстого. Степень экспрессии с возрастом, безусловно, понижается. Пишущий пытается определить главные свои недостатки. «1) Неосновательность (под этим я разумею: нерешительность, непостоянство и непоследовательность. 2) Неприятный тяжёлый характер, раздражительность, излишнее самолюбие, тщеславие. 3) Привычка к праздности. Буду стараться постоянно наблюдать за этими 3 основными пороками...» [5, т. 47,

с. 6]. «Главный мой недостаток состоит в недостатке терпимости к себе и другим» [5, т. 47: 7] «Скромности у меня нет. Вот мой большой недостаток» [5, т. 47: 8]. «Я неисправимо мелочен и завистлив...» [5, т. 47: 16]. «...мой главный порок – робость. Надо дерзнуть». [5, т. 47: 156]. Оценочные тактики воплощаются в программу самосовершенствования личности, которая проявляется как в формулировании общих целей: «Надо делать мне 3 вещи: 1) образовывать себя, 2) работать в поэзии, 3) делать добро» [5, т. 47: 123], так и фокусировании внимания на частностях, например, на описании распорядка дня: «От 10 до 11 читать, до 12 ходить, до 2 писа(ть), 2–4 – читать, 4–6 писать, 6–7 читать, 7–10 писать» (2 мая 1858 года) [5, т. 48: 15]. «Тут и надо работать над собой. И немного нужно, чтоб закрепить это счастье. – 1) порядок, 2) деятельность, 3) решительность, 4) постоянство, 5) желание и делание добра всякому» (1 апреля 1861 года) [5, т. 48: 53]. Сформулированные цели проводят Толстой к определению своего жизненного предназначения: «Выбор давно сделан. Литература – искусство, педагогика и семья. Непоследовательность, робость, лень, слабость, вот мои враги» (6 октября 1863 года) [5, т. 48: 57].

Форма диалога с самим собой в некоторых случаях доходит до фазы номинативного расщепления личности. Пишущий определяет себя как третье лицо: Толстой, Лев Николаевич и др. Настоящий Толстой противопоставляет себя писателю, публичному человеку: «Толстой забирает силу надо мной. Да врёт он. Я, Я, только и есть Я, а он, Толстой, мечта и гадкая и глупая» (11 апреля 1909 года) [5, т. 57: 47]. «Помни не о Льве Николаевиче, забывай эти гадости, а помни о Боге. Как поймёшь, кто-кто: Бог – то, благость чего можно только чувствовать, а нельзя и понять, и Лев Николаевич, исполненный не только в прошедшем всяких мерзостей (Шувалов и пр.) – и Он. И ты помнишь о Льве Николаевиче и забываешь о Нём (14 сентября 1909 года) [5, т. 57: 138] «Хорошо молился, живо понимал своё ничтожество и не величие – величие сказать мало, а бесконечность – не гадины Льва Толстого, а существа, создающего себя Божественным» (22 июня 1909 года) [5, т. 57: 88].

Таким образом, диалог с самим собой, заключающийся в оценивании своих действий, порицании, поучении, целеполагании, является одной из форм саморазвития.

Толстой рассматривал дневник и как форму коммуникации с третьими лицами, читателями своих записей. Во-первых, он догадывался, что дневник читают его близкие, в частности же-

на. В дневнике можно найти записи, которые подтверждают данный факт. «... Должен приписать, для неё – она будет читать – для неё я пишу не то, что не правда, но выбирая из многого то, что для себя одного я не стал бы писать» (18 июня 1863 года) [5, т. 48: С. 54].

В записях Толстой объясняет своё отношение к кому- или чему-либо, свои поступки. Дневник оставляет за ним право высказаться, повлиять на своего читателя. Фразы имеют объясняющий характер, в них чётко определяется адресность. Дневниковая запись приобретает форму скрытого диалога. «Кажется, что в этот день я звал жену, и она, с холодной злостью и желанием сделать больно, отказала. Я не спал всю ночь. И ночью собрался уехать, уложился и пошёл разбудить её. Не знаю, что со мной было: желчь, похоть, нравственная измученность, но я страдал ужасно. Она встала, я всё ей высказал, высказал что она перестала быть женой. Помощница мужу? Она уже давно не помогает, а мешает. Мать детей? Она не хочет ей быть. Кормилица? Она не хочет. Подруга ночей. И из этого она делает заманку и игрушку. Ужасно тяжело было, и я чувствовал, что празднично и слабо. Напрасно я не уехал. Кажется, этого не миную. Хотя ужасно жаль детей. Я всё больше и больше люблю и жалею их» (14/26 июля 1883 года) [5, т. 49: 113].

Приведём несколько записей об отношении с детьми. Допускаем, что эти строки написаны не только для того, чтобы выразить свои чувства, но и для того, чтобы изменить эти отношения в расчёте на то, что дети прочтут их. «...С Таней шёл домой и молчал. Тяжело мне было молчание. Так далеко она от меня» (28 марта 1884 года) [5, т. 49: 68]. «...Безнравственная праздность детей раздражает меня. Разумеется, нет другого средства, как своё совершенствование, а его-то мало» (8 июня 1884 года) [5, т. 49: 102] «Серёжа косил. Он невозможен своей самоуверенностью и эгоизмом» (26 июня/8 июля 1884 года) [5, т. 49: 107].

Расчёт пишущего на третьих лиц подтверждает тот факт, что с 29 июля 1910 года Толстой начинает вести дневник для самого себя. Характерно название дневника, подчёркивающее осмысление того, что дневник может быть предназначен другим и только себе. Именно этот дневник Толстой называет настоящим: «Начинаю новый дневник, настоящий дневник для одного себя...» [5, т. 58: 129].

Во-вторых, Толстой понимал, что после его смерти дневник может быть опубликован. Он становится средством формирования общественного мнения о писателе. Это

подтверждает борьба за дневник, возникавшая между близкими Льва Николаевича, которые не желали, чтобы семейные тайны стали известны всем. Объектную направленность подчёркивают записи двадцатилетнего Толстого, открывающие скрытый диалог со своим поколением: «...беспорядочная жизнь, которую большая часть светских людей принимает за следствие молодости, есть ничто иное, как следствие раннего разврата души...» [5, т. 46: 3].

Ещё одним собеседником Л. Н. Толстого в дневнике является Бог: «Я пишу теперь не для себя одного, как прежде, не для нас двух, как недавно, а для него» (5 августа 1863 года) [5, т. 48: 55]. «То, что будут читать этот дневник, портит моё отношение к Нему». (17 января 1909 года) [5, т. 57: 12]. Толстой записывает множество молитв, обращений к Богу, думает о нём, размышляет вместе с ним. Поиск формы самоидентификации выражается в создании Толстым собственных обращений к Богу. Он уходит от идиоматичного текста молитвы. Общение с Богом становится интимным, содержащим просьбу о помощи в нравственном самосовершенствовании. Семантической доминантой молитвы является добро, польза для других. Толстой исключает из молитвы то, с чем обычно обращаются люди к Богу – конкретные просьбы о материальных благах. «...Прошу, внуши мне благие предприятия и мысли, и дай мне счастья и успеха в них. – Помоги мне исправляться от пороков моих; избави меня от болезней, страданий, ссор, долгов и унижений. – Даруй мне в твердой вере и надежде на Тебя, в любви к другим и от других с спокойной совестью и пользой для ближнего жить и умереть. Даруй мне творить добро и избегать зла; но будет со мной добро или зло, да будет пресвятая воля твоя! Даруй мне добра, истинного!» [5, т. 47: 12]. «Боже! Благодарю тебя за Твое постоянное покровительство мне. Как верно ведёшь ты меня к добру. И каким бы я был ничтожным созданием, ежели бы ты оставил меня. Не остави меня, Боже! Напутствуй мне и не для удо-

влетворения моих ничтожных стремлений, а для достижения вечной и великой неведомой, но сознаваемой мной цели бытия» [5, т. 47: 42]. Лев Николаевич подчиняет себя Богу, служение которому он трактует как главное предназначение своей жизни: «Господи, помоги мне быть с тобой, не переставая сознавать только твоим работником». [5, т. 58: 4]

Таким образом, дневник Л. Н. Толстого представляет собой неоднородное жанровое образование, что обусловлено целями записей. Пишущий расширяет функции дневника, рассматривая его не только как диалог с самим собой, но и с другими лицами, с Богом. Дневник отражает переход от автокоммуникации к субъектно-объектной (традиционной) коммуникации. Эта особенность определяет выбор коммуникативных тактик, стилистику дневника. Будучи полижанровым образованием, дневник Толстого включает в себя такие субжанры, как хроника, объяснение, молитва, рассуждение, упрек, обвинение и др. Полижанровость дневника объясняет его полифункциональность: дневник фиксирует мысли и чувства пишущего, выступает средством снятия стресса, планирования жизни и др. На наш взгляд, интегрирует субжанры, включённые в дневник, стратегия самоидентификации личности. И. И. Загидуллина и М. Ю. Михеев отмечают: «Ведение дневника, т. е. текста, обращенного к самому себе, непосредственно связано с проблемой сознания, точнее, самосознания, а эволюция дневника как жанра обусловлена процессом самоопределения человека по векторам «я» и история, «я» и государство, «я» и общество» [7: 142]. Основным назначением дневника для Льва Николаевича является стремление понять и совершенствовать себя. Этот многолетний труд Толстого представляет огромный интерес как для обычного читателя, так и для специалиста. Благодаря внутренней дисциплине, способствующей систематическому ведению дневника, это произведение Толстого отразило историю человеческой жизни в аспекте её повседневности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство – СПб, 2000. 704 с.
2. Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия XIX–XX). М. : Водолей-PUBLISHERS, 2007. 264 с.
3. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М. : Intrada, 1999. 415 с.
4. Арустамова А. А., Виноградова К. В. Дневник К. В. Ивановой : автор и текст // Филологические заметки. 2015. Т. 1, № 13. С. 257–253.

5. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : РГБ, 2006.

6. Лаппо М. А. Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности : дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2018. 515 с.

7. Загидуллина И. И., Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX // Уральский исторический вестник. 2009. № 3 (24). С. 142–144.

REFERENCES

1. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosfera]. Saint Petersburg, Iskusstvo – SPB Publ., 2000. 704 p. (in Russian).

-
2. Mixeev M. Yu. *Dnevnik kak e'go-tekst (Rossiya XIX–XX)* [Diary as ego text (Russia XIX–XX)]. Moscow, Vodoley-PUBLISHERS, 2007. 264 p. (in Russian).
3. Ginzburg L. Ya. *O psixologicheskoy proze* [About psychological prose]. Moscow, Intrada Publ., 1999. 415 p. (in Russian).
4. Arustamova A. A., Vinogradova K. V. Diary of K. V. Ivanova : author and text. *Philological Studies*, 2015, vol. 1, no. 13, pp. 257–253 (in Russian).
5. Tolstoj L. N. *Polnoe sobranie sochinenij : v 90 t.* [Complete Works : in 90 vols.]. Moscow, RGB Publ., 2006. (in Russian).
6. Lappo M. A. *Self-identification discourse of the Russian elitist language personality*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Novosibirsk, 2018. 515 p. (in Russian).
7. Zagidullina I. I., Mixeev M. Yu. Diary as ego text (Russia XIX–XX). *Ural Historical Journal*, 2009, no. 3 (24), pp. 142–144 (in Russian).
-

Поступила в редакцию 21.04.2021; одобрена после рецензирования 08.06.2021; принята к публикации 23.06.2021

The article was submitted 21.04.2021; approved after reviewing 08.06.2021; accepted for publication 23.06.2021

ЖАНРЫ СМИ

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 146–155

Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 146–155

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-146-155>

Научная статья

УДК 81'42+004

Диалогизация дискурса и жанра в медиа

Н. А. Пром

Волгоградский государственный технический университет, Россия, 400005, г. Волгоград,
просп. им. Ленина, д. 28

Пром Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные
языки», natalyprom77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2711-4916>

Аннотация. Статья представляет результаты исследования феномена диалогизации медийных монологических сообщений, имеющих целью интенсифицировать принятие новой информации в картину мира адресата благодаря стимулированию диалога с аудиторией. Выделены два уровня диалогизации – дискурс и жанр. Проведенный анализ медийного контента в рекламном и политическом типе общения, а также дискуссиях и ток-шоу любой тематики позволяет говорить о том, что наиболее эффективным фактором, стимулирующим ответную реакцию адресата, является провокативность демонстрируемого дискурса, обнаруживаемая в обсуждаемой теме, категоричных высказываниях, спорных точках зрения и вызывающем поведении участников. Рассмотрены и показаны на примерах коммуникативные способы диалогизации трех жанровых типов – информирующих, оценочных и побудительных жанров (в соответствии с классификацией Л. Р. Дускаевой). Важными факторами, обуславливающими диалогизацию дискурса и жанра являются интерактивность информационно-коммуникативной системы и конвергенция жанров, продуктом которой являются, например, такие сетевые жанры, как блог и форум, в современном виде зависящие только от творческого потенциала их авторов. Особое внимание уделено диалогизации жанра социальной рекламы, которая не предполагает интерактивность. Вместе с тем реальным объективным показателем ее эффективности является осознание проблемы аудиторией и последующие поступки людей. Представлены два направления диалогизации: с одной стороны, это усиление диалогичности и интерактивности с помощью риторических средств и приемов, апеллирующих к адресату, и, во-вторых, выражение в речи взаимодействия двух или нескольких смысловых позиций, форма репрезентации медиафактов, предполагающая реакцию аудитории.

Ключевые слова: диалогизация, медиадискурс, жанр, конвергенция, интерактивность, автор, адресат, реклама, блог

Для цитирования: Пром Н. А. Диалогизация дискурса и жанра в медиа // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 146–155. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-146-155>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Dialogization of discourse and genre in media

N. A. Prom

Volgograd State Technical University, 28 Lenin Ave., Volgograd 400005, Russia

Natalya A. Prom, natalyprom77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2711-4916>

Abstract. The article studies dialogization of media monologue messages aimed at intensifying the interiorization of new information into the addressee's picture of the world by stimulating a dialogue with the audience. There have been singled out two levels of dialogization—discourse and genre. The analysis of the media content in the advertising and political types of communication, as well as discussions and talk shows on any topic, suggested

that the most effective factor stimulating the recipient's response is the provocativeness of the discourse, found in the topic under discussion, categorical statements, controversial points of view and defiant behavior of the participants. The author analyses communicative ways of dialogization of three genre types—informative, evaluative and incentive genres (according to L. Duskaeva's classification). The study has found that important factors determining the dialogization of discourse and genre are the interactivity of the information and communication system and the convergence of genres, the product of which is, for example, such social network genres as a blog and a forum which in their modern form depend only on the creative potential of their authors. Particular attention is paid to the dialogization of the social advertising genre which does not imply interactivity, but the real objective indicator of its effectiveness is the audience's awareness of the problem and their subsequent actions. The author presents two directions of dialogization: firstly, the strengthening of dialogueness and interactivity with the help of rhetorical means and techniques that appeal to the addressee; secondly, the verbal expression of the interaction of two or more semantic positions, a form of representation of media facts, which presupposes the reaction of the audience.

Keywords: dialogization, media discourse, genre, convergence, interactivity, author, addressee, advertising, blog

For citation: Prom N. A. Dialogization of discourse and genre in media. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 146–155 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-146-155>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Диалогичность как выражение в речи взаимодействия двух или нескольких смысловых позиций представляет собой важную характеристику медиадискурса, которая из имплицитной категории в прошлом веке стала заметной и даже необходимой в современной медийной коммуникации. Задачу нашего исследования мы видим в том, чтобы выявить речевые способы интенсификации интериоризации – принятия новой информации в картину мира адресата – с помощью стимулирования диалога с аудиторией.

Наличие адресата для инициатора коммуникации означает «сознательную направленность речевого высказывания к конкретному или не конкретному лицу, которое может быть определенным образом охарактеризовано» [1: 358], и создает необходимость учитывать многие составляющие статуса адресата (гендерная отнесенность, возраст, культурно-образовательный уровень, профессия) [2: 41]. В этой связи в медиасоциологии сформировались три основных парадигмы, в которых рассматривается взаимодействие адресанта и адресата.

Медиацентристская парадигма рассматривает адресата как однозначно объект воздействия СМИ, а эффективность коммуникации как результат риторического воздействия по социальному заказу. Данная концепция основывается на положении о неограниченном воздействии медиа на аудиторию [3–6 и др.] и разрабатывает линейную модель коммуникации, включающую ряд этапов: кто говорит – что говорит – по какому каналу – кому – с каким эффектом [3]. Развитие технологий медиапроизводства и возрастающие технические возможности воздействия медиа на человеческую психику создали условия для расширения

круга ученых, придерживающихся медиацентристской парадигмы, а также клиентов, заинтересованных в разработках в данной области.

Несмотря на доминирование мнения о безграничной власти СМИ, исследователи обнаружили, что эффекты медиа оказывались разовыми и противоречивыми [7]. Так, психологическая человеко-ориентированная парадигма позиционирует реципиента медиадискурса как фактор, обуславливающий коммуникацию, а ее цель – удовлетворение его потребностей и интересов [8–10 и др.]. По мнению сторонников данного подхода, люди выборочно воспринимают поступающую информацию, отбирая ту, которая совпадает с их мнением [11: 27].

Концепция диалогического общения как компромиссный вариант крайних подходов представляется наиболее продуктивной. Данная концепция требует рассматривать адресанта и адресата равноправными участниками массовой коммуникации [12–16], поскольку прогресс общества, развитие нового качества сознания людей требуют создания диалога, основанного на взаимопонимании и партнерстве. В этой связи нас интересует не отдельные говорящий/пишущий и слушатель/читатель сообщения, т. е. изолированные продуктивные и рецептивные процессы, а «слушатель как отвечающий» [17: 72], адресат-ретранслятор, который осмысливает коммуникативный процесс со своей точки зрения и определяет его дальнейший ход. Взаимная заинтересованность участников в успехе любой коммуникации способствует распределению ответственности [18: 85]. Данная установка позволяет говорить об адресате как об активном и активизирующем участнике общения в медиадискурсе. Диалогичность в данном случае следует понимать и как учет интересов и возможностей

реципиента сообщения, и как форму репрезентации медиафактов.

Диалог как философский феномен всегда представлял интерес для мыслителей и исследователей. Свидетельство этому обнаруживается еще в работах Сократа. Теория диалогичности бытия получила бурное развитие в лингвофилософии в XIX–XX веках. Диалог в этих работах трактуется как «более естественная – по сравнению с монологом – форма речи, предполагающая наличие адресанта и адресата, объединенных общей хронологической, аксиологической и психологической ситуацией, – только при этом условии коммуникация оказывается успешной» [19]. В филологии наиболее значимым является осмысление диалога в работах М. М. Бахтина, которое послужило основой для дальнейших исследований, обосновавших диалогичность как фундаментальное свойство речи вообще, пронизывающее собою монолог, в особенности тексты СМИ.

Технические возможности современных массмедиа породили непрерывный обмен сообщениями и способствовали значимости диалогичности в медиадискурсе. Прежняя коммуникационная цепочка «автор – текст – читатель» трансформировалась в отношении «читатель – автор – текст» [20: 83], отражая современный сетевой тренд определяющей роли взаимоотношения читателя с автором в коммуникативном пространстве Интернета при создании соответствующего контента [21: 106]. Следствием этого процесса стало требование усилить диалогичность и интерактивность, то есть максимально диалогизировать монологический медиатекст с помощью маркеров диалогичности – риторических средств и приемов, апеллирующих к адресату. В этой связи некоторые исследователи поднимают проблему иллюзии диалога, поскольку диалогичность в этом случае имеет характер не столько спонтанной естественной коммуникации, сколько подготовленной дискуссии [22: 78, 23]. Несмотря на многоголосие участников дискуссии, жаркие споры, смс-голосование и звонки в студию, она остается имитацией свободного взаимодействия между агентами и клиентами медиадискурса [24: 255], так как представляет собой форму контроля хода мыслей, идей и отношений аудитории, то есть способ конструирования реальности.

Диалогизация как направление адаптации сообщения эффективный «реципиент-дизайн» (термин А. Мустайоки) текста, создающий впечатление живого общения с целью привлечь внимание аудитории и интенсификации принятия сообщения адресатом. Для этого используются самые разнообразные тактики гармонизации общения, направленные на вы-

страивание «языковой солидарности», означающей принадлежность автора и читателя к одной социальной группе, гарантирующей равные права всем участникам [25: 69]. Риторическая категория разговорности и приём внутренней диалогизации монологических текстов обеспечивают эффект интерактивности. В этой связи представляется необходимым определить направления организации текста, активизирующие ответную реакцию реципиентов. Мы акцентируем внимание на способах диалогизации медиатекста, необходимых для того, чтобы обеспечить его достаточную диалогичность.

Анализ данного феномена на нашем эмпирическом материале позволил выделить диалогизацию на уровне дискурса и жанра. Рассмотрим указанные направления.

Диалогизация дискурса

Диалогизацией дискурса мы называем введение эксплицитного диалога в дискурсы, ранее не предполагавшие диалоговый формат. Наиболее перспективным в этом отношении считается рекламный дискурс. Диалогизация речи в рамках этого дискурса ориентирована на непосредственное общение с потенциальными потребителями. В одной из инструкций для копирайтера приведен пример того, как не надо и как надо писать текст рекламы.

(1) *Изготовление всех видов корпусной мебели под заказ, кухни, шкафы-купе, детские, офис и т. д. Предложим огромный выбор цветов и материалов, короткие сроки исполнения, низкие цены, гарантируем качество исполнения, даем гарантию на изделия. Телефон 000000* [Блог Evolution, www].

Пример (1) представляет собой стандартный текст объявления, которые заполняют торговые, коммерческие интернет-ресурсы. Оно выполняет информирующую функцию, характеризуется ориентированностью на репрезентацию субъекта рекламы с перечислением видов товара и без описания выгод для клиента. Это объявление не выделится из числа конкурентов и, следовательно, не привлечет потребителя. Копирайтеры предлагают диалогизированный вариант этого текста:

(2) *Сделали евроремонт в квартире? Ваша мебель устарела? Гарантировано высокое качество изделий и цены ниже некуда! Фирма «Мебель под заказ» обставит комнаты для вас. Предложим корпусную мебель, кухни с детскими на выбор, шкаф-купе и мебель в офис. Быстрее сделайте заказ, исполним мы его на раз. Расцветок выбор есть у нас и цены низкие для вас!* [Там же].

Оставим за скобками качество текста и рифмы и остановимся на признаках диалога. Текст (2) начинается с имитации обще-

ния с клиентом в виде вопросов: *Сделали евроремонт в квартире? Ваша мебель устарела?*, в которых угадывается зазывающая тональность уличного торговца. Отметим, что здесь используются два вопросительных предложения подряд, за счет чего достигается интенсификация заинтересованности реципиента. Зазывающая тональность продолжается в обязательном для рекламы элементе, слогане – восклицательном предложении *Гарантировано высокое качество изделий и цены ниже некуда!* Исследователи рекламы отмечают, что в слоганах компании не просто обращаются к аудитории, но моделируют фрагменты разговоров, что позволяет «сделать маркетинговые коммуникации более выразительными, представить их как общение бренда с клиентом, как постоянный диалог, направленный на создание и поддержание доверительных отношений» [26: 101]. Последний рифмованный текст ориентирован на покупателя: *Ваша мебель, для вас*. Он также характеризует свою целевую аудиторию: это люди с невысоким достатком либо те, кто не планирует много тратить на мебель: *цены ниже некуда; исполним мы его (заказ. – Н. П.) на раз* (известно, что дорогую мебель не делают быстро), *цены низкие для вас*. Об этом также свидетельствует разговорная лексика (*цены ниже некуда*), незатейливая рифма (*заказ – вас, заказ – раз, нас – вас*). Это не становится препятствием для уважительного отношения к ним – автор текста прилагает усилия, чтобы заверить потребителя в том, что дешеви́зна и быстрое изготовление – не повод для беспокойства: *гарантировано высокое качество изделий, расцветок выбор есть у нас*, а также широкий выбор изделий разной функциональности. Повторяющиеся слова (*выбор – 2 раза, мебель – 3 раза, цены – 2 раза, заказ – 2 раза*) расставляют акценты и способствуют запоминаемости рекламы. Рифмованный текст представляет собой побудительный жанр общения, призыв приобрести мебель с глаголом в повелительном наклонении *Быстрее делайте заказ*.

Современное телевидение представляет собой мультисемиотическую систему, включающую аудиовизуальные, словесно-музыкальные и письменные знаки. Поэтому реклама здесь более высокого качества, что, безусловно, делает ее более эффективной. Телевизионная реклама демонстрирует ярко выраженные признаки диалогичности. Например,

(3) «Производитель» открывает правду о молодости кожи.

– *Возраст – это не только морщины, но и потеря объема. Здесь и здесь.*

Инновация «Производителя» – первый уход с рекордной концентрацией гиалуроно-

вой кислоты действует по принципу инъекций, заполняет морщины, восстанавливает объем.

– *Моя кожа наполнена объемом. Морщины? Какие морщины?*

72 процента женщин предпочли «Продукт производителя».

– *Вы этого достойны!*

В примере (3) звезда кино ведет доверительную беседу со зрителями, прежде всего, женщинами как целевой аудиторией, и жалуются на проблемы с увядающей кожей *Здесь и здесь*, которая, очевидно, является общей проблемой: *Возраст – это не только морщины, но и потеря объема*. Подобные реплики потенциального диалога выполняют контакто-устанавливающую функцию, обеспечивающую эффективность рекламы. Закадровый голос предлагает избавиться от дорогостоящих и болезненных процедур и попробовать легкое решение, разработанное специально для женщин. Актриса рекламы уже попробовала это средство, поэтому заявляет: *Моя кожа наполнена объемом*. Далее она обращается с вопросом к тем, кто еще не попробовал и все еще страдает от признаков возраста: *Морщины? Какие морщины?* Рекламный текст утверждает, что тех, кому понравился рекламируемый продукт, – большинство: *72 процента женщин предпочли «Продукт производителя»*. Они, видимо, уже получили положительный эффект (это адресат должен додумать сам и не предъявлять претензий производителю в случае, если этого не произойдет) и *этого достойны!* Местоимение *Мы* является инклюзивным для этих женщин и исключает тех, кто продуктом не пользуется и, следовательно, достойными не являются (данный тезис также не озвучивается, адресат должен догадаться). Важной характеристикой современной рекламы является, на наш взгляд, то, что диалог в ней перестает быть имплицитным. Потенциальные вопросы и реакции адресатов может выражать закадровый голос или герой рекламного ролика.

На экране часто появляются письменные знаки. Благодаря цифровым технологиям данный феномен широко распространился во всех телевизионных форматах и получил название логовизуализации. В новостных программах логовизуализация является графическим дублированием вербальной информации в симультантном режиме [27: 21]. В рекламе визуализируют бренд, его лозунг, ключевые слова рекламного текста, контактные данные. Обычно применяется необычный шрифт, цвет и движение текста, усиливающие аттрактивность рекламы и способствующие запоминанию. Важно, чтобы потребитель знал

не только, как называется производитель, но и как выглядит его название на упаковке.

В политических ток-шоу визуализируются цитаты СМИ, блогов, известных людей, которые зачитываются ведущим. Особенно интересными в плане диалогизации являются комментарии и мнения зрителей, отправляющих СМС с комментариями относительно высказываний в студии. Это связано с интермедийностью телевидения, когда интерактивные возможности обеспечивают диалогичность. Иногда во время беседы в телестудии на баннере помещаются вопросы, стимулирующие новые реакции аудитории. Реалити-шоу создают возможность доступа зрителей к оценке дискуссии, их непосредственного участия в диалоге, который строится вокруг события, вызывающего противоположные или неоднозначные реакции [28: 58; 29: 169]. Для этого на экран выводятся онлайн чаты. По замечанию исследователей жанра комментария, основной коммуникативной целью оценочных реплик является выразить отношение, чаще всего негативное, к комментируемому событию его герою или автору сообщения [30: 84]. Например,

(4) *Вопрос к Никулину (участнику ток-шоу. – Н. П.): а что доказано, что вирус природного происхождения??? Где и кем??? [Время покажет, 27.03.2020]*

(5) *Признать незаконным выход Украины и нарушение территориальной целостности СССР; У Зе (Зеленского. – Н. П.) нету команды! Есть только 95 квартал (команда КВН, шоу-программа, в которой Зеленский участвовал до выборов в президенты. – Н. П.) [Время покажет, 21.02.2020].*

Иногда зрители соглашались с тезисами выступающих:

(6) *Фейков много бродит по сайтам и распознать их очень сложно; Да, присылают очень страшные видео. Я удаляю, но есть люди легковверные...; Забивают людям голову, конечно много людей верят в это, и начинается паника! [Время покажет, 27.03.2020].*

Часто зрители дают советы всей аудитории, дополняя выступления участников дискуссии. Советы высказываются в разной тональности – от рекомендательной до категоричной и грубой:

(7) *Пересматривать нужно, но не минские соглашения, а учреждение такого «государства», как Украина; А почему не выполняют Минск Франция и Германия [Время покажет, 21.02.2020].*

(8) *Нужно включить мозги, перепроверять по другим каналам не репостить эти сообщения; Главное дурью не страдать!!! Панику не поднимать!!!! [Время покажет, 27.03.2020].*

Встречаются философские размышления:

(9) *Вирус изменяет многое; Советский человек всегда умел читать между строк, сейчас поколение хайли-лайкли... [Время покажет, 27.03.2020];*

(10) *С Минскими Соглашениями можно делать, что угодно, только не выполнять их [Время покажет, 21.02.2020].*

Выявляются ответные реакции зрителей на предыдущие комментарии:

(11) *Что же это пенсионеры непослушные такие, как дети... –*

(12) *Вы представляете что такое для пожилых остаться без движения и без воздуха? [Время покажет, 27.03.2020].*

Проведенный анализ чатов, демонстрируемых в ходе политического ток-шоу, позволяет говорить о том, что наиболее эффективным фактором, стимулирующим ответную реакцию адресата, является провокативность демонстрируемого дискурса, обнаруживаемая в дискуссионной теме, категоричных высказываниях, спорных точках зрения и вызывающем поведении участников.

Диалогизация жанра

Диалогичность, отражающая коммуникативную функцию языка, представляет характерную для речевого жанра в массмедиа структуру речевой коммуникации: «информационный повод для публикации (предыдущее сообщение) ↔ новое сообщение в том или ином речевом жанре ↔ ориентация на адресата», и определяет логику взаимодействия смысловой позиции автора со смысловыми позициями других участников коммуникации. Средствами для выражения категории диалогичности выступают текстовые композитные единицы интеракции 1) «вопрос – сообщение» в информирующих жанрах (чужая речь), 2) «сообщение – его оценка» в оценочных жанрах (согласие, возражение, похвала, неодобрение, насмешка, полемика, поддержка) и 3) «сообщение – побуждение» в побудительных жанрах (рекомендация, призыв, предложение, совет, инструкция, рецепт) [31: 27–28]. Рассмотрим диалогичность в каждом жанровом типе.

Предметным полем **информирующих жанров** выступают событие, ситуация, чужое высказывание или персона. Диалогичность является жанрообразующим признаком медиажанра «интервью», отличающегося вопросно-ответной организацией при невысокой степени импровизации. Интервью по своей сути является естественной коммуникацией, диалогом, что не нуждается в дополнительном обосновании. Процесс конвергенции жанров, о котором мы писали выше, стимулирует интеграцию фрагментов диалога в другие жанры, например, репортаж [32].

Интервьюизация как уплотнение основного жанра за счет диалога декларируется сейчас как новый информационный стандарт [33: 273]. Например, новостная лента издания «Спорт-экспресс» включает следующие новости:

(13) *Федун против пустых стадионов! Он прав? /Александр Медведев: «Лучше играть без зрителей, чем не играть вообще»/Малком считает, что Месси будет играть до 40 лет/«Надеюсь, закончится это безумие».* Федун – о прогнозе по борьбе с коронавирусом/Общее собрание представителей клубов РПЛ состоится 24 апреля/«Спартак» поздравил Мирзояна с днем рождения. Знаменитому советскому защитнику исполняется 69 лет [СЭ, 20.04.2020].

Каждая из ссылок демонстрирует диалогичность, а текст, обнаруживаемый по ссылке, – полноценный диалог, фрагмент интервью:

(14) *Владелец «Спартака» Леонид Федун прокомментировал решение клуба не выкупать контракт полузащитника Андре Шюррлеу «Боруссии»*

– Почему у Шюррле не получилось в «Спартаке»?

– Ну... У кого-то получается, а кого-то – нет. Ему просто не повезло.

– Это не провал трансферной политики?

– С финансовой точки зрения – провал. Скрывать тут нечего. Но в футболе всегда присутствует риск. Как я сказал выше, у кого-то получается, а у кого-то нет [СЭ, 20.04.2020].

Из примера (14) видно, что текст представляет собой часть целого материала, в данном случае интервью с Леонидом Федуним. Практика дробления большого интервью на фрагменты и включение анонсов этих фрагментов в новостную ленту проводится для увеличения траектории гипертекста.

Диалогическое, а порой и многоголосное пространство создается в медиатексте за счет того, что включаются разные «голоса» экспертов, очевидцев, приводятся свидетельства участников событий и пр. Прием внутренней полифонии позволяет значительно расширить экспрессивные возможности материала, создать текст, синкретичный в жанрово-стилистическом отношении [19]. Например, размышления американского публициста, экономиста Нассима Талеба время от времени прерывается цитатами известных людей, созвучными по идейному содержанию с мнением интервьюируемого:

(15) *Майкл Шелленбергер – РБК: «Экоактивизм – это религия богатых людей»; Барбара Окли – РБК: «Не хотите закончить официантом – учите точные науки»* [РБК. 21.04.2020].

Предметным полем **оценочных жанров** выступают «объективно или субъективно су-

ществующие связи между событиями, проблемные ситуации в разных сферах социальной жизни, чужие высказывания и смысловые позиции отдельных персон» [31: 28]. Интерактивность – способность информационно-коммуникативной системы активно и разнообразно реагировать на действия пользователя [34: 97] – обусловила появление гибридных сетевых жанров, например, форум и блог. В форуме участник интернет-коммуникации отправляет свои тексты, читает сообщения других участников дискуссии и выражает свою позицию. Отдельные сообщения образуют, по сути, реплику диалогического макротекста [34: 98, 35, 36].

Жанр блога (электронного дневника) имеет форумную коммуникативную структуру с тем отличием, что, оставляя пост, автор дневника является инициатором общения, организует и контролирует комментарии читателей и ответы на них. Диалогические отношения здесь могут устанавливаться как между постом автора блога и комментариями адресатов, так и между комментариями пользователей. Сообщение автора блога в этом случае соответствует иницирующей реплике диалога (реплике-стимулу), а комментарии к нему расцениваются как реплики-реакции. Если комментарии интернет-пользователей являются реакциями не на первичное сообщение, а на другие комментарии, то последние выступают в качестве вторичных реплик-стимулов. Ученые отмечают, что общение на форумах и в блогосфере отличается от чатов некоторым увеличением коммуникативной дистанции между интерактантами и во многих случаях усилением степени официальности речи. Это обусловлено тем, что жанровое пространство форумов и блогов относится к сфере массовой коммуникации, и это накладывает свой отпечаток на речь, например, здесь доминирует Вы-общение [34: 98–99]. В настоящее время является обязательным вести официальные блоги для всех известных людей, в том числе журналистов, осуществляющих редакционную коммуникацию с читателями и зрителями.

Живые диалоги, включающие оценочные суждения, встречаются в различных телевизионных ток-шоу и радиальных беседах. Нельзя сказать, что это естественная коммуникация, но известная доля импровизации здесь присутствует. Однако она обусловлена не развитием идеи, а наращиванием эмоциональной напряженности, скорее всего тоже предусмотренной сценарием шоу. Но о ней не всегда осведомляют участников для большей естественности эмоциональных реакций, усиления которых требует аудитория.

Некоторые гибридные формы жанров не получили еще названия, например, тип тек-

ста в «Новой газете», проанализированный И. Б. Александровой и В. В. Славкиным. Это «дискурсивное единство, которое состоит из мини-монологов, отражающих ценностную картину мира читателей», сочетает черты речи СМИ, газетной поэзии, блогосферы, где речепостроение идет в условиях интерактивности по типу диалога. Данный «синкретичный тип дискурса» включает центральный поэтический текст и прозаические и поэтические комментарии читателей, которые не всегда являются элементами диалога в полном смысле слова, предполагающего заинтересованный обмен репликами относительно общей референтной ситуации [19]. Приведем пример газетной поэзии по поводу Brexit:

(16) <...> *Гляжу без содрогания, но ликованья без,/Как Великобритания выходит из ЕС./Не шок, не поражение, не сдача, не провал –/Я в этом положении не раз уже бывал;/Знавал я страсти тайные, по милости небес,/И в функции Британии, и в функции ЕС./И уходил я горестно, и – чаще – отпускал,/И оправданий, помнится, при этом не искал./Возможна злоба черная, но ежели по мне,/То это плодотворная эмоция вполне./Такое испытание полезно для повес –/Сперва побыть Британией, потом побыть ЕС.../Есть прелесть разлучения, прощанья навсегда –/Негромкая, вечерняя, как блеклая звезда./Окраинная улица и мартовский закат:/Никто не образумится, никто не виноват./Тут ни при чем питание и ни при чем прогресс:/Ступай себе, Британия, попробуй без ЕС<...>* [Д. Быков, Новая газета, 01.02.2020].

Автор инициального текста (16) высказывает принципиально негативное отношение к Brexit, предвещая неприятные последствия для Великобритании. Отметим, что все посты этого автора отличаются отрицательным отношением к тому, о чем он пишет. Многие исследователи подчеркивают, что именно негативные оценки события либо чьего-то мнения чаще всего становятся стимулом для участия в споре и, следовательно, конструировании медиареальности. При этом «несогласие может вызывать не только оценка как таковая, но и ее прагматическая, стилистическая форма» [37: 12]. Мы находим этому подтверждение и в нашем материале. В ответ на инициальный пост поступил комментарий:

(17) *Свободна, как Кармен, она, – вступила, развелась,/И птицею свободною под облака взвилась./При этом без опасности тотальных катаклизмов,/Без страха и при ясности, что не допустит клизм.*

Представляется, что авторы произведения (16–17) являются оппонентами по вопро-

су целесообразности выхода Великобритании из Европейского Союза.

Предметным полем **побудительных жанров** выступают по-разному представленные модели действий. Рассмотрим этот тип жанров на примере известного лозунга «*Оставайтесь дома!*» во время режима социальной дистанции из-за коронавируса COVID-19 в 2020 году:

(18) *Оставайтесь дома! Друзья, мы не будем никого агитировать. Мы в вас не сомневаемся!* [сайт хоккейного клуба «Торпедо», 28.03.2020].

Глобальный флешмоб с хештегом (19) «*Мы остаемся на работе ради вас. Оставайтесь дома ради нас*» собрал три тысячи репостов врачей.

Эксплицитной является диалогичность в меме на картинке, на которой изображен ларингоскоп для интубации при подключении к аппарату ИВЛ, внешне похожий на косу (аллюзия на смерть с косой). Текст гласит:

(20) *Знаешь, что это такое? Это ларингоскоп – прибор для интубации трахеи, которая проводится для введения интубационной трубки при искусственной вентиляции легких. Остайся дома и тебе не придется испытать действие этого прибора на себе* [Рассылка в социальной сети].

Речевая структура текста (20) состоит из компонентов «вопрос – ответ» как обоснование для последующей «рекомендации», предписывающей модель действия.

На телевидении к призыву присоединились все основные каналы, популярные ведущие которых записали совместный ролик социальной рекламы:

(20) *Хочешь, смотри Comedy на ТНТ [канал «Россия 1»] или +100500 на телеканале «Че» [канал «Матч-ТВ»]. Ты можешь посмотреть «Три кота» на CTC-Kids [1 канал], а можешь включить новости культуры на телеканале «Культура» [канал «Че»] или «Орел и решка» на «Пятнице» [CTC-Kids]. Смотри все про спорт на «Матч-ТВ» [Канал CTC], или включи сериал «Женский доктор» на «Домашнем» [ТНТ]. Ну, а хочешь, смотри сериал «Корни» на CTC [Россия 24]. А хочешь, смотри «Танцы со звездами» на телеканале «Россия 1» [2X2]! Пускай тебя затянет «Последний герой» на ТВ-3 [«Россия Культура»]! А может Док-Ток на «Первом» [ТНТ4]? Включи шоу «Маска» на НТВ [телеканал «Супер»]! Или Новости на канале «Россия24» [канал «CTC Love»]. Хочешь, смотри «Папины дочки» на CTC Love [Канал НТВ]. Хочешь, смотри «Подозрительную сову» на 2X2 [канал «Домашний»] или «Прожарку» на ТНТ4 [канал «Пятница»]. Главное – оставайся дома [все вместе]! Не важно, что ты смотришь, важно, что ты остался дома.*

Известно, что телеканалы борются за аудиторию, разрабатывают свой контент, стараются заинтересовать зрителей. Но тяжелая ситуация в стране и мире заставила «объявить перемирие» в этой борьбе. Диалогичность в примере (21) выявляется в следующих показателях:

- обращение не ко всем людям у экрана (2-е лицо, мн. число), не обращение на «Вы», даже ведущего телеканала «Культура», а к каждому отдельно (2-е лицо, ед. число), как к другу;
- добрые пожелания хорошего времяпрепровождения: *Пусть тебя затянет «Последний герой»*;
- побудительность выражена не категорично; предоставление выбора по желанию, а не по принуждению: *Хочешь, смотри Comedy; Ты можешь посмотреть; Ты можешь посмотреть..., а можешь включить...*;
- тональность повседневного общения: *Ну а хочешь, смотри сериал; Пусть тебя затянет.*

Все участники этой социальной рекламы находятся в домашней обстановке и говорят по видеосвязи, подавая тем самым пример социально ответственного поведения. Данная

реклама не предполагает интерактивности, но реальным объективным показателем ее эффективности являются осознание проблемы аудиторией и ее последующие поступки.

Заключение

Таким образом, диалогизация как стратегия современного медиапроизводства представляет собой эффективный способ установления контакта с аудиторией и интенсификации фактуализации предлагаемой информации. Диалогизация дискурса и жанра усматривается в двух направлениях: во-первых, это усиление диалогичности и интерактивности с помощью маркеров диалогичности – риторических средств и приемов, апеллирующих к адресату, и, во-вторых, выражение в речи взаимодействия двух или нескольких смысловых позиций, учет интересов и возможностей реципиента сообщения, и форма репрезентации медиафактов, предполагающая реакцию аудитории. Объективным показателем диалогичности в этом случае мы считаем коммуникативный эффект медиатекста – отзывы, комментарии и репосты материала в сетевом формате медиадискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 356–367.
2. Караджев Б. И. Фактор адресанта и адресата в дискурсе СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. : Вопросы образования : языки и специальность. 2014. № 3. С. 40–46.
3. Lasswell H. D. The structure and function of communication in society // The Communication of Ideas / ed. L. Bryson. N. Y. : Harper and Brothers, 1948. P. 37–51.
4. MacKuen M. B. Social communication and the mass policy agenda // More than news : Media power in public affairs / eds. M. B. MacKuen, S. L. Coombs. Newbery Park, CA : Sage, 1981. P. 19–144.
5. Анненкова И. В. Современная медиакартина мира : неориторическая модель (Лингвофилософский аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 41 с.
6. Буряковская В. А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков) : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2014. 326 с.
7. Филатова О. Г. Социология массовой коммуникации. М. : Гардарики, 2006. 303 с.
8. Shils E. A., Janowitz M. Cohesion and Disintegration in the Wehrmacht in World War II // The Public Opinion Quarterly. 1948. Vol. 12, № 2. P. 280–315.
9. Henne H., Rehbock H. Einführung in die Gesprächsanalyse. Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter, 2001. 336 p.
10. Кузин В. И. Психологическая культура журналиста. СПб. : СПбГУ, 2004. 205 с.
11. Володина Л. В. Конструирование реальности средствами массовой коммуникации // Серия

«Symposium», Российская массовая культура конца XX века. Вып. 15. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 27.

12. Дементьев В. В. Коммуникативная генеристика : речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи : сб. науч. статей. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 18–40.

13. Дридзе Т. М. Экоантропоцентрическая парадигма в социальном познании и социальном управлении // Человек. 1998. № 2. С. 95–105.

14. Желтухина М. Р. Политический и масс-медиаальный дискурсы : воздействие – восприятие – интерпретация // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : МАКС Пресс, 2003. Вып. 23. С. 38–51.

15. Каминская Т. Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации : семантико-прагматическое исследование : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009. 284 с.

16. Хорольский В. В. Медийность и научность : siamo близнецы или дальние родственники? // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 8. Литературоведение. 2015. № 1. С. 42–51.

17. Тейтмайер Б. Диалог : проблемы анализа // Общение. Текст. Высказывание. М. : Наука, 1989. 175 с.

18. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М. : Наука, 2005. 172 с.

19. Александрова И. Б., Славкин В. В. Диалогичность как категориальная характеристика речи современного общества // Медиаскоп. 2015. № 4. URL: <http://mediascope.ru/2029> (дата обращения: 14.05.2017).

20. Кайда Л. Г. Диалог «читатель – автор» : стилистическая концепция // Мысль. Текст. Стиль : сб. науч. ст. / под ред. Л. Р. Дускаевой, В. И. Конькова. СПб. : СПбГУ, 2011. С. 82–91.

21. Пак Е. М. Жанрообразование в сетевых СМИ : технологические и творческие факторы : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 261 с.

22. Nišič V., Plavšič D. The role of media in the construction of social reality // *Sociological Discourse*. 2014. Vol. 4, № 7. P. 73–81.

23. O’Keeffe A. Media and discourse analysis // *The Routledge Handbook of Discourse Analysis* / ed. by J. Gee, M. Handford. London : Routledge, 2011. P. 441–454.

24. Балакирева Т. А. Конструирование медиареальности (на примере российских телевизионных шоу) // *Вестник*. 2016. № 28. С. 254–263.

25. Кормилицына М. А. Тенденции изменений в стилистическом облике традиционных журналистских жанров в современной прессе // *Жанры речи*. 2018. № 1 (17). С. 67–72. <https://www.doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-67-72>

26. Никитин М. И. Диалогичность языка маркетинговых коммуникаций : «разговаривающие» слоганы // *Журналистика в 2014 году : СМИ как фактор общественного диалога : материалы междунар. науч.-практ. конф. М. : Медиамир, Факультет журналистики МГУ, 2015. С. 101–102.*

27. Лебе И. Логовизуализация – письменная разновидность слова в телевизионном дискурсе // *Медиалингвистика*. 2019. № 6 (1). С. 19–34.

28. Коханов Е. Ф. Политические ток-шоу : диалогичность и интерактивность? // *Вопросы теории и практики*. 2013. Т. 4, № 1. С. 50–59.

29. Балясникова О. В. Психосемантика конфликта в интернет-текстах // *Материалы X междунар. конгресса Международного общества по прикладной психолингвистике*. М. : РУДН. 2013. С. 169.

30. Стеклова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // *Жанры речи*. 2014. № 1–2 (9–10). С. 81–88. <https://www.doi.org/10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-81-88>

31. Дускаева Л. Р. О жанровых текстовых категориях // *Жанры речи*. 2016. № 2 (14). С. 25–32. <https://www.doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-25-32>

32. Пром Н. А. Современный газетный спортивный репортаж : жанрово-стилистический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 240 с.

33. Шмелева Т. В. «Уплотнение жанров» как тенденция медиасферы // *Жанры речи*. 2018. № 4 (20). С. 270–276. <https://www.doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-20-270-276>

34. Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // *Жанры речи*. 2016. № 2 (14). С. 95–104. <https://www.doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-95-104>

35. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : монография. Волгоград : Перемена, 2009. 477 с.

36. Marchi R. With Facebook, blogs, and fake news, teens reject journalistic «objectivity» // *Journal of Communication Inquiry*. 2012. Vol. 36, № 3. P. 246–262.

37. Дементьев В. В. Аксиологическая генеристика : аспекты проблемы «оценка и жанр» // *Жанры речи*. 2016. № 2 (14). С. 9–24. <https://www.doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-9-24>

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. The addressee’s factor. *News of the USSR Academy of Sciences. Series of literature and language*, 1981, vol. 40, no. 4, pp. 356–367 (in Russian).

2. Karadzhev B. I. The addressee and addressee factor in the media discourse. *RUDN Journal. Ser. Educational issues : languages and specialties*, 2014, no. 3, pp. 40–46 (in Russian).

3. Lasswell H. D. The structure and function of communication in society. In : Bryson L., ed. *The Communication of Ideas*. New York, Harper and Brothers, 1948, pp. 37–51.

4. MacKuen M. B. Social communication and the mass policy agenda. In : MacKuen M. B., Coombs S. L., eds. *More than news : Media power in public affairs*. Newbery Park, CA, Sage, 1981, pp. 19–144.

5. Annenkova I. V. *Modern media picture of the world : A neorhetorical model (linguo-philosophical aspect)* : Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2012. 41 p. (in Russian).

6. Buryakovskaya V. A. *Communicative characteristics of mass culture in media discourse (based on the Russian and English languages)*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Volgograd, 2014. 326 p. (in Russian).

7. Filatova O. G. *Sotsiologiya massovoj kommunikatsii* [Sociology of mass communication]. Moscow, Gardariki Publ., 2006. 303 p. (in Russian).

8. Shils E. A., Janowitz M. Cohesion and Disintegration in the Wehrmacht in World War II. *The Public Opinion Quarterly*, 1948, vol. 12, no. 2, pp. 280–315.

9. Henne H., Rehbock H. *Einführung in die Gesprächsanalyse*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2001. 336 p.

10. Kuzin V. I. *Psichologicheskaya kultura zhurnalista* [Psychological culture of a journalist]. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 2004. 205 p. (in Russian).

11. Volodina L. V. Constructing reality by means of mass communication. In : *Symposium series, Russian mass culture of the late XX century*, iss. 15. Saint Petersburg, St. Petersburg Philosophical Society, 2001, pp. 27 (in Russian).

12. Dementyev V. V. Communicative genres : speech genres as a means of formalizing social interaction]. *Speech Genres : coll. of sci. art.* Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 2002, iss. 3, pp. 18–40 (in Russian).

13. Dridze T. M. Ecoanthropocentric paradigm in social cognition and social management. *Man*, 1998, no. 2, pp. 95–105 (in Russian).

14. Zheltukhina M. R. Political and mass media discourses : impact – perception – interpretation. In : Krasnykh V. V., Izotov A. I., eds. *Language, consciousness, communication : collection of articles*. Moscow, MAKS Press, 2003, iss. 23, pp. 38–51 (in Russian).

15. Kaminskaya T. L. *The image of the addressee in the texts of mass communication : semantic and pragmatic research*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2009. 284 p. (in Russian).

16. Khorolskiy V. V. Mediaism and Science : Siamese Twins or Distant Relatives? *Bulletin of the Volgograd State university. Ser. 8. Literary criticism*, 2015, no. 1, pp. 42–51 (in Russian).

17. Tekhtmayer B. Dialogue : problems of analysis. In : *Obshchenie. Tekst. Vyskazyvanie* [Communication. Text. Statement]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 175 p. (in Russian).

18. Vinokur T. G. *Govoryashchij i slushayushchij. Varianty rechevogo povedeniya* [Speaker and Listener. Variants of speech behavior]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 172 p. (in Russian).

19. Alexandrova I. B., Slavkin V. V. Dialogueness as a categorical characteristic of the speech of modern society]. *MediaScope*, 2015, no. 4. Available at: <http://mediascope.ru/2029> (accessed 14 May 2017) (in Russian).
20. Kaida L. G. Dialogue “reader-author” : stylistic concept. In: *Mysl'. Tekst. Stil' : sb. nauch. st., pod red. L. R. Duskaevoi, V. I. Kon'kova* [Duskaeva L. R., Konkov V. I., eds. Thought. Text. Style : coll. of sci. art.]. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 2011, pp. 82–91 (in Russian).
21. Pak E. M. *Genre education in online media : technological and creative factors*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2014. 261 p. (in Russian).
22. Nišič V., Playšič D. The role of media in the construction of social reality. *Sociological Discourse*, 2014, vol. 4, no. 7, pp. 73–81 (in Russian).
23. O'Keeffe A. Media and discourse analysis. In : Gee J., Handford M., eds. *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*. London, Routledge, 2011, pp. 441–454.
24. Balakireva T. A. Construction of media reality (on the example of Russian television shows). *Veche*, 2016, no. 28, pp. 254–263 (in Russian).
25. Kormilitsina M. A. Trends in the stylistic appearance of traditional journalistic genres in the modern press]. *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 67–72 (in Russian). <https://www.doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-67-72>
26. Nikitin M. I. Dialogue of the language of marketing communications : “talking” slogans. In : *Journalism in 2014 : Mass media as a factor of public dialogue : materials of Intern. sci. and pract. conf.* Moscow, Medi-amir Publ., Faculty of Journalism, Moscow State University, 2015, pp. 101–102 (in Russian).
27. Leve I. Logovisualization as a written version of the word in television discourse. *Medialinguistics*, 2019, no. 6 (1), pp. 19–34 (in Russian).
28. Kokhanov E. F. Political Talk Shows : Dialogue and Interactivity? *Questions of Theory and Practice*, 2013, vol. 4, no. 1, pp. 50–59 (in Russian).
29. Balyasnikova O. V. Psychosemantics of conflict in Internet texts. In: *Materials of the X international Congress of the International Society for Applied Psycholinguistics*. Moscow, RUDN Publ., 2013, pp. 169 (in Russian).
30. Steksova T. I. Comment as a speech genre and its variability. *Speech Genres*, 2014, no. 1–2 (9–10), pp. 81–88 (in Russian). <https://www.doi.org/10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-81-88>
31. Duskaeva L. R. On genre text categories. *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 25–32 (in Russian). <https://www.doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-25-32>
32. Prom N. A. *Modern newspaper sports report : genre and stylistic aspects*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2011. 240 p. (in Russian).
33. Shmeleva T. V. “Density of genres” as a tendency in the media sphere. *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 270–276 (in Russian). <https://www.doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-20-270-276>
34. Kolokoltseva T. N. Dialogue in the genres of Internet communication (chat, forum, blog). *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 95–104 (in Russian). <https://www.doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-95-104>
35. Lutovinova O. V. *Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki virtual'nogo diskursa* [Linguoculturological characteristics of virtual discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2009. 477 p. (in Russian).
36. Marchi R. With Facebook, blogs, and fake news, teens reject journalistic “objectivity.” *Journal of Communication Inquiry*, 2012, vol. 36, no. 3, pp. 246–262.
37. Dementyev V. V. Axiological genre study : aspects of the problem “assessment and genre”. *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 9–24 (in Russian). <https://www.doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-9-24>

Поступила в редакцию 29.04.2021; одобрена после рецензирования 18.06.2021; принята к публикации 23.06.2021

The article was submitted 29.04.2021; approved after reviewing 18.06.2021; accepted for publication 23.06.2021

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ. ХРОНИКА

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 156–160

Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 156–160

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-156-160>

Научная статья

УДК 811.161.3'373(049.32)

Согласие/несогласие по-белорусски: Рецензия на учебно-методическое пособие А. П. Латушко «Беларускія выразы згоды і нязгоды» (Мінск, БДУ, 2020. 135 с.)

Ю. В. Назаренко

Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, 220030, г. Минск, пр. Независимости, д. 4

Назаренко Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского языкознания, julijanazarenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0194-0902>

Аннотация. Рецензия является откликом на публикацию пособия А. П. Латушко «Белорусские выражения согласия и несогласия». Автор представляет нечленные выражения согласия и несогласия как элементы композиции коммуникативного акта в виде словаря с теоретическим предисловием. Актуальность данного пособия видится в систематизации речевых проявлений одной из коммуникативных категорий на материале белорусской художественной литературы.

Методом сплошной выборки А. П. Латушко эксцерпировала из материала более 130 нечленных выражений согласия и более 150 выражений несогласия (неточность количества обусловлена неизбежным наличием фонетических, лексических, орфографических, грамматических вариантов, напр., чорт з вамі/табой), которые представляют фактически одну фразу, а также факультативными вводными, вставными элементами, модальными словами и частицами (<Ну> вось і добра, слаўна, цудоўна, цудоўненька; <Што ж>, паглядзім; <Не,> <вы/ты> (па)чакай(це) и под.).

Материал, представленный в рецензируемой учебно-методической работе А. П. Латушко, подтверждает тезис о том, что фактически мы общаемся не идеальными единицами системы языка, а реальными единицами речи – подтверждение популярной лингвистической теории, которую иногда именуют русским аналогом теории речевых актов, – а именно, теории речевых жанров, основы которой были заложены ещё М. М. Бахтиным, а глубоко и детально исследованы профессором В. В. Дементьевым.

В пособии представлена успешная попытка познакомить читателя с речевой реализацией лингвистической категории согласия и несогласия в белорусском языке на материале 1100 контекстов белорусскоязычной драматургии и прозы.

Ключевые слова: лингвистическая категория, дискурс, речевой акт, нечленные выражения, диалог, участник коммуникации, теория речевых жанров

Для цитирования: Назаренко Ю. В. Согласие/несогласие по-белорусски : Рецензия на учебно-методическое пособие А. П. Латушко «Беларускія выразы згоды і нязгоды» (Мінск, БДУ, 2020. 135 с.) // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 156–160. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-156-160>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Agreement/Disagreement in Belarusian: Review of the teaching aid by A. P. Latushko “Belarusian phrases of agreement and disagreement” (Minsk, BSU. 2020. 135 p.)

Yu. V. Nazarenko

Belarusian State University, 4 Nezalezhnastsi Ave., Minsk 220030, Belarus

Yuliya V. Nazarenko, julijanazarenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0194-0902>

Abstract. The review is a response to the publication of the teaching aid by A. P. Latushko “Belarusian phrases of Agreement and Disagreement”. The author presents inseparable phrases of agreement and disagreement as elements of the composition of a communicative act in the form of a dictionary with a theoretical preface. The relevance of this teaching aid is seen in the systematization of speech manifestations of one of the communicative categories based on Belarusian fiction.

Using the method of continuous sampling, A. P. Latushko extracted more than 130 inseparable expressions of agreement and more than 150 expressions of disagreement (the inaccuracy of the quantity is due to the inevitable presence of phonetic, lexical, spelling, grammatical variants, for example, chort z vami/taboy), which actually represent one phrase, as well as optional introductory, insertion elements, modal words and particles (<Nu> vos? i dobra, slauna, tsudouna, tsudounenka; <Sto zh>, paglyadzim; <Ne,><vy/ty> (pa) chladzi (tse) and so on.).

The material presented in the peer-reviewed scientific and methodological work of A. P. Latushko confirms the thesis that in fact we communicate not with ideal units of the language system, but with real units of speech – a confirmation of the popular linguistic theory, which is sometimes called the Russian analogue of the theory of speech acts – the theory of speech genres, the foundations of which were laid by M. M. Bakhtin, and deeply and in detail investigated by professor V. V. Dementyev.

The teaching aid presents a successful attempt to acquaint the reader with the speech implementation of the linguistic category of agreement and disagreement in the Belarusian language based on 1100 contexts of Belarusian drama and prose.

Keywords: linguistic category, discourse, speech act, inseparable phrases, dialogue, participant in communication, theory of speech genres

For citation: Nazarenko Yu. V. Agreement/Disagreement in Belarusian : Review of the teaching aid by A. P. Latushko “Belarusian phrases of agreement and disagreement” (Minsk, BSU. 2020. 135 p.). *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 156–160 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-156-160>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В последние десятилетия лингвистическая наука всё активнее смещает фокус на способы реализации речевой и коммуникативной личности, неизменно возрастает интерес к личностному компоненту в речи, расширению сферы спонтанных речевых актов. Такой угол зрения неизменно приводит к активизации научного интереса к разным аспектам и составляющим именно языково-речевой составляющей коммуникации: коммуникантам как участникам диалога, его непосредственное построение и функционирование, эффективные/неэффективные стратегии и тактики межличностного взаимодействия, психолингвистический компонент реализации речевого акта, интерес к отдельным коммуникативным категориям и т. д.

Объектом изучения являются реплики диалогической речи – выражения, иллокутивное назначение которых – реакция на словую или фразу коммуниканта в структуре диалога. Анализируются ответные реплики литературных героев, которые привязаны к типовым ситуациям общения, описываемым в художественном материале пособия (встреча, знакомство, обращение, деловой разговор, свидание и др.), к темам разговора, и поэтому представляют интерес для исследователей жанров непосредственной устной речи.

Актуальность исследования такой фундаментальной коммуникативной категории, как *согласие* и *несогласие* (считаем уместным рассматривать её как своего рода гипер-

категорию, охватывающую широкий спектр значений между схематичными и упрощёнными «да» и «нет», поскольку она отражает своеобразную полюсность интенции приятия/неприятия сказанного собеседником) обусловлена прежде всего очевидной частотностью и вариативностью речевых способов её реализации. Причём нельзя не отметить не столько теоретическую, сколько именно прикладную важность более пристального изучения согласия/несогласия, поскольку оба полюса гиперкатегории очень активны в социально ориентированном дискурсе, теории консенсуса и конфликтологии [1: 3], которые, несомненно, регулируют успешность/неуспешность человеческих отношений в целом.

Стоит отметить, что автор чётко осознаёт роль национально-маркированной составляющей в реализации вышеуказанных категорий, обращаясь к так называемым этикетам, особенности семантики, лексико-грамматических и функциональных особенностей которых составляют идиоматичность любого национального языка, что ярко представлено на материале таких генетически близких систем, как белорусский и русский языки (напр. бел. *барані божа* – рус. *не дай бог*). И хотя сопоставительный анализ белорусского и русского языков на материале данной категории не был задачей А. П. Латушко, он может стать предметом очень интересной работы в дальнейшем.

Автор демонстрирует несомненную теоретическую осведомлённость, к месту упоми-

ная основоположников теории речевых актов (О. Есперсен, Е. Бартминьски, Р. Лакофф, Г. Грайс, А. Вежбицка и др.), видных русских исследователей (Т. Винокур, А. Бондарко, Н. Арутюнова, Н. Шведова, Р. Якобсон) и, естественно, отечественных лингвистов (Б. Норман, Т. Рамза, С. Важник).

Радует глубокое понимание автором таких процессов непосредственной коммуникации, как имплицитность большинства реплик диалога [2], также как и категория непрямой коммуникации [3], удельный вес которых в непосредственном общении всё возрастает. Это обусловлено, на наш взгляд, всё сильнее проявляющимся асимметричным дуализмом лингвистического знака, о чём говорил почти столетие назад С. О. Карцевский [4].

Не оставлен без внимания и такой несомненно важный аспект речевой коммуникации, как гендерная составляющая общения, которая позволяет женщинам быть более чуткими к импликациям речевого акта и непрямым сообщениям, что обусловлено их большей по сравнению с мужчинами восприимчивостью к интонационным нюансам высказываний любого речевого жанра. В таком ракурсе содержание словарной части пособия будет интересно специалистам в области гендерной лингвистики.

Теоретическая часть пособия представляет собой достаточно глубокий обзор научной парадигмы в современной лингвистике: от зарождения теории речевых актов и антропологической картины мира до поворота вектора основной единицы общения от предложения к высказыванию и речевому акту. Автор уместно цитирует предшественников, в целом теоретические разделы можно считать кратким курсом нового в современной лингвистике, что будет, несомненно, оценено тяготеющими к лаконичным текстам студентами.

Одним из достоинств пособия является, на наш взгляд, то, что нечленные предложения, которым присущи устойчивость в языке и частотная воспроизводимость в речи, реализующие категорию согласия/несогласия, на языковом материале белорусского языка ранее так предметно исследованы не были.

Следует отметить чёткость и последовательность в подаче теоретической и практической составляющих пособия. Содержание представлено предисловием, в котором обозначена необходимость подобного издания; введением, которое в традиционной трёхчастной композиции («Диалог как основа коммуникации», «Участники коммуникации» и «Теория речевых актов: смена научной парадигмы») знакомит читателя с условиями функционирования исследуемой категории и её местом в лингвистической науке; вспомогательным

материалом «Данные для пользователей “Словаря выражений согласия и несогласия”»; затем логично следуют сокращения и условные обозначения; непосредственно «Словарь выражений согласия и несогласия» (представлено около 1100 микродиалогов), причём согласие и несогласие симметрично представлены двумя подразделами «Полное согласие», «Неполное согласие»/«Полное несогласие», «Неполное несогласие» – как свидетельствует материал, «полнота» полюсов категории выражена явно сильнее, чем её нюансы в виде неполноты; практикум, содержащий вопросы и задания, библиографические ссылки и источники фактического материала, которыми стали прозаические и драматургические произведения признанных классиков белорусской литературы XX – начала XXI века (А. Дударев, В. Быков, И. Шамякин, П. Васюченко, С. Ковалёв и др.).

Особого внимания заслуживает детальная градация значений, реализуемых контекстами категории *согласия/несогласия*. Автор, ссылаясь на известную исследовательницу русской разговорной речи Е. А. Земскую, отмечает, что употребление коротких реплик типа *Да* или *Нет* допустимо, но не совсем характерно для разговорной формы общения, поскольку человеческое сознание априори диалогично, а такие реплики обычно исчерпывающи и ведут к завершению коммуникации. А. П. Латушко, опираясь на данные выборки, подтверждает позицию Е. А. Земской и на белорусском материале.

Огромный спектр речевых реализаций категории согласия/несогласия, предложенный автором, несомненно будет интересен специалистам в области речевой прагматики, поскольку коммуникация в целом насквозь прагматична.

Как отмечалось выше, *согласие* и *несогласие* предварительно делится на полное или неполное, но материал пособия, а также контекстный анализ дал автору возможность значительно расширить синопсис семантических групп, реализующих категорию. Непосредственно словарную часть пособия представляют 20 смысловых групп, реализующих полное согласие: *безапелляционное согласие (Будет сделано)*, *торопливое согласие (Так так, Ага-ага, Хорошо-хорошо, предназначенное обнадёжить собеседника)*, *согласие-утихомиривание (Да брось, не беда)*, *подтверждение (Обязательно, безусловно)*, *самоподтверждение (Ага, Так, предназначенное, как правило, выразить уверенность в собственных словах, сказанных ранее)*, *поддакивание (Конечно, а именно – употребляется более низким по статусу собеседником чаще в корыстных целях)*, *согласие-божба (Ей-богу, чтоб я так*

жил – своеобразно усиленное апелляцией к богу, здоровью, матери подтверждение своих слов в ответ на обвинение, вопрос), одобрение (*браво, гениальная мысль*), похвала (по функции близка к комплименту – *молодец/молодчина*), согласие-побуждение (*давай, ну!*), согласие-договор (*по рукам!*), согласие-голосование (*двумя руками*), согласие-уступка (*ну вот видишь, то-то и оно*), согласие-раскрытие (*ага!*), согласие-вызов (*а ты/вы сомневался/сомневались!*), согласие-благословение (*дай бог каждому*), согласие-контакт (*ясно*), вежливое согласие (*пожалуйста*), согласие-контакт (*так, ясно*), энантиосемия (несогласие под видом согласия, актуализация противоположного значения благодаря паралингвистическому сопровождению и иронии контекста – (про водку) *Вы, может, пьёте этот «Рояль» – Нет. Мы его играем!*), акцентуатор (усилитель значения – *Не/неа, нет*).

И хотя сам автор указывает на то, что многие из смысловых групп являются подвидами указанных, считаем абсолютно оправданной их отдельную подачу, поскольку формальное совпадение планов их выражения ни в коей мере не исчерпывает потенциальные коммуникативные возможности (можно только предполагать, сколько оттенков значения может передавать сказанное в разных условиях общения и с разными интенциями ну).

В качестве единичных иллюстраций мы представляем перевод на русский язык абсолютно идентичных по смыслу и даже плану выражения белорусских реплик, поскольку непосредственно идиоматические контексты (бел. *калі ласка* – рус. *пожалуйста*) крайне немногочисленны.

Неполное согласие реализовано 12 смысловыми группами: согласие-сомнение (*хіба што* с учётом идиоматической нагрузки может переводиться как *может, и так*), согласие-допущение (*наверное*), согласие-примирение (*ладно*), согласие-задумчивость (*угу*), согласие-вызов (*эх, была не была*), согласие-угроза (*попробуй/-те*), согласие-недовольство (*представь/-те себе*), согласие-безразличие (*будь по-твоему; хрен с тобой* со стилистической пометой *разг., груб.*), вынужденное согласие (*а куда деваться*), частичное согласие (*да как сказать*), незнание (*а чтоб я знал; чёрт его знает*), внешнее согласие (несогласие под видом согласия – *так-то оно так, да только...*).

Полное несогласие также представлено 20 смысловыми группами: поспешное несогласие (*нет-нет-нет*), официальное несогласие (*отставить; никак нет*), отказ (*да нет; вот!* в сопровождении комбинации из трёх пальцев как невербального актуализатора отношения говорящего), самоотказ (реакция на собственные слова в монологической части коммуника-

ции: *так нет же*), несогласие-божба (определён автором как подвид отказа: *чтоб я с этого места не сошёл*), неодобрение (*глупости*), сожаление (*вот беда*), запрет (*нельзя; ни-ни*), возмущение (*нет, вы только посмотрите; не на того напал*), инвективы (*сумасшедший; дурак*), несогласие-колкость (*да ну?!*), несогласие-недовольство (*куда там*), несогласие-недоверие (*брешешь*), несогласие-удивление (*позвольте! да я ушам своим не верю!*), несогласие-обида (*ах, вот оно что*), уход от темы (примирение: *ну-ну; да ну тебе*), вежливое несогласие (*пardon; нет, спасибо*), прерывание коммуникации (*баста! отвяжись! вон!* – очень объёмная группа по сравнению с более нейтральными), энантиосемия (*конечно!*), акцентуатор (десемантизированный элемент усиления монологической части высказывания: *нет, я всё равно доберусь до тебя!*).

Неполное несогласие на удивление лаконично представлено 4 смысловыми группами, что, видимо, обусловлено поведенческим стремлением собеседников к ясности, чёткости, однозначности (это абсолютно логично в свете коммуникативных максим Грайса): несогласие-смягчение (*нет, почему же*), несогласие-сомнение (*да нет* – уникальный случай, когда переходные явления грамматики, позволяющие контактно размещённым нечленным высказываниям, изначально имеющим абсолютно противоположное значение, выражать целый спектр интенций, эмоций и прочей информации), частичное несогласие (*пока нет*), уклонение (*я этого не сказал*).

В материале словаря широко представлено преимущественно грамматическое варьирование ответных реплик, поэтому он может быть интересен также для фразеологов, исследующих варьирование устойчивых фраз.

Материал словаря рецензируемого пособия, учитывая его тесную связь с речевыми актами, а именно, выражениями, образующими единства (в качестве реакции на реплику-стимул) – в абсолютном большинстве случаев означает принадлежность к неофициальным речевым жанрам как минимум в качестве их структурного элемента. Причём интересен факт пограничности ответных реплик согласия/несогласия словаря А. П. Латушко в плане их фатичности/информативности [3], поскольку их замысел не всегда однозначно соотносится одной из групп. Словарная часть пособия являет собой, скорее, шкалу градации интенций отвечающего. Но в одних случаях это информация, а в других – чистая фатика, особенно учитывая комментарии автора, подробно описывающие характер межличностных отношений коммуникантов, их статус, эмоциональный фон и под.

Такой скрупулёзный подход к рубрикации материала свидетельствует не только о собственно научной, но и методической глубине материала, поскольку пособие адресовано в первую очередь студентам-филологам, научная картина мира которых и терминологический инструментарий только формируются, а следовательно, должны быть ориентированы на лучшие издания в своей области.

Следует отметить в структуре пособия молодого специалиста А. П. Латушко наличие практикума, который способствует систематизации и закреплению эмпирического материала.

Несомненным плюсом пособия является внушительный список библиографических источников (158 позиций, среди которых издания на польском и английском языках).

Единственным, пожалуй, моментом, к которому есть вопросы, являются источники фактического материала. К сожалению, мы не обнаружили ни одного образца современной непосредственно устной белорусской речи,

но в оправдание автора тут же хочется уточнить, что случаи коммуникации на титульном для белорусского народа языке вне стен филологического факультета Белорусского государственного университета или страниц художественных произведений скорее редкость. Это обусловлено, к сожалению, не только желанием или нежеланием носителей белорусского языка, поэтому «охота» за живой устной белорусской речью достаточно трудна. Но А. П. Латушко справилась с задачей отбора практического материала, обратившись к несомненно лучшим образцам белорусского литературного языка, а именно – классическим литературным произведениям признанных авторов.

В заключение хочется выразить уверенность, что материал, изложенный в пособии А. П. Латушко, станет не только востребованным его целевой аудиторией [5], но и послужит началом дальнейших исследований важных лингвистических категорий на материале живой белорусской речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Латушка Г. П. Беларускія выразы згоды і нязгоды : вучэб.-метада. дапам. Мінск : БДУ, 2020. 135 с.
2. Kiklewicz A. *Tecza nad potokiem... Kategorie lingwistyki komunikacyjnej, socjolingwistyki i hermeneutyki lingwistycznej w ujęciu systemowym*. Lask : Leksem, 2010. 210 s.
3. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006. 376 с.
4. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. 3-е изд. М. : Просвещение, 1965. Ч. 2. С. 85–93.
5. Латушко А. П. Функциональные виды хэштегов (на примере социальной сети Инстаграм) // Инстаграм // Жанры речи. 2022. Т. 17. № 1 (33). С. 58–65. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-17-1-33-58-65>

REFERENCES

1. Latushka G. P. *Belaruskiya vyrazy zгоды i nyazgody : teaching aid* [Belarusian expressions of agreement

and disagreement]. Minsk, BSU Publ., 2020. 135 p. (in Belarussian).

2. Kiklewicz A. *Tecza nad potokiem... Kategorie lingwistyki komunikacyjnej, socjolingwistyki i hermeneutyki lingwistycznej w ujęciu systemowym* [Rainbow over the stream... Categories of communicative linguistics, sociolinguistics and linguistic hermeneutics in a systemic approach.]. Lask, Leksem Publ., 2010. 210 s. (in Polish).

3. Dementev V. V. *Nepriyamaya kommunikatsiya* [Indirect communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2006. 376 p. (in Russian).

4. Kartsevskiy S. O. On the asymmetric dualism of the linguistic sign. In: *Zvegintsev V. A. Istoriya yazykoznavaniya XIX–XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah* [History of linguistics of the XIX–XX centuries in sketches and extracts]. Moscow, Prosveschenie Publ. 1965. 3^d ed. Part. 2, pp. 85–93 (in Russian).

5. Latushka H. P. Functional types of hashtags (based on Instagram social network). *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 1 (33), pp. 58–65 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-58-65>

Поступила в редакцию 07.04.2021; одобрена после рецензирования 13.05.2021; принята к публикации 23.06.2021
The article was submitted 07.04.2021; approved after reviewing 13.05.2021; accepted for publication 23.06.2021

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *Т. А. Трубникова*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 23.05.2022. Подписано в свет 31.05.2022.
Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 9.3 (10). Тираж 100. Заказ 62-Т.

Издательство (редакция) Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.